

Дмитрий ЦВИБЕЛЬ

Валерию Цвибелю,
брату моему,
и светлой памяти
мамочки нашей любимой
Тамары Сергеевны Цвибель,
почившей в Святом городе Иерусалиме,
П О С В Я Щ А Ю

Моё Пятикнижие

Петрозаводск, 2025

УДК 94(2=411.16)
ББК 63.3(0=611.215)

Автор выражает благодарность
Наталии Деминой
за ценные замечания
при подготовке книги к печати

«Оглядывая прожитую жизнь память высвечивает отдельные ее моменты...» – так сам автор обозначил содержание этой книги, повторяющей форму Пятикнижия Моисеева, аллюзия на которую придает повествованию особый смысл. Эта книга третья в серии – предыдущие: «Post Scriptum» и «Мой еврейский вопрос», – с которыми она в некоторых своих частях ведет переключку, и с которыми составляет единый рассказ об этой самой прожитой жизни.

Цвибель, Дмитрий Григорьевич. Моё Пятикнижие / Дмитрий
Ц 28 Цвибель. - Петрозаводск : ПИН, 2025. - 167 с. : портр., ноты.
- Валерию Цвибелю, брату моему, и светлой памяти мамочки
нашей любимой Тамары Сергеевны Цвибель, почившей
в Святом городе Иерусалиме, посвящаю. - 100 экз. -
ISBN 978-5-6051277-9-6.

УДК 94(2=411.16)
ББК 63.3(0=611.215)

ISBN 978-5-6051277-9-6.

©Дмитрий Цвибель

В НАЧАЛЕ

Мой папа

1970 г.

Советское время никак не располагало к откровенным разговорам. Даже в семье родители мало рассказывали детям о прошлой своей жизни. Так многие и ушли, не оставив свидетельств. А эпоха была полна событиями необычайно трагичными, оставила рубцы, которые еще не скоро заживут. Даже поколение, родившееся уже после этих катаклизмов, ощущает их влияние, и, может быть, только наши дети смогут освободиться от разрушительных последствий происходившего. Но для этого нужна память, память о том, что было, чтобы попытаться разобраться в причинах, породивших столь чудовищную эпоху.

Но кроме эпохальных событий существовала и обычная жизнь обычных людей. Они не выбирали себе эпоху и жили, работали, растили детей. У них были свои горести и радости, отчаяние и надежда... Я хочу рассказать о своем отце, прежде всего, для себя и для того, чтобы оставить свидетельство своим детям. Рассказать то, что сохранила моя память, что удалось восстановить по рассказам знавших его. Это не биография, скорее – это отдельные эпизоды, впечатления, общий образ, бесконечно дорогой для меня.

Папина мама

Родился папа в 1907 году в Бобруйске, уездном центре Минской губернии, присоединенном в 1793 году к России от Польши в качестве местечка. В начале XIX века здесь была крепость, в которой евреям было запрещено строить какие бы то ни было здания. По переписи 1897 года из общего числа жителей в 34336 человек 20760 были евреи. В то время Бобруйск был центром белорусского еврейства: там находились многочисленные ешивы, талмуд-тора, два мужских народных училища (в одном ремесленное отделение), два женских общеобразовательных и одно женское профессиональное, известное книгоиздательство Яакова Гинзбурга. Бобруйск был и одним из центров Бунда (Еврейская социалистическая партия в Восточной Европе). Наиболее распространенными занятиями евреев были изготовление одежды, земледелие, торговля продуктами сельского хозяйства. Папин отец был столяром. В детстве папа, имея хороший голос, пел в синагоге. В 1914 году община собрала деньги, и папа поступил в местную гимназию. Он очень гордился этим и учился охотно. Сколько он там проучился, не знаю. Помнил папа немцев, которые платили за постой.

Папины старшие сестры Блюма и Зельда, одна в 1909, другая в 1911 году уехали в Америку. Сначала их женихи поехали туда «на разведку» в трюмах каких-то, очевидно, грузовых пароходов, затем вернулись, поженились и увезли их в Нью-Йорк,

поселившись в Бруклине и в Бронксе под фамилиями Горелик и Турецки. Папин старший брат Зяма в 16 лет ушел из дома, и как папа ни пытался его найти впоследствии, не смог.

Затем – Киев, до которого семья добиралась два года. Очевидно, уходили от бесконечных перемен власти в Бобруйске в период гражданской и советско-польских войн, сопровождавшихся грабежами и разбоем. Папины родители в Киеве попали в больницу и скончались с разницей в один день. У них в Киеве была какая-то родственница, но мама перед смертью сказала, чтобы папа устроился лучше в детский дом. Так папа в 15 лет оказался в детском доме. Папу звали Мордух-Гирш, но записали Гришей.

Воспоминания о детском доме у него сохранились самые благоприятные. Он рассказывал, как его с другом наказали за какой-то проступок – отлучили от коллектива, и они питались не в общей столовой, а у себя в комнате, куда им еду приносили. Но через пару дней, когда поняли, что это доставляет им удовольствие, наказание было снято. Вообще, папа говорил, что отношение к детям было очень хорошим – ведь тогда считали, что именно из них, не обремененных памятью о прошлом, вырастет новый советский человек с новым сознанием.

Когда должно было начаться обучение какому-нибудь ремеслу, его спросили, кем он хочет стать. Папа не знал. Но у него обнаружился хороший музыкальный слух. Его повели в музыкальный техникум, чтобы показать инструменты. Как рассказывал папа, на сцену вышел какой-то скрипач маленького роста, подбородком прижал скрипочку к ключице, весь согнулся и так жалобно заиграл, что папа тут же сказал, что не хочет такой музыки. Затем ему показали пианиста – вот это другое дело! Ему понравилось, что тот был хозяином своего инструмента, гордо сидел на стуле, тряся огромной шевелюрой, и играл что-то очень громкое, торжественное. Но возникла проблема – в детском доме не было инструмента. Поскольку в то время дети были действительно под опекой государства, все решилось очень просто, хотя и по-советски. Приехал грузовик с несколь-

кими чекистами, посадили папу, и они выехали на Крещатик. Там папа с сопровождающим вышли и двинулись вдоль улицы. Они шли и слушали, откуда раздадутся звуки рояля. Услышав, поднялись по лестнице, вошли в квартиру. Там оказался пожилой человек, и посередине комнаты стоял рояль. Сопровождающий папу сказал хозяину, что инструмент реквизируется, показав какую-то бумагу (для убедительности на ремне у него висел револьвер), позвал хлопцев, и инструмент благополучно переехал в детский дом. Этот старичок, оказавшийся дирижером, часто приходил, давал уроки и просил аккуратно обращаться с инструментом – он все надеялся получить его обратно. Папа ему нравился, и он даже предлагал его усыновить.

В то время в Киев приехала группа из США, проводившая по своей системе исследования среди детей на выявление способностей и реакции мозга. Обследовали они детские дома. Вернувшись, написали отчет, который попал в газеты, там был упомянут и папа, обладавший какими-то уникальными способностями по их критериям. По этому отчету папины сестры узнали, где он находится, и послали человека в Киев, чтобы тот забрал его в Америку. В детском доме устроили общее собрание, на котором сказали, что нашего Гришу хотят увезти к капиталистам, эксплуататорам. «Не отдадим Гришу!» Папе человек этот не понравился – глазки маленькие, бегающие – и он отказался уезжать. Тот дал ему пять долларов, оставил адрес сестер, и его больше не видели. С сестрами папа переписывался почти до самой войны и даже получал фото и иногда пять долларов. Все это он уничтожил и прекратил переписку, когда НКВД пришло за соседом.

В 1924 году папа, как способный ученик, получил стипендию им. Ленина (об этом было написано в официальной газете Киева) и поступил в Музыкальный техникум. Там его соучениками были ставшие впоследствии знаменитыми музыкантами: дирижер Исай Шерман, первый исполнитель балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» в Кировском театре и балета Синисало «Сампо» в нашем Музыкальном театре; пианист, профессор Ленинградской консерватории Натан Перельман. Когда потре-

бовалось подтверждение папиного музыкального образования (диплом папа потерял во время войны), Шерман написал в наше министерство культуры письмо с подтверждением факта папиной учебы в Киеве.

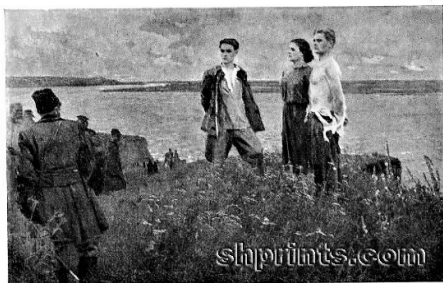
Время учебы папа вспоминал с большим удовольствием. Жизнь в Киеве бурлила, выплескивалась через край. Ломалось старое, на смену приходило что-то другое, тогда еще никто не знал, во что это выльется. Иногда это принимало и уродливые формы. Например, папа вспоминал, что вышел букварь, где писалось все так, как говорилось в жизни, причем, в выражениях там не стеснялись – как в народе говорили, так и учили. Помнил демонстрацию совершенно голых молодых юношей и девушек, шедших по Крещатику с плакатами «Долой стыд», «Стыд – пережиток прошлого».

Однажды в цирке на арену вышли иллюзионисты. Они выкатили небольшой ящичек с отверстием на верхней крышке и предложили сложить туда все, что пожелает почтенная публика. «Почтенная публика» сначала робко, потом с большим энтузиазмом понесла пиджаки, кофточки, сумочки, зонты, шляпки, даже обувь. И все каким-то образом действительно укладывалось через это маленькое отверстие внутрь загадочного ящичка. Потом ящичек увезли, и конференсье объявил, что вещи можно будет получить после представления. После представления все ринулись к служебному входу, но, увы, ни ящичка, ни самих иллюзионистов там не было. Директор развел руками и объяснил, что эти артисты пришли к нему днем, показали номер и попросились выступить, и, если все пройдет удачно, согласны работать сезон. Видимо, им хватило одного выступления.

В другой раз был объявлен концерт Шаляпина. Когда толпы зрителей рванулись в кассы филармонии, билетов уже не было. Рядом ходили перекупщики и продавали билеты в три – четыре раза дороже. Все равно билеты разошлись. За день до назначенного концерта появилось объявление, что из-за болезни Шаляпина концерт не состоится, билеты можно вернуть в кассу. Но в кассе билеты принимали по их настоящей цене!..

Но не все было так. Папа, например, был на концертах Симона Барера, пианиста-виртуоза. Когда он играл Шестую рапсодию Листа, в зале вставали на стулья и залезали на сцену (пианист не возражал), чтобы убедиться, что это не обман, что он действительно сам играет, потому что в таком темпе и так чисто играть «октавную» часть этой рапсодии просто невозможно! Слушал папа и Владимира Горовица. Уже тогда было ясно, что это великий музыкант. Был на концерте Айседоры Дункан, которая его потрясла. Уже немолодая женщина, одиноко стоявшая на сцене в какой-то хламиде, производила не очень приятное впечатление, но как только начинала звучать музыка, она преображалась, и начиналось действие, которое завораживало, гипнотизировало, оставаясь в памяти на всю жизнь.

Еще учась в технике, папа подрабатывал тапером – играл, сопровождая немые кинофильмы. И он хорошо запомнил фильм режиссера А. Анощенко «Трипольская трагедия» (1926), где речь идет о трагической гибели в 1919 году комсомоль-

Ю. Кияченко.
«Трипольская трагедия»

ского отряда особого назначения во время гражданской войны на Украине. Окруженные бандой «зеленых», юные персонажи картины были взяты в плен, подвергнуты жесточайшим пыткам, а потом уничтожены самым зверским образом. Этот фильм основан на подлинных фактах гибели группы комсомольцев-добровольцев из Киева во главе с Ратманским и Фастовским, состоявшей в основном из выходцев с еврейского Подола. И главная героиня фильма – папина сестра!

Может быть поэтому, когда позже папа проходил военные сборы, и там надо было тренироваться наносить удары штыком по чучелу, он не мог делать этого. Над ним смеялись, пытались заставить, но он написал командиру большое письмо «высо-

ким штилем», в котором просил заменить ему эти упражнения. Причем написал так, что на общем построении командир командовал:

– Цвибель, три шага вперед!

Только посмотрел на него, ничего не сказал, и папа был освобожден.

В папином военном билете, выданном в 1948 году, значится:

Окончил Музыкальный техникум в г. Киеве в 1928 году. Призван Киевским горвоенкоматом 25.6.1929 г. Признан годным к строевой службе и зачислен в запас 2 категории. В Советской армии не служил. Специальность: пианист. Беспартийный. В ВЛКСМ не состоит. Национальность: еврей. Родной язык: русский. Знание иностранных языков: немецкий. Рост: 165. Окружность головы: 57. Противогаз: 3. Размер обуви: 41.

(Кстати, про обувь. Когда надо было поменять обувь, папа заходил в магазин, говорил, что у него 45 размер, надевал новую, пробовал, чтобы не жала, расплывался, оставлял старую и уходил. Как-то, когда они уже поженились, мама сама купила ему ботинки, принесла домой и попросила померить – может, подойдет? Правда, они 43 размера. Папа надел, прошелся – не жмет. Так и ходил. В следующий раз они зашли в магазин и стали выбирать. Приглянулась одна пара и, не посмотрев на размер, папа примерил. Хорошо. Обувь оказалась 41 размера. В конце концов выяснилось, что у папы вообще 39 размер!)

Дальше в папиной биографии для меня сплошные пробелы.

Папа почему-то уехал в Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья в театр концертмейстером (очевидно, в Немгостеатр, открывшийся в 1931 году). Редактировал там стенную газету на немецком языке. Знаю, что у него были большие способности к изучению языков, и он самостоятельно изучал их всю жизнь. Знал не менее пятнад-

цати, перевел на немецкий «Полтаву» Пушкина. Во время страшного голода (1932-33 года), когда были изъяты у населения все продукты, и от голода погибли свыше 50 тысяч человек, получал паек, поэтому и выжил. В ноябре 1934 года из-

Мама, 1938 г.

дается директива о «борьбе с фашистами и их пособниками» среди немецкого населения СССР. Директива дала толчок мощной одноименной репрессивной кампании против советских немцев, в том числе и в АССР НП. По всей видимости к этому периоду (хотя, возможно, и ко времени войны) относится эпизод с обвинением папы в том, что он немецкий шпион! Доводы о том, что он не может быть немецким шпионом, будучи евреем, не убедили, и тогда папа сказал, что его сестра – герой комсомола. Как ни странно, никто этого проверять не стал, но его отпустили.

Каким-то образом папа поступил в Москве в институт (что за институт, я не знаю). Но поскольку преподаватели литературы и языка были слабыми, и упор делался на идеологию, когда сказали, что тех, кто поедет в колхоз помогать убирать урожай без экзаменов переведут на следующий курс, папа ушел. Нанимался на работу в театр к Соломону Михоэлсу. Но что-то ему не понравилось в разговоре с Михоэлсом, и он отказался.

Затем – папа уже в Архангельске, в филармоническом симфоническом оркестре.

Наш Музыкальный театр гастролировал в Архангельске. В один из дней мне сказали оркестранты, что к ним на спектакле

в антракте подошел пожилой человек и спросил, указывая на программку, приехал ли на гастроли Цвибель. Они ответили утвердительно, и он попросил, чтобы я подошел на следующий день на спектакль для встречи.

В антракте мы встретились у оркестровой ямы. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

- Ты сын Гриши?
- Да.
- Так Гриша женился?
- Выходит, да. И даже уже умер.
- Жаль.
- Жаль, что женился, или...
- А ты остряк в него.

1939 г.

Мы разговорились. Оказывается, они вместе работали в Архангельской филармонии до войны, даже жили некоторое время в одной комнате. Гриша был не от мира сего – всегда с книгой в руках, даже дорогу переходил, читая. Как его не задавили для всех оставалось загадкой. Никого не замечал вокруг, был погружен в свои мысли. Деньги, полученные за работу, клал в саквояж, который стоял в углу, не считая. Многие брали у него в долг, но немногие отдавали. Его все любили, но он на девушек не смотрел. И вот однажды вдруг увидел девушку в библиотеке, даже не девушку, а книги, которые она взяла, на девушку он обратил внимание уже потом и сразу же влюбился, а у нее был жених... Что было дальше он не знает – началась война, и всех раскидало кого куда. Девушка училась в Музыкальном училище на скрипке, звали ее Тамара.

- Это твоя мать?
- Да. И еще есть два брата. И папа с мамой были необыкновенно счастливы в браке.

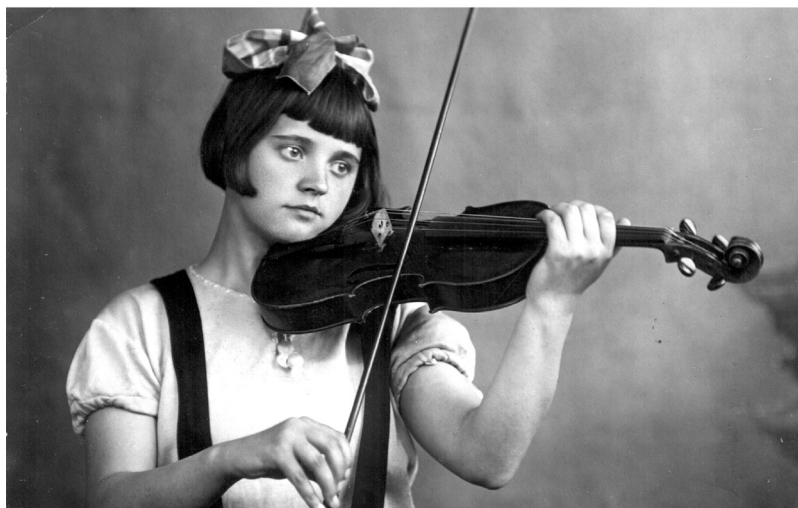

Дальнейшую историю я узнал уже от мамы через много-много лет, когда она приехала из Иерусалима, где живет с сыном Валерой и внуками, в Петрозаводск погостить.

С началом войны была объявлена мобилизация, и папа, получив повестку, направился к месту формирования части, отправляющейся на фронт. Но его по дороге перехватил админи-

1941 г. стратор из филармонии Розанов: «Ты что, с ума сошел? Куда тебе воевать? Давай документы!» Он забрал документы, побежал в военкомат и сказал, что по приказу (он назвал какую-то несуществующую организацию) формируется концертная бригада для обслуживания фронтов. Розанов был достаточно известным человеком, и в военкомате не стали разбираться – дел было невпроворот – и убрали папины документы из картотеки. Так Розанов освободил еще несколько человек, и они создали военно-полевую бригаду, которая обслуживала фронт, давала концерты для солдат, отбывающих на передовую, работала в тылу. В этой бригаде оказалась и мама, игравшая на скрипке.

Однажды они ехали с концерта на открытом грузовике, их предупредили, что начинается наступление, и надо поскорее убираться. Шофер проскочил какой-то пост, даже не заметив его, и постовой выстрелил вдогонку. Пуля попала дирижеру Льву Косинскому в пряжку ремня и срикошетила, ранив сидящего на другой скамье виолончелиста Гельфмана. Тот сначала даже не очень почувствовал это. Лишь потом сказал, что он, кажется, ранен. Когда добрались до поселка, где был медпункт, он еще пытался сам слезть с грузовика, но санитары положили его на носилки и понесли. Последние слова, которые сказал Гельфман, были: «Подождите, сейчас я вернусь, это быстро». Но пуля

1938 г.

свое дело сделала – был задет какой-то важный орган, и когда ее извлекли, Гельфман умер. Его тут же и похоронили – у двух березок. Лев Косинский хранил эту пулю всю жизнь.

4 декабря 1941 года в Архангельске мама родила сына Володю.

Потом был Республиканский театр музыкальной комедии КФССР, организованный в 1940 году и базировавшийся первоначально в Медвежьегорске. За время существования театра (1940-1948) в нем работали такие известные в театральном мире деятели, как Н. Рубан, О. Калинина, А. Феона, Л. Косинский, А. Голланд, Г. Синисало, Е. Ривьери, Л. Теплицкий, К. Милютин-Савич, Л. Вишкарев, А. Мелков, Х. Мальми и другие. Был сыгран огромный репертуар – практически весь «джентльменский набор» любого театра оперетты: «Сильва», «Марица», «Роз-Мари», «Холопка», «Корневильские колокола», «Свадьба в Малиновке», «Веселая вдова», «Баядера», «Перикола» и пр. Поскольку театр не имел своего постоянного помещения и его работа пришлось на военное время, театр постоянно гастролировал: Петрозаводск, Беломорск, Мурманск, Вологда, Мед-

вежьегорск, Беломорск, Кондопога, Кемь, Кандалакша, Архангельск, Тула, Сортавала, Уральск, Ярославль, Рыбинск... Плюс огромная концертная деятельность, в том числе и на передовой. В этом театре всю войну и проработал папа (мама все это время была с ним).

Когда и как папа попал в театр, не знаю – есть два свидетельства, противоречащие друг другу: согласно трудовой книжке и согласно свидетельству Николая Рубана, зафиксированному в его книжке «Всю войну на колесах».

В трудовой книжке, заведенной 7 января 1942 года с пометкой «Дубликат», значится: «Зачислен в КФ театр концертмейстером-пианистом с окладом 700 руб. с 7/VI-42 г. ...Общий стаж до поступления в КФ театр 15 лет. Документально не подтверждено». (Либо папа потерял предыдущую книжку, либо, что более вероятно, он ее уничтожил, поскольку там должна была стоять запись о его работе в немецком театре. В той обстановке это могло иметь самые, мягко говоря, нежелательные последствия.) Это сходится и с мамиными воспоминаниями о первых днях войны и первых выступлениях с концертной бригадой в Архангельской области.

А в книжке Николая Рубана говорится о первых гастролях театра в Выборге, начавшихся 19 июня 1941 года спектаклем «Холопка». В воскресенье 22 июня театр еще сыграл в полупустом зале оперетту «Роз-Мари». И далее: «Сразу же были сформированы концертные бригады <...> и уже 23 июня в большом переполненном мобилизованными кинотеатре «Кинолинка», где помещался призывной пункт, артисты театра дали свой первый шефский концерт для будущих воинов нашей Армии <...> 26 июня Финляндия вступила в войну на стороне Гитлера. По путевке Дома Красной Армии две наши концертные бригады были направлены в воинские части, занимавшие оборону на Выборгском направлении, пока еще относительно спокойном <...> Уже 26 июня наша первая концертная бригада в составе артистов О.И. Сорокиной, А.И. Орехова, Э.Н. Лер, Р.О. Чарпо,

1946 г.

Е.Г. Рубин, В.И. Орлова и балерины Зои Орловой под аккомпанемент баяна, на котором играл Г.И. Цвибель, обслуживала наши гарнизоны на границе, дав несколько концертов». (Когда на площадке не было фортепиано, папе приходилось играть на баяне, хотя он этому не учился.)

Все же мамино свидетельство, очевидно, достоверно. Рубан мог ошибиться, назвав папу в составе первой концертной бригады.

Несомненно, прифронтовые театры, фронтовые концертные бригады внесли ощутимый вклад в общее дело победы. Солдатам просто необходима была разрядка после всех ужасов, выпавших на их долю. Необходима, чтобы осознать, хотя бы на тот краткий момент спектакля или концерта, что война – ненормальное состояние человека, вспомнить о простых человеческих чувствах. Когда я в 1980 году попал в больницу, мой сосед по палате рассказал, какое впечатление на него оказал спектакль нашего театра «Сильва», который он посмотрел в 1943 году в Рыбинске. Как он сказал: «После этого захотелось жить! Прошло уже столько времени, а я помню даже фамилию актрисы, игравшей Сильву – Ольга Калинина».

Каково же было его удивление, когда я сказал, что Ольга Павловна до сих пор работает в нашем Музыкальном училище. Он пообещал, когда выйдет из больницы, подойти к ней и сказать спасибо.

С Ольгой Павловной я работал в Доме культуры Онежского тракторного завода. Она вела вокальный кружок, я был концертмейстером. Она много рассказывала про театр, военное

Наша семья, 1956 г.

С Валериком

Со мной, 1948 г.

время, концерты на передовой. Концерты, как правило, строились по заведенному трафарету: сначала песни о Сталине, о Родине, потом угрозы врагу, а уж потом начинался сам концерт. (Прямо, как в анекдоте: – Маша, концерт уже начался? – Нет, еще только пианист играет.) Так вот, частенько, особенно когда приезжали на передовую, подходил политрук и говорил: «Вы начало можете пропустить, давайте прямо со второй части». Понятно – их, которые ежеминутно рискуют жизнью, учить патриотизму...

После концерта, обычно, артистов кормили. И тут, чтобы подзадорить командира и получше покушать, кто-нибудь из молодых актрис, как бы невзначай бросала фразу: «Вот мы были вчера на такой-то заставе, так нас там так угостили!..» После таких слов, чтобы поддержать честь мундира, командир делал все возможное, чтобы было не хуже.

Мне рассказали, что через много лет после окончания войны, когда уже можно было выезжать за границу, Хельми Мальми, танцовщица и балетмейстер, была на одной из встреч бывших фронтовиков в Финляндии, где рассказывала о своей жизни, работе в театре, фронтовых концертах. После встречи к ней подошел пожилой мужчина и сказал:

– Я Вас узнал. Я тогда был «кукушкой», видел ваш концерт, и Вы были у меня на прицеле. Но уж больно хорошо Вы танцевали! (Волшебная сила искусства!)

Поскольку после войны в Петрозаводске не нашлось подходящего помещения для работы, театр обосновался в Сортавале, где я и родился.

В декабре 1946 года театр выехал на длительные гастроли в Ярославль, а наша семья переехала в Петрозаводск, где папа стал работать концертмейстером в филармонии, затем заведующим музыкальной частью Республиканского театра Русской драмы и, наконец, в Музыкальном училище.

10 марта 1948 года Музыкальный театр расформировали.

За работу в годы войны папа был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Рядом с домом, где мы жили, строился большой (как мне тогда в 1948–50 гг. казалось) каменный дом (это угловой дом на перекрестке улиц Луначарского и Невского (тогда – Урицкого), где сейчас располагается аптека № 4). Строили его пленные немцы. Стройка была обнесена колючей проволокой, по углам стояли караульные вышки. Вечером немцев в сопровождении служебных собак уводили мимо нашего дома куда-то в сторону пивзавода. Каким-то образом папа познакомился с немецким офицером, работавшим там, и они частенько беседовали через колючую проволоку. Папа в совершенстве знал немецкий язык, естественно, музыку, изучал немецкую философию, и у них находились темы для разговоров. Иногда папа даже передавал ему что-нибудь из еды, хотя сам был не всегда сыт. Это может показаться странным – немец и еврей спокойно беседуют после того, что совсем недавно произошло, но папа никогда не винил **немецкий народ** в Холокосте. Папа разделял народ и идеологию, которую ему навязывали или политические мотивы, как внутренние, так и внешние (за примерами ходить далеко не надо: антисемитские компании в СССР 48 – 53гг., шестидесятых, затем в России девяностых годов, современный антисемитизм, принимающий международный характер... Но эта тема неисчерпаема). Для папы это был человек, попавший за колючую проволоку за преступления других.

Для меня так и остается загадкой фраза, сказанная однажды папой, которая меня потрясла своей неожиданностью. К этой теме папа больше не возвращался и ничего даже похожего никогда не говорил. Он произнес тихо и очень спокойно, без эмоций: «Я хотел бы, чтобы когда будут вешать последнего на земле коммуниста, повесили его над моей могилой».

Я часто вспоминаю эту фразу, такую несвойственную папе, даже, можно сказать, кощунственную в его устах, пытаюсь понять, что заставило папу произнести ее. За всю свою жизнь папа, как говорится, мухи не обидел, всегда смотрел на жизнь

как бы даже со стороны, с некоторого расстояния, с долей легкой иронии. Когда в тридцатые годы его спросили, как он относится к советской власти, за него ответил его товарищ: «Да он ее просто не замечает», и все посмеялись (странно, что все обошлось – могло кончиться для всех весьма плачевно). Что же было в действительности у него на душе? Какую надо было вести внутреннюю борьбу, сколько надо было держать в себе, чтобы однажды сказать такое своему сыну?

Я долго сомневался, стоит ли писать об этом? Но мне тоже тяжело держать такое внутри. Может быть, кто-нибудь сможет объяснить мне?..

Своих книг дома у нас не было – мы брали их в библиотеке. Папа читал, в основном, немецкие. Где он их доставал я не знаю – ему, очевидно, дарили за ненадобностью. Читал он своеобразно: прочитывая страницу, вырывал ее и – в печку на растопку! Говорил, что так удобно – не надо искать, где остановился, всегда открываешь на первой странице. Причем читал он везде, даже в очередях, когда к очередному советскому празднику, что-нибудь «давали»: маргарин, муку, сахар, масло или колбасу. Так и двигался к прилавку, не отрываясь от книги. Его все знали, и относились к этому спокойно. А поскольку существовали «нормы товаров, отпускаемых в одни руки», стояли семьями, очереди были длинными и в магазин не помещались, «давали» все это со двора, и очередь змейкой огибала двор магазина, да еще не один раз, так что за это время можно было получить не одно высшее образование. Хотя для меня остается загадкой – как, работая на шести работах, папа находил время еще и стоять в очередях? (Вообще сейчас трудно объяснить гамму чувств, которые охватывали человека, когда прибегала соседка и кричала: «Тамара, на Зареке маргарин дают!» или: «У водников колбасу выбросили!», «Посмотри, какие я туфли отхватила!» Те, кто этого не пережил, не поймут. Мне очень любопытно, как это перевести на другой язык, если уже и по-русски непонятно?) На работе на пюпитре рядом с нотами у папы всегда стояла книга, и пока педагог в музыкальном училище или балетмейстер в

театре объясняли, что они хотят от студента или артиста, папа успевал прочитать несколько фраз, и во время игры обдумывал прочитанное. Инструментом он владел в совершенстве, а читка с листа у него была просто феноменальной. То, что другим концертмейстерам необходимо было учить или, по крайней мере, заранее знакомиться с текстом, он играл без труда, да еще мог при этом разговаривать! Студенты частенько специально приносили из библиотеки какие-нибудь незнакомые трудноисполнимые клавиры и просили сыграть, предвкушая удовольствие. Папа не отказывался – он любил молодежь и с готовностью делился своими знаниями и умением.

Владимир Хинчук, преподававший в музыкальном училище музлитературу и еще работавший настройщиком, всегда носил с собой чемоданчик с инструментами для работы. Но там же были аккуратно уложены, на всякий случай, смена белья и сухой паек на несколько дней – борьба с «безродными космополитами», «морганистами-вейсманистами», «врачами-убийцами» была еще жива в памяти. Кстати, однажды преподаватели училища собрали деньги и купили брюки одному студенту, который очень бедствовал. Так на одном из собраний он встал и поблагодарил... товарища Сталина за такое внимание к обыкновенному советскому студенту!!!

Когда у нас появилось пианино, папа пригласил Хинчука настроить его.

– Деньги я тебе отдам при коммунизме, – пообещал папа.
– Так при коммунизме денег-то не будет!
– Ну, вот видишь, как хорошо. А у меня их *уже* нет, значит *на меня* он, этот коммунизм, уже наступил.

Однажды мы идем с папой по улице. Навстречу нам, сторбившись, очень медленно движется артист Драматического театра Геннадий Куксов. Он жил один, жена умерла, с дочерью отношения не складывались, на работе тоже никакого просвета: играл он второстепенные, а то и третьестепенные роли. Я его

запомнил в каком-то детском спектакле в роли кактуса, стоящим на третьем плане, без слов. Поравнявшись с нами, говорит:

- Гриша, я, наверное, скоро умру.
- Ты умрешь, когда поумнеешь. А не поумнеешь ты никогда.

И оставив его в некотором недоумении, мы пошли дальше.

Прошло много времени, папа умер. Куксову исполнялась какая-то круглая дата, и его пригласили в Дом актера, чтобы поздравить. Пришли всего несколько человек. Куксов уже никого не узнавал, сидел отрешенно. Но когда подошел я с поздравлением, глаза его просветлели:

– А... Вот тебя я помню: ты – сын Гриши Цвибея. Он сказал, что я умру тогда, когда поумнею. Видимо, я еще не поумнел.

Спустя некоторое время он, все же, «поумнел».

Жили мы в деревянном двухэтажном доме, одном из двух «театральных» домов по улице Луначарского (они существуют и поныне). Вода – на колонке через два дома, печное отопление, туалет – с выгребной ямой, поэтому мух у нас было предостаточно. Мы делали мухобойки – палка с прибитой к ней старой подошвой от ботинка. Как-то я гоняюсь за мухой с этой самой мухобойкой, приходит папа и говорит:

- Да не так. Смотри.

Подходит к окну, открывает форточку:

- Муха, улетай!

И муха улетела!

В балетном зале

На меня это произвело неизгладимое впечатление. Я теперь сидел в центре комнаты и приглашал мух улетать, даже говорил волшебное слово «пожалуйста», но они меня не очень слушались, скорее, их становилось даже больше.

Через год после смерти папы я на кладбище обустроиваю папину могилу. Делаю планировку, сажаю траву, розы, посадил березку (сейчас она выросла высотой с пятиэтажный дом, причем, березка тройная: из одного корня – три ствола, как трое сыновей). Подготавливаю место для установки постоянного надгробия. Пока стоит временный столбик, на котором прибита фотография.

Мимо идет средних лет мужчина, останавливается, просит закурить. Я говорю, что не курю, он подходит и спрашивает, кто здесь у меня похоронен. Я отвечаю, что отец. Он сочувствует, рассказывает о своих, похороненных на этом кладбище, и случайно его взгляд останавливается на фотографии.

– Да это же Григорий Ильич! Извини, я не знал, что он умер. Он работал в детском садике у моей дочери музыкальным

руководителем, играл им всякие песенки. Ох, какой человек! Жалко. Дочь уже выросла, учится в университете, но мы его хорошо помним. Давай помогу тебе.

Дальше мы работаем уже вдвоем.

Папа никогда не болел – он не мог позволить себе такой роскоши, и больше всего боялся попасть в больницу (может быть – воспоминания детства, когда в больнице умерли его родители?). Но он боялся еще и из-за того, что единственный из семьи работал: я учился в седьмом классе, старший брат Володя – в десятом, младший Валера – во втором. По больничному листу платили только за одну основную работу, так что можно себе представить в какое положение попала бы семья. И работал он на шести работах: в Музыкальном училище, Музыкальном театре, в Доме культуры ОТЗ, кинотеатре «Сампо» (там перед тремя вечерними сеансами играл небольшой оркестр), в двух детских садиках. Но, все же, папа попал в больницу. Этому предшествовали драматические события.

Неожиданно к нам во двор въехала легковая машина, и папу увезли в КГБ. Ночь он провел там. Что ему инкриминировали, я не знаю, очевидно, общительный характер, анекдоты, слишком широкую эрудицию для советского человека, да еще, может быть, знание многих иностранных языков. Он много общался с молодежью, которая его обожала за веселый нрав и крайнюю доброжелательность. Кроме того, он помогал сдавать «тысячи» – переводил иностранные тексты студентам, в основном газетные, причем с любого языка. И хотя газеты продавались только коммунистические, все же там кое-что освещалось не совсем так, как в СССР. И папа с листа сразу читал перевод какой-нибудь английской газеты, а пока студент записывал, другому переводил французскую, немецкую или итальянскую. Да много ли надо для КГБ: был бы человек, а «дело» найдется. Как потом стало известно, «оттуда» позвонили в Музыкальный театр директору, и Сергей Петрович Звездин сказал, что Цвигель ему нужен, он незаменимый работник (тогда начиналась

1971 г.

работа над балетом «Сампо») и вообще, он, как директор, за него ручается. Этим папа был спасен, и его отпустили. Но тот шок, который папа перенес (он понимал, что если его «заберут», семье просто не на что будет существовать), многолетняя изнурительная работа сделали свое – папа заболел. Сначала он продолжал ходить на работу и на ногах перенес воспаление легких, которое закончилось тяжелым плевритом. Он слег. Чтобы не лишать оркестрантов, играющих в кинотеатре, работы (пианистов в го-

роде тогда было очень мало), папа показал мне репертуар оркестра, и я его заменил. Играть я мог, естественно, только то, что успел выучить с папой. Картина была для того времени более чем неординарная: на сцене среди маститых известных в городе музыкантов за пианино сидел тринадцатилетний ребенок в гольфиках и сосредоточенно, глядя в ноты, барабанил по клавишам. И это перед вечерними сеансами, куда детей до 16 лет не допускали! Так продолжалось дней семь-восемь. Поскольку мне приходилось уходить с последних двух уроков в школе (я учился тогда во вторую смену), это стало известно «кому надо». Разразился скандал. Однажды я прихожу на работу в кинотеатр, а меня не пускают. Вышел руководитель оркестра и директор кинотеатра и сказали, что пришла бумага из ГОРОНО с приказом «прекратить это безобразие». Тогда меня чуть не выгнали из школы, а музыканты неделю сидели без работы, пока не нашли мне замену.

Папе становилось все хуже, и его увезли в больницу. Тогда она размещалась на улице Военной в деревянном двухэтажном здании. Его лечащим врачом был легендарный Наум Давыдович Цаль. Положение папы было критическим, болезнь была запущенной. Несколько дней жизнь папы была в опасности. Но

когда кризис миновал, папа, который панически боялся уколов, попросил отменить их. Как потом рассказал Наум Давыдович, когда он посмотрел в папины глаза, то понял, что лучше согласиться. Папа откуда-то взял, что можно вылечиться... яблоками! Почему именно яблоками, совершенно непонятно. Но он был убежден в этом, и сообщил Науму Давыдовичу. И Наум Давыдович согласился и с этим!!! Уколы отменили, и папа ел яблоки килограммами. Их приносили все, посещавшие его. Через месяц папу выписали из больницы.

Тут я должен рассказать об одном эпизоде, который я сохраняю с благодарностью в памяти до конца своих дней.

Когда папу увезли в больницу, мы остались, практически, без средств к существованию. Денежных накоплений, естественно, не было – жили от зарплаты до зарплаты. А теперь вообще папе полагались деньги по больничному только с места основной работы – из Музыкального училища.

И вот однажды, когда я был дома один, в дверь постучались, и вошла молодая женщина. Она протянула мне конверт и сказала, что это от артистов балета Григорию Ильичу. Там были деньги. Мама, придя домой, узнав об этом, расплакалась. Для нас это было спасением! Только позже я смог в полной мере осознать значимость этого поступка. Артисты балета, сами нищие, получавшие совершенные гроши – и это при их-то нагрузках – протянули руку помощи своему концертмейстеру. Для папы это был, прежде всего, акт моральной поддержки, во многом помогший ему справиться с болезнью (впервые я рассказал про этот случай артистам, когда с благодарностью прощался с театром после сорокалетней работы).

Когда папу выписывали из больницы, и он зашел, уже одетый, с шапкой в руках в палату попрощаться, сосед по палате вдруг закричал:

– Да я Вас знаю! Вы играете в оркестре перед вечерними сеансами в кинотеатре «Сампо». Мы по Вам часы сверяем!

Папа очень удивился.

– Да, да. Вы ежедневно проходите мимо нашего дома в одно и то же время вверх по улице Урицкого, и ваша голова приходится как раз на уровне нашего окна. Я узнал Вас по шапке!

Летом 1964 года в Ленинграде проходила выставка «Средства связи США», и я, оказавшись там проездом, пошел на нее. Отстояв в очереди более двух часов, наконец, попал внутрь, получив значок и красивый проспект. Выставка разместилась в помещении театра «Ленинского комсомола», и экспонировались там достижения в области связи. Выставка для нас была прямо, как из другого мира: на стенах висели огромные плоские цветные телевизоры, и через небольшие телекамеры можно было увидеть себя на экране; демонстрировались лазеры и всевозможные сферы их применения, что само по себе вызывало удивление, да еще стояла установка, воспроизводящая музыку, причем проводником служил лазерный луч, и можно было, подставив ладонь, перекрыть его, и музыка прекращалась. Специальный стенд был назван «Микроминиатюризация», мимо которого я проходил несколько раз и не замечал, а когда присмотрелся, то был поражен – там было все настолько маленьким, что даже стояли увеличительные стекла. Это были первые микросхемы на кремниевой стружке, способные заменить целые блоки лампового приемника (я был радиолюбителем, собирал приемники, и не мог себе представить такое) – то, из чего потом делались микрокалькуляторы и компьютеры. Но основное внимание мое привлекли три телефонные будки, стоящие посередине зала и полки с телефонными книгами номеров всех США! Причем, телефонные книги Нью-Йорка и других крупных городов были даже по районам. Можно было найти интересующий тебя номер и позвонить бесплатно прямо с выставки. Я вспомнил, что в Бруклине и Бронксе живут мои тетки (папины сестры) и взял в руки справочник Бруклина большого формата и очень толстый, хотя и отпечатанный на тонкой бумаге, чтобы найти их фамилии. И тут произошло не-

объяснимое: я забыл фамилии своих родственников. Я листал справочник Бруклина, потом Бронкса, ставил на место, опять листал... Все напрасно! Я ходил по выставке более двух часов, пытаюсь вспомнить. Хотя и понимал, что с такими фамилиями, как у них, в Нью-Йорке живет не одна сотня людей, но хотелось наудачу позвонить – вдруг попаду куда-нибудь и, хотя бы, подам голос. Я так и не смог вспомнить, а время шло – мне надо было ехать в аэропорт. Отложив в последний раз справочник Бронкса, я вышел из здания и пройдя несколько шагов остановился: Горелик, Турецки!!! Чего же проще? Но вернуться я уже не мог – надо было отстоять два часа в очереди, а времени на это не было.

Так случилось, что мы очень редко разговаривали с папой наедине: как всегда, на самых близких людей не хватает времени. Однажды он пришел ко мне в общежитие театра, где я жил. Разговор зашел о Шостаковиче. Я знал, что папа не любил Шостаковича. Когда он впервые сыграл его Первую симфонию (там в оркестровке большая фортепианная партия), ему показалось, что музыка кончилась. У папы вызывали неприязнь и выступления Шостаковича в печати и по радио – блеклые и очень уж казенные (понятно, что он мог тогда говорить), а вступление в партию в 1960 году воспринимались папой, как капитуляция перед властью (только когда много позже за рубежом была опубликована книга Соломона Волкова «Свидетельство. Мемуары Дмитрия Шостаковича», многое стало понятным). Я пытался защищать Шостаковича, говоря, что все, что он не может высказать словами, говорит своей музыкой, пишет летопись своего страшного времени – не даром партия так пристально следит за его творчеством и не раз «била» его очень сильно.

– Ну, давай послушаем.

Я поставил 14 симфонию (это необычное произведение написано на тексты Ф. Гарсия Лорки, Г. Аполлинера, В. Кюхельбекера, Р. Рильке; сам Шостакович после ее написания признал

эту симфонию самым лучшим из всего, что он создал). Папа внимательно прослушал ее, не останавливая. Помолчали. Потом поговорили о разных вещах. Уходя, папа попросил еще раз поставить две последние части симфонии. Там такие слова:

*О, Дельвиг, Дельвиг!
Что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где награда
Среди злодеев и глупцов?*

(В. Кюхельбекер)

И последняя часть «Смерть поэта» на стихи Рильке:

*Поэт был мертв.
Лицо его, храня все ту же бледность,
Что-то отвергало...*

На папу симфония произвела очень большое впечатление. Он сказал, что это настоящая музыка, искренняя и очень сильная.

Эта наша встреча оказалась последней.

Еще раз я увиделся с папой в балетном зале театра. Это было около 11 часов 9 сентября 1972 года, в первый день работы после отпуска. Начинался новый сезон. Поскольку мне должны были за гастроли еще пару дней отгулов, урок играл папа, а я пошел в Союз композиторов знакомиться с клавиром новой версии балета Эдуарда Патлаенко «Гайавата» для записи его на пленку (первый вариант мы показывали в Министерстве культуры РСФСР в 1968 году – это особая история). Закрыв за собой дверь, прислушался: ровный, чистый звук фортепиано – папа в отличной форме.

Вернувшись домой (жил у вокзала в общежитии), застал соседку родителей, которая только что приехала, взволнованная, сказать, что папе плохо. (Небольшая деталь: Эмма Хиппе-

На сцене. (Фото Леонида Глинки)

ляйнен, артистка Финского театра и наша соседка, позвонила в Музыкальный театр, в котором папа работал с момента его основания, и попросила машину, чтобы съездить за мной, так как телефона у меня, естественно, не было, объяснив, что случилось. Мне стыдно до сих пор за то, что ей ответили!) По дороге к родителям в троллейбусе мне стало плохо – очевидно, где-то на подсознательном уровне понял, что случилось что-то непоправимое. Но я не мог предположить, что случилось на самом деле. Ведь с папой всего три часа назад я разговаривал, он ни на что не жаловался... Когда открыл дверь квартиры, услышал звук, который у меня до сих пор в ушах. Это не плачь, не крик, даже не вой – это все вместе. В одной комнате на полу билась мама, в другой на полу лежал папа. Рубашка на груди была распорота, в районе сердца видна была небольшая дырочка – врачи со скорой помощи пытались реанимировать, сделав укол прямо в сердце, но это не помогло. Они уехали, даже не положив папу на кровать.

Соседи уже позвонили в воинскую часть, где служил мой брат Валерий и в школу, где работал старший брат Володя – он был с учениками в каком-то колхозе «на картошке». Валерик очень скоро прибежал – спасибо командиру части, который отпустил его даже без увольнения. Увольнение на десять суток принес солдат через полчаса.

ляйнен, артистка Финского театра и наша соседка, позвонила в Музыкальный театр, в котором папа работал с момента его основания, и попросила машину, чтобы съездить за мной, так как телефона у меня, естественно, не было, объяснив, что случилось. Мне стыдно до сих пор за то, что ей ответили!) По дороге к родителям в троллейбусе мне стало плохо – очевидно, где-то на подсознательном уровне понял, что слу-

Валерик сказал, что он предчувствовал это. Каждый день звонил домой, разговаривал с папой, и что-то в голосе папы и самих разговорах угадывалось.

Папу увезли в судмедэкспертизу. В справке о смерти значилось: «общий атеросклероз». Окажись дома хотя бы валидол, может быть, удалось бы спасти. Но так, видимо, было суждено.

Я не знал, что делать. Вспомнил, что в последнее время папа сблизился с Владимиром Яковлевичем Беленьким. Нашел его адрес по телефонной книге и пошел к нему. Жил он напротив университета. Долго звонил в дверь. Мне не хотели открывать, хотя присутствие кого-то в доме ощущалось. Потом осторожно приоткрылась дверь, и я увидел необычную для себя картину: пожилой человек с какой-то черной коробочкой на лбу, с ремешками вокруг одной руки, закутанный в белое с полосками покрывало с кистями на концах, с раскрытой книгой в руке настороженно смотрел на меня.

– Я сын Григория Цвибеля. Папа вчера умер!

Он молча пропустил меня в квартиру, аккуратно закрыл дверь, даже на цепочку и спокойно сказал: «Гриша умер? Ну, и хорошо. Он умер в большой праздник – в Новый год и в Субботу одновременно. Это случается не часто. В такой день умирают только праведники. Твой отец – цадик!» (Еврейский календарь имеет девятнадцатилетний цикл, и Новый год, который впервые после советской власти евреи Петрозаводска праздновали открыто, и в подготовке которого я принимал самое непосредственное участие, пришелся именно на 9 сентября 1991 года через 19 лет! Случайность?..) Но тогда я ничего не понял из сказанного (какой Новый год в сентябре?), но меня «отпустило», как будто спала вся тяжесть, и даже стало хорошо. Владимир Яковлевич отложил молитвенник, мы познакомились. Оказывается, папа часто рассказывал ему обо мне – его беспокоило мое будущее, хотел познакомить нас. Я попросил Владимира Яковлевича прийти на похороны и сделать то, что положено евреям. Что положено, я не знал.

На следующий день я пошел к директору театра просить деньги на похороны. Сергей Петрович меня сразу же принял, отложив дела и попросив всех выйти из кабинета. Лицо его покраснело – это говорило о крайнем переживании, он снял очки, ничего не говорил. Я поблагодарил его за то, что он сделал для папы (я знал, что Сергей Петрович очень уважал папу, и всегда при встречах они перекидывались несколькими фразами), попросил выдать мне две тысячи рублей в долг в счет зарплаты, сказав, что у папы осталась сберегательная книжка, но деньги я смогу снять только через полгода. Книжку я держал в руках. Он взял ее, раскрыл, внимательно просмотрел и сказал всего два слова:

– Да, небогато...

(Там было всего три тысячи рублей – все, что папа смог накопить на «черный день»!)

Я буду благодарен Сергею Петровичу Звездину за эти скупые слова до последнего своего вздоха. Они были сказаны так, что смогли вместить в себя всю горечь прожитой жизни, боль утраты...

Хоронили из музыкального училища, где папа проработал со дня его открытия в 1948 году. Петр Козинский, композитор, парторг училища и наш родственник, прекрасный человек из какого-то другого мира, рассказал о жизненном пути, как тогда было положено; студенты, плача, обещали быть похожими на Григория Ильича (папу, действительно, все очень любили); пришли артисты и работники театра... Когда Петр Козинский произнес, что у папы было тяжелое детство, что он воспитывался в детском доме, я не выдержал, буквально убежал в соседний класс – меня трясло.

Потом сказали, чтобы все попрощались и оставили у гроба родственников (почему-то запомнилась муха, которая все время садилась папе на нос, и я подумал о *той* мухе, улетевшей в форточку по папиной просьбе). Подошел Владимир Яковлевич,

тихо произнес молитву и что-то положил на подушку рядом с головой (много позже я понял, что это была земля Израиля). Меня тогда удивило, что он не снял головного убора, как все. Когда понесли гроб, я увидел, что вся улица от училища до поликлиники запружена людьми – папу в городе знали очень многие, движение по улице было перекрыто. Играл оркестр петрозаводского гарнизона, в котором проходил службу брат Валера, под руководством майора Корнеева, а впереди, высоко подняв раструб своей трубы, пел прощальную песнь папе его старый коллега-музыкант, артист симфонического оркестра Петр Салмио (сам уже очень серьезно больной).

Был ли папа соблюдающим евреем? Нет. Но он, конечно, знал, что это такое. И когда я в свое время увлекался «местечковостью» – начитался Менделе Мойхер-Сфорима, Ицхака Лейбуша Переца, Шолом Алейхема и идеализировал местечко, папа с болью сказал, что не хотел бы вернуться туда. Что на самом деле ничего хорошего в той жизни не было, с ее беспорядком, ограниченностью, суевериями. Хотя, как всегда и во всем, все не так однозначно. Он-то хорошо понимал это. Несколько раз в году он вдруг (это для меня – вдруг) целый день ничего не ел, только пил сырую воду и закусывал черным хлебом с луком (так он соблюдал пост). На мои вопросы отвечал, что просто хочет вспомнить тяжелое детство. Часто мечтал, чтобы у нас была большая семья, которая раз в неделю собиралась бы за праздничным столом. Мама пекла бы халу, зажигала свечи, а он сидел бы во главе стола и читал для всех книгу (что за книгу, он не говорил). На мой вопрос – зачем печь, когда хала продается в магазине (тогда, действительно, продавалась, это потом она стала «плетенкой», как и французская булочка – «городской») ответил, что это не та хала, потом, когда-нибудь, я узнаю это. Потом я действительно узнал, но почему – потом? Мне до сих пор больно, что все «это» я узнал «потом». Хотя папа мне и рассказывал об истории евреев, некоторых традициях, но только тогда, когда у меня возникали вопросы. Иногда по вечерам, когда мы садились за стол, моя русская мама зажигала свечу и подавала гефилте-фиш – это от нее я научился делать фаршированную рыбу, и наступала какая-то необъяснимо торжествен-

ная тишина. Мы, дети, сидели и заворожено смотрели на пламя и на оплывающую свечу. Нам было жалко, что она так быстро тает, и мы оплывший воск налепляли обратно. Папа читал какую-то книгу (может быть, молитвенник?) и с умилением смотрел на нас. Когда я собрался жениться, папа сказал, что Марта хорошая девушка, но не для меня, отказавшись объяснить почему, и на свадьбу не пошел. Но никогда не давал понять, что что-то не так, у нас были прекрасные отношения, и папа был просто счастлив, когда родилась внучка Наташенька. В том же году он неожиданно умер. И так было угодно Вс-вышнему, что именно эта его русская внучка, пройдя в Иерусалиме ортодоксальный гиюр, стала еврейкой и родила еще троих евреев (дай Б-г им здоровья, как и всему еврейскому народу)! Рав Адин Штейнзальц очень точно определил евреев, как одну семью со всеми положительными и отрицательными ее качествами. И еще совершенно уникально его определение, кого считать евреем: он сказал, что еврей тот, у кого внуки евреи! Я не могу упрекать папу, что он не очень направлял меня в еврейскую сторону, и даже по паспорту я был русским (хотя и пытался исправить это) – то, что пережило его поколение в России, не могло не наложить отпечаток на всю жизнь. Героем хорошо быть только в боевиках, и то иностранных, зная, что тебя ждет за это хороший гонорар, а когда у тебя на руках дети, которых ты хочешь вырастить и видеть счастливыми...

Однажды, когда в Петрозаводске открылся Хэсэд (это уже 1998 год!), я принес продовольственный пакет одному не очень еще старому человеку. Он поблагодарил, но когда я сказал, что надо записать его имя для отчета, он вернул мне пакет и просил больше не беспокоиться. Родился он где-то в глубинке Карелии – очевидно родители были или сосланы, или сами решили быть подальше от «счастливых строителей коммунизма». И этот страх до сих пор не изжит. Многие ли могут спокойно сказать, что они евреи? А почему?

Вспоминаю я и такой случай. Во время работ по восстановлению еврейского кладбища в Петрозаводске я познакомился с ведущим специалистом мэрии по градостроительству, интеллигентным молодым человеком, с которым приятно было по-

говорить. Мы обсуждали проект, оговаривали детали, размечали границы кладбища, он давал профессиональные советы. И когда надо было окончательный вариант занести в официальные бумаги, он спросил: «А как мы назовем этот объект?» Я удивился и сказал: «Ну, а как? «Старое еврейское кладбище». Он поморщился, долго извинялся, объяснял, что очень хорошо относится к евреям, что среди его друзей много евреев, что его лучшими учителями в ВУЗе были именно евреи, и они хорошие врачи и т.п., но... Но само слово «еврей» для него имеет **отрицательный** смысл, ассоциируется с чем-то нехорошим. Откуда у этого молодого человека, которому евреи, кроме добра, ничего не сделали, такое отношение к самому слову еврей? Тут есть над чем задуматься. Значит та атмосфера, в которой он формировался как личность, литература, которую он читал, средства массовой информации, круг общения – все это и утвердило в нем именно такое ощущение.

И, все же, папа сумел воспитать меня именно евреем, и сделал так, как будто я сам выбрал для себя этот путь. И я ему безмерно благодарен за это.

Но что меня гложет постоянно, доставляет душевную боль, и с годами эти ощущения становятся только острее – это то, что я так и не поговорил с папой о самых главных, самых важных вещах, а ему-то было что сказать...

1971 г.

Post Scriptum

(«Общинный вестник» № 27, сентябрь 2000 г.)

«Мой отец рано лишился родителей и воспитывался в киевском детском доме в двадцатые годы. Впоследствии он говорил: «Если я стану богатым, то поеду в Киев, разыщу мой Детский дом и поделюсь своим богатством». Не стал папа богатым; и говорил: «Если я выиграю по облигациям или в лотерее крупную сумму, то половину отдам моему Детскому дому». Не выиграл папа и крупной суммы; и говорил: «Первую свою пенсию я отдам моему Детскому дому». И первой пенсии папа тоже не получил...

Но он воспитал троих сыновей. Они не стали богатыми, не выиграли крупной суммы, но 16 августа 2000 года я, его недостойный сын, получил, таки, свою первую пенсию. Но если я когда-нибудь выиграю крупную сумму, то поеду в Киев, разыщу тот Детский дом и отдам половину; а если стану богатым, то поделюсь своим богатством с тем Детским домом. А если нет – завещаю это моим детям. А пока, каждый год в йорцайт Гирша Цвибеля (Григория Ильича Цвибеля) 1 Тишрей на РОШ ha-ША-НА я буду отдавать свою месячную пенсию в один из Детских домов Карелии в память о моем необыкновенном отце».

Бен Гирш

Post Post Scriptum

Поле того, как папа потерял из виду своего брата Зяму, он неоднократно пытался разыскать его, но безуспешно. Уже после войны папа снова предпринял попытки, но с тем же результатом. Зная, что Зяма не мог сидеть на месте, был очень активным, решил, что тот или погиб во время войны, или в застенках НКВД. Вариант, что Б-г избавил его от этого, и он естественным образом «приобщился к народу своему», практически равнялся нулю. С этим папа и ушел из жизни.

И вот однажды я получаю по e-mail такое письмо:

29 октября 2002

Здравствуй, незнакомый брат!

Я – Цвибель Элья Соломонович. Год рождения 1935, смерти – неизвестен. Твой отец Григорий и мой отец Зяма – родные

Зяма

братья; мой старше. По документам он 1903 г.р. (со слов – он на 2 года старше). В 20-х годах они потеряли друг друга. Отец был уверен, что его брат Гриша уехал через Дальний Восток к сестрам в США. Он говорил, что Гриша – пианист.

Когда я приехал в США, в 1997 году, я подал объявления в русскоязычные газеты: «Разыскиваются потомки Григория Цвибеля из Бобруйска». Откликнулся один Цвибель из Буффало. Он родом из Чернигова, но мы его, видимо, не заинтересовали. Вообще, нашу фамилию пишут, в основном, по-немецки – Zwiibel. Таких фамилий в Н.-Й. много, но вряд ли наши тети сохранили девичьи фамилии.

Когда я освоил Интернет, я, естественно, стал искать однофамильцев. Их оказалось немало:

-хирург М.Д. Цвибель;

-Членкор. из Питера;

-Пред. евр. ортодокс. общины Петрозаводска Дмитрий Цвибель. Он же – концертмейстер Муз. театра.

Мне сразу стукнуло, что ты (Вы?) Гришин сын. Предчувствие меня не обмануло.

Приятно встретить однофамильца, а двоюродного брата тем более!

До свидания.

Привет семье.

Жду ответа.

Элья.

Мне трудно описать гамму чувств, охвативших меня. Во-первых, папин брат не погиб ни во время войны с немцами, ни во время войны советской власти с собственным народом; во-вторых, они с папой могли бы встретиться (Зяма умер в Днепропетровске в 1965 году от рака крови); в-третьих, я обрел родственников, и еще одна еврейская семья сохранена Вс-вышним, да будет Имя Его благословенно!

Я написал ответ, послал фото, рассказал о папе, его жизненном пути. Получил ответ:

30 октября 2002 г

Здравствуйте, Дима и М.Д. (пока не знаю имени)!

Был очень рад получить от Вас письмо и отвечаю сразу.

Я получил фото твоего отца. Сегодня вы получите фото моего. Хоть они и сняты в разный возрастной период, есть много сходства.

Об отце (то, что он рассказывал, и я запомнил). По документам он 1903 г.р. (со слов – он на 2 года старше). В 16 лет он ушел из дома и стал путешественником. Он бывал на Севере, работал на Сахалине. В 20-х годах служил в Красной Армии, в Бухаре. Бухарские евреи его приняли хорошо, т.к. он хорошо писал, читал и говорил аф идиш. Видимо, семья у них была не последней в Бобруйске. В 1931 или в 1932 году он приехал в Днепропетровск и женился на моей будущей маме. В 1933 году у них родилась девочка – прямо ангелочек. Но в возрасте 8 мес. умерла от заворота кишок (не доглядели). В 1935 г. родился я; в 1937 – мой брат Александр (Шая). Он уже 2 года живет в Нью-Йорке, в Бронксе, рядом со мной.

Отец имел неплохой голос, знал много песен, в том числе еврейских. Каким-то образом он поддерживал связь с родными, раз знал, что Гриша-пианист.

Он рассказал мне о Белопольской трагедии (очевидно, Трипольской. Прим. Д.Г.), где погибла его младшая сестра-комсомолка. Мы потом отыскиали брошюру об этой трагедии, где она была упомянута.

О себе в след. письме.

До свидания.

Привет всем родственникам от меня и моей семьи.

Элья.

На этом можно поставить точку. Ведь невозможно пере-
сказать жизнь. Для этого не хватит ни бумаги, ни чернил, да и
все равно получится не жизнь, а лишь слабое ее отражение. У
каждого в жизни есть моменты, понятные только ему самому,
и рассказанные, они теряют смысл. Наверное, именно поэтому
людям так трудно понять друг друга, и человек так и остается
одиноким, окруженный множеством себе подобных, со своими,
только ему понятными, тревогами и маленькими радостями. Я
хорошо помню папу за пианино в балетном зале: шла какая-то
массовая репетиция, шум, гам, в воздухе канифольная пыль,
все в движении. А папа сидит и играет, глядя куда-то поверх
нот, и на его лице тихая светлая улыбка...

Февраль, 2007

ИМЕНА

*Софье Михайловне Лойтер
с любовью и восхищением*

Про шайку и дядю на танке

Всё чаще и чаще приходит на память время детства. Детство, наверное, всегда вспоминается счастливым, особенно, когда остается не так, уж, много времени для воспоминаний.

Мы жили в небольшом деревянном восьмиквартирном доме, построенном для работников культуры после войны на улице Луначарского, дом 10 – два таких дома стоят там до сих пор! Дом с печным отоплением, без воды (позже провели воду, газ и паровое отопление). Квартира сдвоенная: небольшой коридорчик и из него вход в две однокомнатные квартиры, в которых были кухня с плитой и комнатка с круглой печкой. Туалет общий с выгребной ямой. За водой ходили через три дома, там же был и продовольственный магазин.

Во дворе этого магазина перед советскими праздниками стояли в очередях за продуктами, когда «давали» масло, маргарин, сахар или еще что-нибудь «счастливым строителям коммунизма». Поскольку «давали» из расчета какого-то количества «в одни руки», мальчишки подрабатывали на мороженное, проходя очередь по несколько раз с какой-нибудь «мамой» – показывали свою мордочку в окошко, откуда все это и продавалось, чтобы «мама» могла купить себе лишнюю «пайку», и становились к следующей «маме». Все, конечно, знали про это, и продавцы тоже, но делали вид, что все нормально.

Готовили дома на керосинке или керогазе. Мне очень нравился запах керосина, и я всегда с удовольствием ходил за ним в керосиновые лавки, которые были в конце улицы Коммунистов и в низине на берегу реки Лососинки, где много позже был построен большой стадион. У всех, конечно, были электрические плитки и утюги. Но электричества не хватало, и чтобы не пользовались электроприборами, розетки время от времени опечатывали круглой бумажкой с печатью. Многие, как толь-

ко инспектор уходил, пока бумажка крепко не приклеилась, снимал её и держали рядом с клеем поблизости, чтобы можно было быстро вернуть её на место, перед очередным появлением инспектора. Или были, нелегально сделанные умельцами патроны, которые ввинчивались вместо лампочек, и через них уже можно было подключаться вместо розеток. Как позже меня учили в школе: «На каждое действие есть равное ему, но противоположно направленное противодействие».

Когда в нашем дворе копали для проведения водопровода в строящийся рядом пленными немцами каменный дом, выкапывали разные железяки и ядра, производимые кода-то на Александровском заводе. Я сдавал их в Краеведческий музей, и получил за это Благодарность, в которой написано:

*В знак глубокой признательности музей предоставляет
Вам преимущественное право пользоваться библиотекой и
право бесплатного входа в музей.*

4 ноября 1954 г.

Через почти семьдесят лет я показал эту бумагу директору музея Михаилу Гольденбергу. Он удивился, сказал, что не знал о таковой, с удовольствием принял ее на хранение, но попросил, на всякий случай, купить входной билет

Напротив нашего дома, через дорогу, жила девочка Лена, которую я любил. Мы гуляли, я водил ее за сараи – нам было уже по пять лет. Ленина мама обеспокоилась этим, поговорила с моими родителями, и нас разлучили. Я тяжело переживал случившееся, даже заболел. Помню, как папа сидел на моей кровати и молча гладил меня по горячей голове.

Я любил играть в войну. Во дворе с мальчишками, большинство из которых старше меня, мы играли в «Чапаева», в «Войну», в «Партизаны». Всегда, конечно, побеждали «русские», и никто не хотел быть «немцами», поэтому «немцев», обычно, «на поле боя» не было – они находились «за кулисами». Туда мы стреляли, бросали гранаты, скакали на конях (палочках), ходили в атаку. За сараями у нас был сделан танк – два ящика,

поставленные один на другой. Нижний был длинный, верхний квадратный, и из него торчал ствол пушки – чья-то мама принесла с трикотажной фабрики трубу от какой-то ткацкой машины. С передвижением танка были проблемы, и он, по большей части, поддерживал атаки пехоты издалека. А «партизаны» ползли между рядами картошки, прикрываясь ботвой, причем, при любой погоде, и мама, когда «я возвращался из боя», просила меня принести лишнее ведро воды с колонки, которая находилась от нас через три дома. И вот на этом фоне папа вдруг сказал, что завтра в Петрозаводск приезжает дядя на танке, и мы пойдем на встречу с ним! Я принес лишних три ведра воды, мама привела меня в порядок, надела на меня все неновое, но чистенькое, причесала, и мы с папой пошли.

По дороге я думал, как этот дядя поедет на танке? Как ездит Ленин я знал: он так стоит на броневику и рукой показывает куда ехать. Но это на броневику (это слово у меня не очень получалось из-за одной буковки), а как на танке? Да еще из Ленинграда! Пока я думал, мы подошли к гостинице «Северная». Она была такая красивая! А внутри оказалось еще красивее! И лестница там белокаменная, по которой мы поднялись на второй этаж, прошли по коридору, устеленному дорожкой, и папа постучался в темную дверь с номером. Открыл нам дядя, такой же как папа лохматый и улыбающийся. Они обнялись, прошли в комнату и стали разговаривать, как будто меня здесь и не было. Я сел в кресло, а оно такое мягкое, что я даже немного задремал. Слышу только как дядя спросил папу помнит ли он, как они убежали с занятий, и вместе с шайкой пошли в парк за мороженым? Они рассмеялись и продолжали громко что-то говорить друг другу, притом, одновременно, и не было этому конца. А я думал, зачем идти за мороженым с шайкой? Что, они хотели купить так много мороженого? Шайки, ведь, в бане. Это такие тазики, их выдает дежурный, когда уже разденешься, закроешь шкафчик с одеждой на ключ, отдашь ключ дежурному, он выдаст номерок, на котором написан номер шкафчика и по которому тебе потом дадут твой ключ, идешь мыться. Когда мы с папой ходили в баню, папа привязывал этот номерок к ручке шайки, чтобы не потерять. После помывки шайку сдавали, по

номерку получали ключ и т.д. Однажды мы с папой оставили шайку на скамье, где мылись и пошли под душ, а когда вернулись шайки не оказалось на месте. Папа пошел искать ее, даже выходил в раздевалку, а потом она нашлась в парилке – кто-то взял нашу шайку, чтобы плеснуть из нее на горячие камни, и не вернул на место. А после бани во двор приезжала полуторка – грузовая машина, на которой привозили бочку с пивом. У кузова опускали задний борт, ставили две толстые доски и бочка по этим доскам скатывалась во двор. Все разбегались, чтобы не попасть под неё. Потом бочку катили на место, где будут разливать пиво, устанавливали, выбивали пробку, вставляли в бочку такой кран и разливали пиво по кружкам. Оно так пенилось, пену сдували, пиво доливали, все выстраивались в длинную очередь, потому что кружек на всех не хватало ...

– Димочка, подойди сюда, – это папа, наконец, позвал меня, – покажи дяде руки.

Я показал. Дядя потрогал пальцы, и папе:

– Да, руки пианиста, ты будешь его учить?

– Попробую.

– Только не испорти. Потом, как-нибудь, покажи. А вообще, уже время. Я хочу немного посмотреть город, а ты отведи ребенка и приходи. Ты мне поможешь, и, если останется время, еще поговорим.

– Ты будешь играть? – спросил папа.

– Немного, я уже наигрался, лучше послушаю учеников.

– А где танк? – не выдержал я.

– Какой танк? – дядя посмотрел на папу.

– Папа сказал, что вы приедете на танке.

– ???

Первым пришел в себя папа:

– А-а-а, – он засмеялся, но, увидев, что я готов заплакать, – Димочка, ты не так услышал: Натан – это так зовут дядю, он работает в консерватории, в Ленинграде. А приехал дядя Натан на поезде в Музыкальное училище, чтобы послушать, как играют студенты. И ты скоро пойдешь в школу и тоже будешь играть на рояле! А потом поедешь в Ленинград учиться в консерватории. И, может быть, твоим учителем будет дядя Натан!

Тут и дядя Натан понял в чем дело:

– Димочка, ты молодец – у тебя хорошее чувство юмора, оно тебе ой как пригодится в жизни! – и погладил меня по голове. – Ты, как твой папа. Мы с ним вместе начинали учиться в Киеве, он уже тогда выделялся среди нас свои юмором.

Я был разочарован – ведь я уже сказал ребятам, что прокачусь на танке! По дороге домой придумал: скажу ребятам, что танк не завелся, и дядя приехал на поезде.

Я действительно пошел в Музыкальную школу и стал играть на рояле; потом в Музыкальное училище, где тоже играл на рояле; в консерваторию не приняли, так как не был комсомольцем, но приняли в театр, где я продолжал играть на рояле сорок лет. Теперь вот пишу, как пошел в Музыкальную школу и стал играть на рояле; потом...

В 1965 году у папы, который работал в Музыкальном училище, Министерство культуры запросило, чтобы он представил какое-нибудь свидетельство о музыкальном образовании, так как документов у него не было – потерялись во время войны, а преподавать без этого нельзя. Он написал своим друзьям по Киеву И. Шерману и Н. Перельману с просьбой о подтверждении его учебы. Ответы пришли моментально. Один он зачитал при мне:

«Я, Исай Эзрович Шерман, засл. арт. РСФСР, нар. арт. КАС-СР, профессор учился в Киевской консерватории в период с 1921 по 1926 гг. Был знаком с Григорием Ильичом Цвибелем, который в эти годы учился в Музыкальном училище, руководимом засл. деятелем искусств М. Шейниным, и окончил это училище /Киев, Красноармейская улица, 6. Большая Васильковская/ в 1926-м году по фортепианному отделению».

Папа, задумался, потом вернулся в начало письма, и шепотом:

– Я, Исай Эзрович Шерман... Исай Эзрович... Шая... Шайка...

У меня в голове промелькнуло: что-то знакомое... Но что?.. И вдруг озарило: так вот с каким Шайкой, а не с какой шайкой тогда папа с Натаном убежали с занятий и пошли в парк за мороженым! А я-то: баня, пиво...

Вот, как-то так.

P.S. Из Википедии:

Исай Эзрович Шерман (29 мая [11 июня] 1908, Киев – 13 июня 1972, Ленинград) – советский дирижёр, концертмейстер, музыкальный педагог, заслуженный артист РСФСР (1940). Народный артист Карельской АССР (1959). В 1931 г. окончил Ленинградскую консерваторию (педагоги Н. А. Малько, С. А. Самосуд и А. В. Гаук) <...> В 1939 г. – дирижёр в театре оперы и балета имени Кирова. Осуществил постановку балетов «Лауренсия» А. Крейна (1939) и «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева (1940) <...> С апреля 1959 г. – главный дирижёр музыкально-драматического театра в Петрозаводске. Дирижировал постановками балета «Сампо» Г. Синисало (1959) и оперы «Кумоха» Р. Пергамента (1959). С 1938 по 1972 гг. преподавал в Ленинградской, Казанской и Горьковской консерваториях, профессор...

Натан Ефимович Перельман (19 июля [1 августа] 1906, Житомир, Волынская губерния, Российская империя – 18 февраля 2002, Санкт-Петербург, Россия) – советский, российский пианист и педагог еврейского происхождения. Учился в Киеве у Ф. М. Blumenfelda (1921-22), Г. Г. Нейгауза (1921-24) и в Петрограде – Ленинграде у Л. В. Николаева (1925-30). Вел концертную деятельность в течение почти 70-ти лет с 1927 по 1996, один из первых советских музыкантов, гастролировавших за рубежом. Более 60-ти лет, с 1937 по 2002 гг. преподавал в Ленинградской – Санкт-Петербургской консерватории, профессор (с 1957). <...> Автор знаменитой книжки афоризмов «В классе рояля»...

Наташа

Уже несколько лет я работаю концертмейстером балета в петрозаводском Музыкальном театре. Женился, и мы с Мартой, врачом-хирургом Больницы скорой медицинской помощи, живем в комнате в 9 кв. м. в «вороньей слободке» – шести-комнатном общежитии театра на пятом этаже жилого дома в конце улицы Максима Горького. Несмотря на малые размеры жилплощади, у нас частенько собираются компании молодых людей творческих профессий – артисты, художники, музыканты, врачи. Через эту комнату прошли многие, ставшие впоследствии известными деятелями культуры, искусства, литературы, медицины. Всё, как и полагается молодым, полным сил, идей, творческих замыслов и амбиций, присущим поколению 60-х – 70-х годов: с шумом, спорами, влюбленностями, встречами, расставаниями, новыми знакомствами, празднованием премьер, вернисажей, дней рождений и пр., и пр. Кто-то приезжает, кто-то уезжает, жизнь кипит.

Однажды на мое имя приходит письмо без обратного адреса на конверте, в котором содержится просьба о встрече, подписанное инициалами Н.Б. В нем аккуратным почерком написано: «Я вас знаю давно, вы меня – нет. Прошу вас прийти к Дому офицеров, там все узнаете», и указано число и время встречи. Первым делом у меня возникло подозрение, что кто-то хочет меня разыграть. В нашем кругу это случается. Совсем недавно артисты балета решили подшутить над своим коллегой N, который получал продуктовые посылки от родителей из Ленинграда, но никогда не делился, вскрывал их тайно и употреблял в одиночку. Они пошли на почту, договорились с работниками посылочного отдела, подарив им контрамарку на спектакль, чтобы те оформили посылку как бы из Ленинграда, указав отправителем родителей, а адресатом своего коллегу N. И тот, открыв посылку, обнаружил в ней... кирпич! Жестоко, но... Я засомневался, но вспомнил давно прошедший на экранах американский фильм «Письмо незнакомки» по новелле Стефана Цвейга, которую я, естественно, прочитал, и даже играл фан-

тазию-экспромт Фредерика Шопена, которым этот фильм озвучен, и решил испытать судьбу.

В назначенное время подошел к Дому офицеров. Никого. Не торопясь, прошел от одного края фасада до другого. Никого. Прошел обратно. Тихо начал падать снег. Повернулся – решил уходить, и тут из-за колонн навстречу вышла девушка:

– Это я просила вас о встрече. Меня зовут Наташа, – в руке, которая была без рукавички, она держала небольшой сверток зеленого цвета.

Я вежливо поздоровался.

– Я давно хотела встретиться с вами, но не решалась. Сейчас уезжаю на работу в поселок Гирвас. Остальное вы узнаете из этого – она неуверенно протянула мне сверток, – и, если вы не возражаете, когда устроюсь, напишу оттуда.

На этом мы расстались.

Сверток оказался исписанным мелким почерком дневником. Он меня потряс своей искренностью. Начинался он, как обычно: «В эту тетрадь я буду записывать события моей жизни. Что будет интересно. Хорошее и плохое. Потом посмотрю, чего больше». Как можно понять из текстов начинался дневник, когда Наташе было двенадцать лет. Школа, друзья, кино, увлечения, мечты, занятия в художественной самодеятельности Дома культуры Онежского тракторного завода. И вдруг: «Сегодня я увидела тебя!!!» Дальше понятно: восторг влюбленной девочки, радость, что теперь имеет мое фото, снятое во время концерта эстрадного оркестра, в котором я играл (еще учась в музыкальном училище я работал в ДК Онежского завода концертмейстером и играл в эстрадном оркестре на танцах), случайная встреча на лестнице, когда она оступилась, а я поддерживал: «Тихонечко, тихонечко!» и пр. Через пару страниц: «Ну, началось, простудилась, лежу, меня лечат, воспаление легких». Болезнь, долгое выздоровление, узнает, что у меня есть Марта,

переживает, но как-то не по-детски рассуждает о смысле жизни, о путях, которые мы выбираем. Через несколько страниц пишет, что из-за здоровья придется, наверное, отказаться от учебы в ВУЗе, и чуть позже: «Неожиданно для всех и для себя поступила в петрозаводское Культпросвет училище». Еще пара страниц и тетрадь закончилась, оставив, как показалось, многое недосказанным...

Я ждал письма от Наташи. Оно пришло через довольно большой промежуток времени. В нем Наташа просила меня приехать в Гирвас для встречи и предлагала на выбор два возможных дня, когда она свободна от работы.

Я сходил на автовокзал, посмотрел расписание автобусов, рассчитал время, чтобы вернуться домой вовремя, договорился с папой о подмене меня на вечерних репетициях, взял с собой ноты песни, которую написал без текста, еще учась в училище, чтобы предложить Наташе написать к ней слова и, никого не предупредив, уехал.

В Гирвасе я без труда нашел Дом культуры – он находился в центре поселка и к нему вела очищенная от снега дорожка. Перед входом доска объявлений приглашала на немногочисленные мероприятия, в том числе и в кино. Уже смеркалось, и вокруг никого не было видно. Я постучался. Послышался звук отодвигаемой щеколды, и Наташа открыла дверь. Первые моменты встречи были довольно напряженными – ни я, ни она не знали, как может сложиться эта встреча. Но постепенно мы «оттаяли» – Наташа провела меня по помещениям, рассказала о своей работе, проблемах, что она уже успела сделать, какие хорошие люди живут в поселке – и всё это просто, с мягкой улыбкой, без позерства. Мой рассказ о театральной жизни она слушала очень заинтересовано, задавала много вопросов. В непринужденном разговоре, сидя рядом за чашкой чая с калитками, нашли много общих знакомых. Почему-то Наташа спросила меня о Саше Хумеке, моем друге, который с семьей уехал в США. Прогулялись по поселку, замерзли, опять попили чаю, и стало как-то уютно и спокойно.

По расписанию последний автобус в Петрозаводск из Гирваса отправляется в 18.22. На остановку мы пришли заблаговременно. 18.22 – никакого автобуса. 19.00, 19.30, 20.00!!! Я безнадежно опаздываю домой. Позвонить некуда и неоткуда. Местная женщина, ждущая автобус на город Кондопогу, советует ехать на нем – всего около часа в пути, а оттуда уже добраться до Петрозаводска – там есть и поезд. Подходит автобус с тремя пассажирами, мы с Наташей прощаемся, я уезжаю. Минут через двадцать автобус останавливается на обочине дороги у небольшого дома, водитель уходит. Я пытаюсь выяснить у пассажиров что случилось. Мне спокойно объясняют, что в этом доме живет любовница водителя и он пошел к ней. Сразу же предупреждают, чтобы я не «выступал», а то вообще никуда не поедем – водитель скажет, что в моторе лопнул ремень, и будем ждать до утра пока из Кондопоги не придет техпомощь, да и то если там хватятся, что с маршрута кто-то не вернулся. А за окном минус 19. Минут через пятнадцать-двадцать водитель возвращается с большим кульком:

– Это вам от Надюхи, – отдает кулёк пассажирам, в котором пять свежее испеченных пирожков с капустой!

Как ни в чем ни бывало садится за руль, и поехали... Из Кондопоги в Петрозаводск автобусы уже не ходили, пришлось дожидаться проходящего поезда из Мурманска, и только в час ночи я был дома. Пришлось объясняться...

С Наташей мы встретились уже в театре – она стала гримёром. Её добрая слегка застенчивая улыбка, мягкий уживчивый характер, доброжелательность вызывали расположение к ней и ответную реакцию. От нее я узнал, что та злополучная ангина (!) дала осложнение на сердце, и ей сделали серьезную операцию в московском Институте сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева. Она регулярно уезжала в Москву на консультации, на которые собирали всех, кому была сделана такая же операция, и каждый раз приезжало все меньше и меньше пациентов. Наташа вышла замуж. Врачи не разрешали ей рожать, боясь, что сердце не выдержит, но Наташа благополучно

родила дочь Юленьку. Мы постоянно общались, стали добрыми приятелями.

В 1971 году в общежитскую комнату напротив нашей вселилась художница Магирауза, приехавшая в театр из Казани, попросившая называть ее по-русски Розой. Роза оказалась девушкой общительной, веселой, и мы подружились. Производительность труда у неё была не очень высокой – за все время своего пребывания в театре она изготовила всего четыре цилиндра для какой-то классической оперетты. И вообще оказалось, что она беременна. Когда подошел срок, она уехала рожать на родину. Кроме четырех цилиндров Роза оставила память о себе, раскрасив все стены своей комнаты рисунками, которые долго еще пугали тех, кто поселялся в ней. Одним из них был поступивший в труппу драматического театра артист Андрей Соколовский. Он захотел подготовить программу мелодекламации – жанр, введенный в России Григорием Лишиным, композитором и поэтом, сейчас практически неизвестным, но жанр этот был достаточно распространенным в конце XIX – начале XX веков. Андрей попросил меня написать музыку на текст стихотворения «Камаринская» («Из домов умалишённых, из больниц...») Константина Случевского, я с удовольствием согласился. Работа оказалась интересной, мы с этим номером даже выступили на праздничном концерте, правда, не вызвав восторга публики – концерт был посвящен очередной годовщине Октября, и номер про сумасшедших в общем контексте концерта был как кофейное пятно на белой скатерти (хотя, если вдуматься, как раз в тему). Но «Камаринская» дала мне толчок – я начал писать музыку. А Роза второй раз приехала в театр года через три-четыре с хорошенькой доченькой Ларисонькой, и пока театр подыскивал для них жилье, они остановились у нас, так как мы жили уже в новой двухкомнатной квартире в районе Ключевой, и у нас тоже родилась девочка, и дети с удовольствием подружились. И на этот раз Роза долго в театре не задержалась – уехала домой, не проработав и сезона.

Театр в очередной раз приехал на гастроли в Казань в июне 1987 года. Миллионный город, один из крупнейших экономи-

ческих, научных, образовательных, религиозных, культурных, спортивных и пр. центров СССР с множеством исторических и культурных памятных мест. Наш театр уже несколько раз бывал здесь и всегда с неизменным успехом. Спектакли проходили в Театре оперы и балета им. Мусы Джалиля – поэта, героя Советского Союза (посмертно). Джалиль в 1939-1941 годах работал в театре заведующим литературной частью. Свои стихи, написанные в застенках берлинской тюрьмы Моабит в ожидании казни, Джалиль перед смертью в 1944 году успел передать соседу по камере, благодаря чему они и сохранились, и стали известными как «Моабитская тетрадь». Часть стихов, переданных в 1946 году за границей через посольство СССР, пропали в архивах МГБ или СМЕРШа. На стихи Джалиля написано множество музыкальных произведений, поэту посвящена опера Назиба Жиганова «Джалиль». Перед Казанским кремлем установлен монументальный, но малохудожественный памятник Мусе Джалилю.

В самом центре кремля красовалась скульптурная композиция, изготовленная по мотивам известной фотографии сидящих на скамейке Ленина и Сталина в Горках. Они беседуют. Но когда Сталин «испортился» и его убрали из Мавзолея, его скульптуру тоже убрали с постамента, оставив Ленина скучать, а на пустующее место положили книгу. Но, поскольку всё у нас делается топорно, видно, что на том месте кто-то сидел. Может быть подумали, что придется возвращать? (В Израиле в Кесарии есть оригинальный памятник кесарю. Поскольку кесари менялись, установили сидящую на троне в римской тоге фигуру без головы, которую меняли под очередного правителя.)

И над всем этим – «падающая» Башня Сююмбике, названная по имени правительницы Казанского ханства, овеванная различными легендами, входящая в список пятнадцати «падающих» башен мира.

Как достопримечательность, посетил могилу Василия Джугашвили, сына Сталина на Арском кладбище. Могила оказалась неубранной, со сбитым портретом. Умер он, по официальному

заключению, от отравления алкоголем, но есть и другие версии. В 2002 году его останки были перезахоронены в Москве в одной могиле с его последней женой.

За время гастролей в Казани удалось посмотреть цирковое представление в прекрасном стационарном здании цирка с участием Юрия Никулина с постоянным своим партнером Михаилом Шуйдиным. Великий артист! Почему-то запомнились его печальные глаза при совершенно феерическом выступлении этой знаменитой пары.

Живя в гостинице «Булгар» можно было наблюдать, как рабочие с утра заходили в буфет, выпивали по стакану водки, запивали стаканом катыка – такой молочнокислый национальный напиток наподобие ряженки, вытирали рот рукавом и спокойно шли «строить светлое будущее всего человечества – коммунизм».

Вспомнились предыдущие гастроли в Казани, когда я жил в гостинице «Совет» в одном номере с молодым скрипачом из Ленинграда по имени Семен, заключившим с театром договор на все время гастролей. Он научил меня отпаривать брюки: надо намочить не тряпку, через которую гладили, а сами брюки – тогда вся грязь останется на тряпке. И тут же продемонстрировал это через чистую простыню. После этой процедуры надо было видеть эту простыню! Зато стрелки на брюках!.. У Семена была «специфическая» фамилия – Шварцман. Он уехал, не дожидаясь окончания гастролей театра, с цыганским ансамблем, который в это время давал концерты в Казани, ответив на мой недоуменный вопрос, что подобные фамилии почти у половины артистов оркестра этого ансамбля.

А еще гостиница «Дуслык». Лето в тот год было очень жарким. Спасались тем, что садились в ванну с холодной водой и пили там горячий чай. Помогало. Из окна гостиницы была видна небольшая часть главной улицы – улицы Баумана. Часто наблюдали как группа подростков, человек пять-шесть, затаскивала в подворотню своего сверстника и избивала. Просто

так. Даже как-то лениво, без азарта, и оставив жертву лежать, уходила. Время было такое. С другой стороны, в антрактах на спектаклях в фойе можно было видеть красиво одетых молодых людей, подчеркнуто громко разговаривавших на родном татарском языке. Это было время и возрождения национального самосознания.

Мы с Наташей договорились встретиться с Розой, нашей общей подругой, у нее дома – она жила далеко от центра города в одном из новых районов. Роза хорошо нас приняла, приготовила угощение, основным блюдом которого были перемячи, к чаю подала медовый чак-чак, на десерт показала свои работы. Из ее рассказа было понятно, что она сделала хорошую карьеру востребованного художника, даже имеет сертификат на право рисовать Ленина – оказывается, для этого необходимо было сдавать какие-то серьезные экзамены по поводу его образа: его роста, выражения лица, размера обуви, количества кепок (в Петрозаводске он с ушанкой – холодно) и проходить конкурсный отбор! Поделилась Роза с нами и своей мечтой переселиться в Ленинград, поближе к Европе. Пообщались мы и с ее подростковой дочерью Ларисой, которая в то время серьезно занималась спортом. Это был прекрасный вечер с ностальгическими воспоминаниями, планами новых встреч, незаметно пролетевший, как одно мгновение. Было уже поздно, и надо было возвращаться в сегодняшнюю жизнь. Оказалось, что таксисты в этот район ночью не ездят – боятся бандитов. Роза сходила в соседний дом к знакомому, который согласился довезти нас с условием, что по пути заедет к какому-то своему родственнику. Мы долго тряслись по ужасной дороге на заднем сиденье его дряхлого «козлика», по какими-то закоулкам и уперлись в тупик, окруженный сараями и дырявым забором. Водитель выключил фары и зашел в дом, оставив нас в полной темноте, – никаких фонарей вокруг, только отсвет от приборной доски машины и очень вдалеке угадывалась кромка света от огней ночного города. Стало как-то не по себе. Мы с Наташей посмотрели друг друга в глаза, медленно-медленно приблизились и слились в сладостном поцелуе... Так мы единственный раз поцеловались. Потом долго молча сидели, соображая, что же произошло?.. В

конце концов водитель вернулся, «козлик» радостно фыркнул, и мы благополучно доехали до своей гостиницы.

А ровно через год Наташи не стало.

Вот как написал об этом в своей книжке «Закон протянутой руки» ее брат Алесандр Божко, врач кардиологического отделения Больницы скорой медицинской помощи Петрозаводска:

«... Наташу привезли на скорой помощи в моё дежурство в мою же палату интенсивной терапии и реанимации БСМП... А дальше были пять дней и ночей нашей борьбы за её спасение всем нашим кардиологическим отделением... В ночь, когда её не стало, мне же и выпало дежурить в палате... Когда патологоанатом БСМП показал мне злополучный большой тромб её сердца, формирующийся там не один месяц, я понял, что шансов для жизни у Наташи уже не было».

Провожать Наташу пришла почти вся труппа Музыкального театра, с которой она накануне вернулась с последних своих гастролей.

Наташа вошла в мою жизнь как лучик теплого света и с её уходом свет этот не погас. Я стараюсь хотя бы часть этого тепла передавать другим.

P.S. Наташина сестра Лида вышла замуж за Андрея Соколовского, и они уехали в Ярославль, где Андрей успешно проработал тридцать лет в знаменитом Ярославском академическом драматическом театре имени Ф. Г. Волкова. После смерти Наташи они взяли на воспитание её дочь Юлю. Роза перебралась в Ленинград/Санкт-Петербург, купив дом в пригороде, который весь расписала по своему вкусу. Марта была у нее в гостях, и Роза подарил ей свою графическую работу, которая украшает теперь нашу комнату. Долго находится на одном месте Роза не может – продала дом, купила строящуюся квартиру в Турции, сообщила, что её полюбил молодой турок и... «исчезла с радаров», на связь не выходит. Так и хочется вслед за чеховским героем воскликнуть: Мисюсь, где ты?

Анечка

Однажды в офис общины пришла молоденькая девушка, представилась как Аня, студентка Педагогического института, сказала, что ее заинтересовала еврейская музыка, – она услышала сестер Бэрри, – и хочет найти еще что-нибудь подобное, и с какой-то извиняющейся интонацией сообщила, что она не еврейка.

– Ну, у кого же из нас нет недостатка? – мне, чтобы сказать что-нибудь умное, нужно долго и мучительно думать, а глупость выскакивает сама по себе.

Девушка оказалась с чувством юмора, засмеялась, и мы нашли общий язык. Я сказал, что институт этот закончил мой брат Володя, что в институте работает мой друг Сергей Клодт, нашли и другие знакомые. Я дал Ане пару кассет с записями идишских песен, кассету с пронзительными песнями на иврите времени Шестидневной войны, показал библиотеку. На этом и расстались. Через некоторое время Аня взяла из нашей библиотеки какую-то книгу, которую сама выбрала, потом еще. Стала приходить чаще, у нас установились приятельские отношения. Она рассказала, что семья ее православная, она тоже, и не из комсомольцев «прыгнула» в православие, а это семейная традиция, она готовится к воцерковлению, поскольку ранее не могла этого сделать. Я поощрил ее, сказав, что каждый ищет свой путь к Б-гу, что путей этих по еврейской традиции семьдесят, и все они правильные (семьдесят – это мистическая цифра, обозначающая множество). Я держал в руках номер нашей ежемесячной газеты «Общинный вестник», в которой оказалась статья «Начать никогда не поздно» Адина Штейнзальца, современного гаона (гаон – мудрец, галахический авторитет), переводчика Талмуда на современный иврит, английский, русский и некоторые другие языки. Статьи и интервью Штейнзальца мы регулярно печатали в газете, заключив договор с Институтом изучения иудаизма под его руководством. Аня отнесла газету в епархию, там статьей А. Штейнзальца заинтересовался Митро-

полит Петрозаводский и Карельский Мануил и попросил Аню приносить ему номера с его материалами. Так Анечка стала «связным» между епархией и общиной. Мануил считался либералом и умеренным экуменистом, поддерживал дружеские отношения с представителями лютеранского духовенства как в самой Карелии, так и в Скандинавии, проходил стажировку в Экуменическом институте в Швейцарии. Я был с ним знаком через семью Жени К., старшей сестры моей жены Марты. У Жени было прекрасное меццо-сопрано, она преподавала в Музыкальном училище и пела в церковном хоре. Муж Жени тоже преподавал в училище, композитор (Петя-Боря, как любя его называли студенты), в его классе я учил гармонию. У них в доме я и познакомился с Мануилом. Он был в меру общительным, не строил из себя «святошу», оставил по себе добрую память.

Анечка активно читала книги, которые сама для себя выбирала, задавала много вопросов, на которые, порой, мне было трудно ответить – приходилось самому учиться, за что я ей премного благодарен. Её статью «История одного стереотипа» о происхождении бытующего отрицательного стереотипа еврея я опубликовал в «Общинном вестнике». Это было время обострения антисемитских настроений в российском обществе, появления где попало всяких уничижительных и оскорбительных надписей, регистрация и деятельность русских националистических организаций. В феврале 1999 года на имя председателя Правительства Республики Карелия Сергея Катанандова я написал письмо по поводу регистрации в Карелии экстремистской националистической организации «Русское национальное единство» (РНЕ). В нем, в частности, говорилось: «Эта регистрация состоялась несмотря на то, что Министерство юстиции Российской Федерации отказало РНЕ в регистрации федеральной организации, а в большинстве регионов России с демократической ориентацией избранных властей, местным организациям РНЕ в регистрации отказано... В Карелии, с ее многонациональным населением, с ее давней традицией дружбы народов (еще дореволюционной), деятельность шовинистов любой масти опасна... Пророк Осия сказал: «Кто сеет ветер, пожнет бурю» (8:7)». Именно в это время Анечка по своей иници-

циативе (я узнал об этом позже) поехала в логово РНЕ, которое базировалось недалеко от города Кондопога, познакомилась с главарем этой организации в Карелии, взяла у него интервью! Ничего нового он сказать не мог – обычный набор антисемитских фраз и сетований, что вокруг враги, Россию продали, и пр. А в тренировочном лагере они упражнялись с саперными лопатками, – как сказал интервьюируемый: «Лопаткой так рр-раз – и полголовы нет!» В конце концов их всё же закрыли. Но можно предположить, скольким молодым людям они отравили сознание, какой вред это нанесло обществу, и какие плоды от всходов, посеянных тогда семян, мы пожинаем.

Анечка блестяще защитилась, закончив Институт с красным дипломом, уехала в Москву и исчезла из моего поля зрения. Через некоторое время я узнаю, что она прошла гиюр, сделала хупу и живет в Израиле!

Встретились мы с Анечкой уже в Израиле, куда я приехал на учебу по программе «Мелтон» на базе Иерусалимского университета в 2008 году.

Мы созвонились и договорились о встрече. Она теперь не Анна, а Ханна-Симха, учится в Университете имени Бен-Гуриона в Беэр-Шеве (Ben-Gurion University of the Negev). Двое детей – один шестилетний, другой совсем маленький, годик с небольшим. Муж Роман – баянист из Минска. Работает в музыкальной школе. Одно время работал пианистом в балете Беэр-Шевы, дирижировал Беэр-Шевским оркестром. Работал также в Сохнуте, читает лекции на еврейские темы, в том числе и о Холокосте. Живут они в мошаве (поселении) Сапир по дороге в Эйлат через пустыню Арава, в четырех-пяти часах езды от Иерусалима. Поехал я через Беэр-Шеву, где был в это время у своей мамы Роман с сыном и оттуда вместе уже в Сапир. В Беэр-Шеве рассчитывал посетить колодец, выкопанный Авраамом, заключившим возле него союз с царем Гера, принеся при этом в жертву семерых овец – в знак клятвы верности – откуда и название города, но не получилось по времени.

Анечка встретила нас красиво накрытым столом, за которым мы проговорили далеко за полночь. Дети уже давно спали, а мы всё не могли наговориться – так много хотелось узнать и так много было что рассказать. Назавтра Роман отвез нас на ферму своего знакомого недалеко от поселения, в котором они жили. Это удивительная история. Этот фермер купил кусок пустыни, нашел там воду, насадил всё, что только можно, устроив даже бассейн – получился оазис. Привозит туда, в основном из Африки, всевозможных животных от бизонов и газелей до мартишек, зайчиков, птиц и прочей живности, растит их и продает зоопаркам и всем, кому это нужно, по всему миру. Оказывается, что животные перед отправкой в зоопарки из естественной среды своего обитания должны пройти карантин три года, а выращенные в Израиле – нет. Мало того. Он построил огромный «Ноев ковчег», в котором на двух этажах во всю его длину клетки для птиц, мелких зверьков, каких-то червячков, которые, оказывается, разрыхляют почву, и вода поступает к корням растений! Эти червячки тоже пользуются большим спросом за границей, принося приличный доход. В ковчеге есть оборудованная операционная, где он всё это семейство лечит. Посетить «Ноев ковчег» постоянно привозят детей со всего Израиля, а смотреть на детей, которым разрешается трогать и играть с его обитателями, особое удовольствие. Но и это не всё! На территории этого сказочного оазиса есть открытое кафе, в которое заходят не только посетители, но и «постояльцы». Посетители кушают, а какая-нибудь козочка, или газель подходит к столу и смотрит в глаза. Естественно, посетитель идет к стойке, где продается и еда для «постояльцев» всех видов, покупает эту еду и кормит просителей. Ко мне тоже подошел козел с бородой, как у одного известного раввина, я его покормил. Он ушел, и через некоторое время вернулся с симпатичной козочкой. Сам, надо отдать ему должное, вежливо отошел в сторону и даже отвернулся (а может быть смотрел в глаза посетителю за соседним столиком – козочек-то в этом заповеднике еще много). Вот это бизнес! כָּפֶּז הַיִּשְׂרָאֵלִי – еврейская голова! (У фермера. Но и у козла тоже).

Я провел у Анечки два прекрасных дня, отдохнув от работы над своим проектом на программе «Мелтон», получил заряд

положительных эмоций. Роман заинтересовался моей книгой «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича», сказав, что она может ему пригодиться в его лекционной работе. Анечке я оставил брошюру Давида Геделева «Из истории еврейской общины Петрозаводска» – она тогда обдумывала тему жизни евреев России вне черты оседлости. Попрощались, пожелав друг другу всего доброго и до новой встречи. Второе пожелание пока не исполнилось.

Но в 2013 году именно по рекомендации Анечки я пригласил в Петрозаводск на празднование Пурима семейный дуэт Боаз и Януша Хорвицев. Боаз – преуспевающий фермер, прекрасно владеющий кларнетом и саксофоном; его сын Януш – студент Академии им. Рубина в Иерусалиме по классу аккордеона, ранее учился у Романа, мужа Анечки, в музыкальной школе. Януш в это время проходил службу в Армии обороны Израиля. Я написал письмо его командиру, и тот опустил Януша на несколько дней. Это был незабываемый концерт, проходивший в зале Музыкального училища, настоящий праздник: танцевальный ансамбль общины «Авив» соревновался за успех у зрителей с дуэтом из Израиля, а выиграли все! Боаз и Януш за три дня пребывания в Карелии приобрели новых друзей и даже выучили несколько слов по-русски.

В тот приезд в Израиль я встретился еще с некоторыми петрозаводчанами, которые тоже нашли свои ниши в этой новой для них жизни. Отрадно наблюдать, как «карельские саженцы» дают такие благодатные всходы на обетованной нам Святой Земле. Я верю, что слова Исаака Бабея: «Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня...» – это про них!

Из Америки с любовью

(Элвин и Ронни)

1992 год. У России появляется шанс выбраться из коммунистических расстрельных ям, стать демократическим государством в семье свободных народов. Внутри страны происходят глобальные перемены, появляется свободная печать, зарождается бизнес, открываются границы, многие государства оказывают поддержку этим переменам, завязываются международные и личные контакты, о которых еще не так давно не могли и предположить. Регистрируются негосударственные общественные организации и общества. Годом ранее в Петрозаводске зарегистрировано общество еврейской культуры «Шалом», готовится открытие воскресной школы. Супружеская пара Элвин и Ронни Коренблум из еврейской общины «Темпл Иудеа», Флорида, совершающие туристическую поездку по России, оказавшись в Петрозаводске, встречается в недавно открытом офисе «Шалом» с председателем общества Александром Модылевским и студенткой Ритой Эпштейн в качестве переводчика. Гости интересуются возрождающейся еврейской жизнью города, и узнав, что скоро открывается воскресная школа, дарят видеомагнитофон! Так началась история наших отношений, продолжающаяся до настоящего времени.

Через некоторое время на адрес общины начинают приходить посылки с помощью для нуждающихся, завязывается моя регулярная переписка с Элвином Коренблумом, обсуждаются общие вопросы еврейской жизни в современном мире, насущные проблемы становления общины в Карелии.

С расширением деятельности «Шалом» появляются новые еврейские организации – религиозная община, благотворительный фонд «Хэсэд Агамим», Национально-культурная автономия Республики Карелия. В хэсэде организуются медицинская программа, группа здоровья, программа для пожилых «Дневной центр», для детей – «Мазл Тов». Молодые врачи супруги Наталья и Владимир Мельниковы рассчитали нормы ви-

таминов и полезных элементов, необходимых для нормального развития детей в северных районах по международным стандартам, исходя из количества солнечных дней в году, количества осадков, разреженности воздуха, количества получаемых с пищей клетчатки, сетчатки и пр., и пр. Все это они занесли в две большие таблицы. По этим расчетам выходило, что дети в Карелии не только не должны были жить, но и вообще не могли даже родиться. Но родились!.. Мы послали эти расчеты нашим друзьям. Это, очевидно, так напугало их, что в своей флоридской общине «Темпл Иудеа» они собрали приличную сумму, и мы некоторое время ежемесячно выдавали детям с 3-х месяцев до 7-ми лет, родители которых как-то относили себя к еврейской общине, соки и детское питание, назвав программу «Ничем» (всходы, ростки, побеги).

Для религиозной общины были выделены средства на приобретение нового компьютера, принтера, сканера, что дало возможность издания своей ежемесячной газеты «Общинный вестник». Обучал меня пользоваться новой техникой Александр Рабинович, молодой ученый-физик, активный член нашей общины и преподаватель воскресной школы. В то время для проведения своих исследований ему необходим был мощный компьютер, но за неимением такового, он загружал свои вычисления на несколько компьютеров одновременно и таким образом решал какую-то сложную задачу: синтез чего-то с чем-то. Поставил он такую задачу и на мой компьютер, и приходя раз в неделю в офис проверял результаты. Эту работу Саша выполнял на гранты фонда «Открытое общество» Джорджа Сороса, так много сделавшего для поддержки науки в России. Благодаря этим грантам Саша обеспечил компьютерами Академию наук Карелии, завязал контакты с коллегами из Швеции, куда позже часто выезжал для работы по своим проектам. На гранты фонда появился в Петрозаводске и «Университетский центр Internet». Летом 1999 года приходит сообщение, что Элвин и Ронни Коренблюм приезжают с визитом в нашу общину на Рош ха-Шана. Мы начали подготовку к этому важному для нас событию.

Однажды, как обычно, я вошел в подъезд, достал ключи, ступил на лестницу, ведущую в полуподвальное помещение, где располагалась наша община и... «Всё смешалось в Цемесской бухте» – так написал Леонид Ильич Брежнев в своем эпохальном труде «Малая земля», изданном тиражом 15 миллионов экземпляров, переведенном и разосланном в национальные библиотеки 120 стран мира, по которому в СССР проходили бесчисленные семинары, конференции, симпозиумы и пр., и за который «автор» получил Ленинскую премию по литературе (!) – именно такое творилось у меня в голове и в душе, когда я увидел лежащую на полу на подложенном под нее флагом Государства Израиль взломанную входную железную дверь в офис общины! Да, общину ограбили. Вынесли всё, что только было возможно: огромный телевизор, компьютер, принтер, сканер, телефон, настольные лампы, электрический чайник и по мелочи всякое, даже был вывернут глазок из двери... Это была катастрофа! Я не знал, что делать. Сходил в телефон-автомат – заявил в милицию. Там ответили, чтобы я ждал, но, по возможности, не заходил в комнаты – приведут собаку. Я сел в предбаннике ждать, и пытался представить сколько понадобится денег, чтобы возместить урон, и чтобы можно было продолжать работать, а еще, что я скажу спонсорам их США, на деньги которых приобретен компьютер и принтер? Они же, зная, что творится в нашей стране, подумают, что я просто украл деньги. А я только не так давно наладил с ними постоянную связь по e-mail, и нужно ее как-то продолжать! А как! Мало того, они приедут к нам с визитом на праздник Рош ha-Шана, и наверняка надо будет показать им офис! А в офисе я покажу пустые столы?.. Мне стало плохо...

– Дима, Дима, что с тобой, что случилось? – это пришли мои финские друзья Ээро и Туула, приехавшие из Финляндии с гуманитарной помощью для пожилых малоимущих членов нашей общины, и мы договорились сегодня встретиться и развезти эти продукты по адресам. Я, как мог, захлебываясь и спотыкаясь на каждом слове, объяснил ситуацию.

– Дима, ты не бойся, мы тебе поможем, – это Туула на своем специфическом русском попыталась меня утешить.

(По поводу Туулиного русского: как-то мы сидим за столом, и она в разговоре обронила, что не любит пьянистов, которых в Финляндии становится всё больше. Я не отреагировал на это, но когда она повторила, возмутился:

– Туула, что пианисты сделали тебе плохого? Я ведь тоже пианист.

– Нет, Дима, какой же ты пьянист – вон как ты мало пьешь!

– Наверное, ты хочешь сказать «пьяницы»?

– Да, да, пьяницы, я ошибнулась!)

Пришел милиционер с собакой, вернее, даже наоборот – собака с милиционером. Они прошли в комнаты, собака «взяла след», дошла до крыльца и остановилась, дальше не пошла. Еще раз проделала то же самое.

– Понятно? – это милиционер нам, – подогнали машину, погрузили всё и уехали.

И они с собакой тоже уехали...

Тут появился Саша Рабинович – он накануне сказал, что придет проверить свою задачу:

– Никак, нас посетили бандиты, – сострил он, но мгновенно понял, что это не шутка!

– Плохие людики взяли у Димы компьютер, – это Туула объяснила Саше, что произошло.

– А как же моя задача? – Саша, растерянно, обратился ко мне.

– Саша, наверное, за ней-то и пришли, Вы опоздали.

Пришел, как мы поняли, следователь и первым делом, извиняясь, попросил бумагу и карандаш:

– У нас с этим проблема.

Он долго расспрашивал обо всех обстоятельствах, кого можем подозревать, обследовал все помещения, возможные проникновения в них, все записал и предложил пойти в отдел милиции пешком, так как у них нет бензина для транспорта.

В прокуренной приемной отделения милиции, располагавшемся под гоголевским мостом, стоял ободранный кожаный диван, какие показывают в советских фильмах про бандитов и чекистов 20-х годов, в который был вставлен стул. За письменным столом (из тех же фильмов) сидел средних лет милиционер, принявший все наши бумаги, записавший мои паспортные данные, который посетовал, что у бандитов сейчас такая аппаратура, о которой милиция может только мечтать. Не стесняясь, сказал, что никого не найдут – много серьезных дел, а соотрудников... Действительно, не нашли – слово сдержали!

Но слово сдержали и наши финские друзья: они, в конце концов, собрали деньги и на компьютер, и на принтер, на которых мы очень долго работали, и за это мы им безмерно благодарны. Вот так: одни «людики возьми», другие – подарили. А пока не было компьютера, я ходил в интернет-центр университета и оттуда вел переписку, поддерживая связи, необходимые для функционирования общины, в том числе и с Элвином и Ронни, которые и приехали с визитом в Петрозаводск на Рош ha-Шана.

Я заказал для наших гостей двухкомнатный люкс – лучший номер гостиницы «Северная», главной гостиницы города того времени (кстати, в этом номере мы с Мартой провели первую брачную неделю в январе 1967 года. Номер этот был забронирован КГБ для своих целей. Устроила нам этот подарок (в то время снять номер с местной пропиской было нельзя) сокурсница Марты, муж которой служил в этой могущественной организации). Ронни казалась слегка возбужденной – она впервые в жизни ехала ночным поездом: в США если близко – пользуют-

ся машиной, далеко – самолетом. Ей почему-то очень понравились дверные металлические ручки в купе. Туалет, правда, произвел, как бы сейчас сказали, неоднозначное впечатление. Про номер она спросила, есть ли в гостинице что-нибудь получше. Но... Они захотели немного перекусить, но буфет на этаже был закрыт, кафе этажом ниже не работало, спустились в ресторан. Ресторан был не просто пуст, но производил впечатление, что никогда никем и не заполнялся. Я подозвал официантку и попросил меню. Она как-то странно на меня посмотрела, сходила на кухню и протянула помятую обложку, в которой угадывалась вложенная бумажка. Мы с Ронни открыли обложку – оттуда на нас с удивлением смотрел тощий таракан с большими усами. Что было потом я не смогу описать! Рони закричала, ее трясло! Из того, что она произносила, я уловил несколько раз повторенные go и home. Понял, что они сейчас же уедут в свою благословенную Америку, причем либо прямо на такси, либо даже на гужевом транспорте – лишь бы уехать. Элвин пытался ее как-то успокоить. Они, конечно, перед приездом в Россию готовились, но не до такой же степени... Ситуация усугублялась (как я потом уже узнал) еще и тем, что Ронни была диетологом! Официантка несколько раз повторила «тэнк ю!» с интонацией какого-то страшного ругательства, очевидно обращенного к убегающему таракану. Я вспомнил свой английский из учебника седьмого класса: I'm a pioneer! My father works in kolhoz «Krasnyi put'». Поскольку я уже не был pioneer, а my father к тому времени уже давно нигде не works, мой английский мне не пригодился. Решил перейти на иврит, из которого знал три слова: שלום – здравствуй, до свидания и вообще всё, что угодно; סליחה – извините; סבלנות – терпение. Но из них тоже фраза как-то не складывалась. Говорили все одновременно. Влад Мишин, руководитель молодежного клуба общины, любезно согласившийся быть переводчиком, не знал кого и кому переводить. Это напомнило мне квартет из III действия оперы «Риголетто» Джузеппе Верди, который, в транскрипции для фортепиано Ференца Листа, я когда-то играл. В конце концов договорились, что завтракать наши гости будут в номере. В магазине я купил запечатанный кусок сыра, булку тоже в обертке, пачку масла, пачку печенья, пачку сахара, пачку чая, шоколадку, а красивые салфетки и одноразовую посуду вместе с чайником взял в об-

щине. Когда все это я принес, в номере пахло лекарствами, но Ронни успокоилась, извинилась что так получилось, сославшись на усталость и неожиданные яркие впечатления. Я понимающе кивнул.

Вообще, у меня с этим рестораном связано несколько незабываемых воспоминаний.

В этом ресторане Рена Ноевна Хумек, пианистка, работавшая преподавателем в музыкальной школе, где я учился, – семья попала в СССР после раздела Польши в 1939 году между фашистской Германией и коммунистическим Советским Союзом, – экстравагантно одетая, с ярким длинным шарфом, перекинутым через плечо, по вечерам играла на аккордеоне, ходя между столиками, вызывая небольшой шок у неподготовленных к такому дефиле посетителей. Но это «безобразие» очень быстро запретили те, кому надо, и даже стоял вопрос – может ли такой педагог преподавать в советской музыкальной школе.

Летом 1963 года я несколько дней играл в ресторанном оркестре. Но быстро ушел, потому что всё происходило как в «Прощальной симфонии» («Симфонии при свечах») австрийского композитора Франца Йосефа Гайдна, когда в конце симфонии музыканты один за другим покидают сцену, гася свечи на своих пюпитрах. Или проще: как в известной песне «На безымянной высоте» Вениамина Баснера на стихи Михаила Матусовского: «...Нас оставалось только двое//Из восемнадцати ребят». Еще проще: начинали мы полным составом, заканчивали втроем или вдвоем – остальные, культурно говоря, «сходили с дистанции», а некультурно – напивались. Тогда посетители могли заказывать определенную музыку, кладя деньги за крышку пианино. Однажды подошел прилично одетый интеллигентный молодой человек, положил двойную таксу и попросил... полчаса помолчать. Очевидно, так подействовало на него наше исполнение. А общая атмосфера была, как у Александра Блока:

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

Мой друг Саша Хумек, уехавший с семьей в Америку в 1968 году, увез с собой на память меню этого главного ресторана Петрозаводска, поместившееся на одном листочке небольшого формата серой бумаги, в котором почти ничего не было (при этом забыв, к сожалению, прихватить с собой этого злосчастного таракана).

А в номер гостиницы, тот самый, КГБ в 1970 году вызывал мою коллегу по музыкальному театру Ирину N для допроса по моему делу.

И вот теперь добавилось еще одно незабываемое воспоминание...

Программа пребывания наши гостей в Петрозаводске оказалась очень насыщенной: это и визит в благотворительный фонд «Хэсэд Агамим», где помещалась синагога, и знакомство с членами религиозной общины и работниками хэсэда, и экскурсия по городу, и посещение старого еврейского кладбища, и встреча Субботы у меня дома, где гости могли оценить, как живет обычная еврейская семья в России. Зажигая субботние свечи так далеко от своего родного дома и произнося браху, Ронни оказалась в привычной для нее атмосфере домашнего уюта и покоя. Свет этих свечей связал Элвина и Ронни с их родными и близкими, со всеми евреями на Земле.

На следующий день на празднике в школе «Йом Ришон» по случаю начала учебного года и Рош ha-Шана собрались ученики всех возрастов. Вся обстановка, когда столы и стулья были вынесены из классов и расставлены в украшенной детьми рекреации, большое количество учеников, детей и взрослых, еда, приготовленная тут же, шум, гам... И когда все, наконец, расселись, и Ронни было предложено зажечь праздничные свечи и произнести браху – голос у нее дрожал от избытка чувств. Детям были розданы небольшие подарки, привезенные из Флориды. Всё было просто и трогательно. Вечером в большом зале филармонии состоялся концерт знаменитого тогда ансамбля из Казани «СИМХА» под руководством Леонида Сонца, про-

финансированный общиной «Темпл Иудеа». Здесь же перед собравшимися с большим успехом выступили сестры Ася и Маша Арутюнян, учащиеся нашей воскресной школы. Их пение, игра на скрипке и фортепиано так растрогали наших гостей, что они решили подарить детям синтезатор. Восторгу зала не было предела!

Вечером гости уехали, не вспомнив про посещение офиса, лишённого компьютера, принтера и «иже с ними». Ронни и Элвин становятся попечителями воскресной школы «Йом Ришон»! А в декабре месяце на праздник Ханука наша община получила удивительный подарок из Флориды – красиво оформленный сертификат, в котором сообщается следующее: «Сад из 100 деревьев посажен в мемориальном лесу Коренблюмов (в Израиле) в честь Еврейской общины Петрозаводска. Да будьте вы благословенны радостью принадлежности к еврейству. Счастья и здоровья вам на долгую жизнь. Ронни и Элвин Коренблюм».

Через год Элвин пригласил в Санкт-Петербург десять человек из нашей общины, включая детей, на один день, чтобы вместе отметить юбилей Ронни. Они сняли номер в гостинице «Европейская» и оплатили наш проезд. На платформе нас встретил человек в ливрее, вещи поставил на каталку и проводил к мини-автобусу в фирменной раскраске. Подъезжая к гостинице «Европейская», мы обратили внимание на объявление в окне ресторана на первом этаже, оформленном под палех, где русской вязью было выведено: «Ресторан «Садко». По вечерам играет джаз-оркестр под управлением Рафаила Фавиловича». Швейцар открыл перед нами двери, и войдя в холл, мы увидели за стойкой красивых девушек, какие бывают на обложках зарубежных глянцевого журналов, перед ними плоские (!) компьютеры, вазы с цветами, огромные аквариумы с экзотическими рыбками, полы устланы ковровым покрытием, откуда-то тихо звучала классическая музыка. Дежурный провел к лифту, проводил до номера, и там нас встретили Элвин и Ронни. Почти сразу же вкатили два достаточно больших стола, уставленных всякими яствами – если это не рай, то что тогда там? Я забыл

не только обрывки английского, чтобы, хоть, поздороваться, но даже и русский язык. Спасал Саша Рабинович, выступавший в роли переводчика. Пообщались, погуляли по городу. В Летнем саду перед памятником Крылову Элвин спросил, кто этот де-душка и почему так много разных животных на его пьедестале, да еще с музыкальными инструментами. Меня так и подмывало сказать, что это знатный колхозник, как my father, но, к счастью, мой словарный запас английского не позволил сделать этого, и объяснил Саша.

– А, это русский Эзоп! – догадался Элвин.

Потом был праздничный обед, как сказал Элвин:

– Сейчас немного перекусим.

Спустились в ресторан. В огромном зале во всю его длину стояли столы, на которых в два ряда громоздились супницы, салатницы, соусники, подносы со всякой рыбой, мясом, птицей, блюда с чем-то вообще непонятным, овощи, зелень и пр., и пр. Отдельно полукругом выложены всякие морские твари и огромные раки – всё это на ледяных шариках. Всё блестит, переливается, дышит ароматами! На эстраде за белым роялем пианист играет легкий джаз. Посетителей, кроме нас, всего человек двадцать. Наш стол на двенадцать человек обслуживали десять официантов, которые только что не жевали за нас. Официант с перекинутым через руку полотенцем, подойдя к моему пятнадцатилетнему сыну Андрею поинтересовался:

– Что Вы желаете для себя?

Он помнит это до сих пор!

Конечно, были тосты, подарки, пожелания, фото – всё, что и положено на юбилее. А когда к нашему столу подкатили огромный торт, из которого фонтаном в разные стороны посыпались огни!..

Одним словом, немного перекусили.

Прощались трогательно, с каким-то щемящим чувством, понимая, что живем в разных мирах, которые в обозримом будущем вряд ли смогут объединиться. У каждого свой путь...

31 января 2005 года за выдающийся вклад в дело возрождения и развития Петрозаводской еврейской религиозной общины Элвин Коренблум и Ронни Коренблум избраны Почетными членами общины.

В 2010 году Ронни покинула этот мир, Элвин приобщился к народу своему в 2024 году на сто первом году жизни.

ДА ПРЕБУДУТ ДУШИ ИХ В ГАН ЭДЕНЕ!

Декабрь 2024

И ВОЗЗВАЛ

Взывающий

(Эскиз к портрету)

*Я раздавлен
Непомерной тяжестью ответственности
Никем на меня не возложенной
Ничего не могу предложить человечеству
Для спасения
Остаётся застыть
Превратиться в бронзовую скульптуру
И стать навсегда
Безмолвным Взывающим
Вадим Сидур*

Во время первых заседаний петрозаводского суда над Юрием Дмитриевым я обратил внимание на уже немолодого человека, который, пока трое или четверо дюжих полицейских ведут в наручниках на третий этаж Юрия Дмитриева, а потом и обратно, что-то сообщает ему, спрашивает, уточняет, советуется. А в перерывах между заседаниями и перед поездом в сторонке от приехавших на это судилище, с чашечкой кофе, на стареньком ноутбуке пишет, пишет, пишет... А потом в автобусе, который везет нашу группу поддержки в Сандармох или Красный бор к местам совершившихся преступлений, постепенно превращающихся в места ПАМЯТИ, Анатолий Яковлевич Разумов (это именно он) рассказывает, рассказывает. Он не призывает, не агитирует – оставляет каждому право выбора, право самому осмыслить информацию, которой он щедро делится, и сделать из этого для себя какие-то выводы. Именно этот «молчаливый призыв», порой, громче наполняющего наш эфир вселенского «шума времени». Криками, лозунгами обращаются к толпе, к животным инстинктам, а Анатолий Яковлевич негромко, неопровержимыми фактами взывает к индивидуумам, к их разуму (недаром, наверное, его фамилия – Разумов). «К правде, к правде стремись» (Втор.16:20), «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исх. 23:2). Недаром Александр Солженицын в своей Нобелевской

лекции произнес пророческие слова: «Одно слово правды весь мир перетянет». Именно это стремление к правде, ответственность, прежде всего, перед собой, заставляет Анатолия Разумова так скрупулезно, проверяя все возможные источники, записывать в свои книги имя очередной жертвы чудовищного режима (как Пимен у Пушкина в «Борисе Годунове»: «А между тем отшельник в темной келье/ Здесь на тебя донос ужасный пишет: /И не уйдешь ты от суда мирского, /Как не уйдешь от божьего суда»), чтобы оставить документальное свидетельство преступлений советской власти, причины которых до сих пор не получили в нашей стране должного осмысления. А без этого осмысления невозможно нормальное, цивилизованное развитие общества, страны – всегда будет опасность, в той или иной форме, возвращения к страшным страницам нашей истории.

И эта «непомерная тяжесть ответственности никем на него не возложенной», исполнение своего гражданского долга не позволяют Анатолию Яковлевичу остановиться в своем подвижничестве, за который мы безмерно признательны ему, и просто тихо с благодарностью склоним перед ним головы.

2024 г.

Юрий Дмитриев

Существует много возможностей узнать сущность человека. Это и друзья, с которыми он общается и которых выбирает; это и слова, которые он произносит, мимика, жесты, привычки и привязанности, любимые занятия, образ жизни и т. д. Но лучше и надёжней характеризуют человека плоды его дел. Как гласит Евангелие от Матфея: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Мф 7, 20). Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые (Мф 7, 17–18).

В Карелии проводили исследование степени толерантности по районам, и оказалось, что самый толерантный район – Медвежьегорский. Исследователи задали вопрос, на который сами не смогли ответить: почему? Ответил я: потому, что там Сандармох.

Уже который год 5 августа в Сандармох приезжают люди самых разных национальностей, из разных стран. Всех объединяет трагедия, которая произошла в этом страшном месте, трагедия, сотворённая людьми против людей. И начинает появляться осознание, что у беды нет национальности, что каждый может попасть под эти жернова, если будут закрывать глаза на творящееся зло, если позволить злу торжествовать. (Как сказал англо-ирландский политический деятель Эдмунд Бёрк: «Для торжества зла достаточно, чтобы достойные люди бездействовали».)

И люди видят, что независимо от национальной, конфессиональной, государственной принадлежности горе объединяет всех. Причём видят не фигурально, а буквально – это происходит на их глазах, здесь, сейчас. Это сильный эмоциональный урок, урок, способный изменить предубеждения против «чужих», «несвоих», «понаехавших»... Как написал Пётр Чаадаев: «...Вот, по нашему мнению, первые условия истинного совершенствования как индивидов, так и масс. Лишь вникая в свою

протекшую жизнь, те и другие научатся выполнять своё назначение; лишь в ясном понимании своего прошлого почерпнут они силу воздействовать на своё будущее» («Философические письма», стр. 87).

Известно, что без прошлого нет настоящего, без настоящего нет будущего. И Юрий Дмитриев хорошо прочувствовал это, предложив национальным объединениям поставить памятники своим соплеменникам. И уже стало традицией, отдав долг памяти своим соплеменникам, принять участие в церемонии у памятного знака убитым другим национальностей. А когда видишь слёзы пожилых людей! Слёзы горя, но и слёзы радости, что нашлось, наконец, место, куда можно прийти и помолиться за упокой убитых родных и близких. И поблагодарить тех, кто нашёл это место, сделал это место народным достоянием вопреки, казалось бы, полному затаптыванию и забвению.

Сандармох стал тем, чем есть, не так давно. Он вообще мог и не появиться, если бы не титанические усилия, воля и ответственность за историческую справедливость одного из наших современников, кем будет гордиться Россия, – Юрия Дмитриева. А он сейчас сидит в клетке, в наручниках, как самый опасный преступник в нашей многострадальной стране!!!

Неужели опять: «Нет пророка в своем отечестве?» Конечно, в стране, «избивающей своих пророков», лучше сидеть, чем лежать, но пора ясно осознать, что отрицание факта преступления является первым шагом к его повторению. И Юрий Дмитриев делает то, что не может не делать, и являет собой пример подвижнического служения великой идее – очистить нашу совесть от скверны коммунизма, чтобы мы оставили нашим детям страну без груза страшного прошлого, чтобы само слово «Россия» ассоциировалось со светом, разумом, прогрессом.

Юрию Дмитриеву

*Россию вновь накрыла тьма –
Так было уж не раз.
И шестикрылый Серафим
С небес даёт наказ.
Он вырвал грешный мой язык
И уголь горящий дав,
Воззвал: Иди, буди от сна –
Пробил урочный час
Очистить головы людей,
В которых тлен и мох,
Покуда землю не покрыл
Навеки Сандармох.*

2021 г.

P.S. Награды Юрия Дмитриева:

- Премия «Золотое перо Руси» (2005)
- Золотой Крест Заслуги (Польша, 2015)
- Почётная грамота Республики Карелия (2016)
- Премии Московской Хельсинкской группы в области защиты прав человека (2018)
- Премия Фонда памяти Анны Дальбек – за гражданское мужество в борьбе за права человека (Швеция, 2020)
- Премия имени Льва Копелева (2020)
- Германо-французская премия «За права человека и верховенство права» (2020)
- Премия свободы имени Андрея Сахарова (2021)
- Праведник народов мира (Милан, 2024)

Ветеран советского диссидентского движения Александр Гинзбург скончался утром в пятницу в Париже. Гинзбург родился в 1936 году, в 1959-1960 годах основал один из первых самиздатовских журналов «Синтаксис», был одним из основателей Московской Хельсинкской группы. В 1979 году Гинзбург был выслан из СССР. Жил в Париже, являлся создателем газеты «Русская мысль». //«Эхо Москвы»

Андрей Дмитриевич

В начале июля 1978 года, находясь с театром на гастролях в Калуге, слушая вечером, как обычно, БиБиСи, я узнал, что в городе открывается процесс по делу Александра Гинзбурга, распорядителя Фонда Солженицына. Этот фонд, основанный на гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», был учрежден Солженицыным для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. На следующий день в местной газете появилась маленькая заметка, сообщающая, что в городском суде начинается слушаться дело «об антисоветской деятельности А. Гинзбурга, проживавшего на территории калужской области». Расспросив, где находится суд, я после репетиции направился туда.

Суд располагался в живописном месте, напротив Дома пионеров, на высоком обрыве, откуда открывался совершенно удивительный вид на бескрайнюю даль. С одной стороны здание суда граничило со старым парком, отделенное от него оградой, поросшей кустарником, с другой стороны через дорогу – огромный овраг. Попастъ к зданию можно было только по единственной дороге, оканчивающейся тупиком. Уже на подходе было много милицейских постов, но пропустили без препятствий.

Перед зданием суда на равном расстоянии друг от друга прохаживались или стояли крепкие молодые парни в штатском, чья выправка сразу давала понять для чего они здесь

(как выяснилось позже, они были командированы из Москвы и жили в одной гостинице со мной). Среди этих молодцев одиноко выглядел средних лет милиционер, казавшийся чем–

то инородным. Невдалеке в небольшом скверике стояла группа из шести-семи человек. Молчали, чего-то ожидая. По обе стороны входа на стульях сидели «мальчики». Я подошел, мне преградили путь, спросив, куда я направляюсь.

- На процесс.
- Ваш пропуск.
- Какой пропуск может быть на открытый процесс?
- Дело в том, что зал небольшой, и не может вместить всех желающих.

Я это уже слышал на «самолетном процессе», но здесь вежливо, спокойно.

Я отошел в сторону и огляделся. Что-то было почти нереальное во всем этом: тихий теплый день, солнце, пробивающееся сквозь листву деревьев; лениво прогуливающиеся молодые люди в штатском; группа неважно одетых с усталыми лицами немолодых уже мужчин и женщин; какой-то корреспондент с иностранным фотоаппаратом на плече, любопытно осматривающийся вокруг; под деревом одиноко на спортивной сумке в сером костюме сидящий средних лет высокий мужчина. И тишина. А там, внутри здания идет суд, к которому приковано внимание всего мира, решается судьба человека, а может и не одного! Все это не складывалось в единую картину, не стыковалось одно с другим.

Неожиданно на дороге появился энергичный молодой человек, и смело направился к входу в здание суда. Привычным движением руки показал удостоверение и на приличном русском сказал, что он корреспондент агентства Франс пресс, специально прилетел из Парижа освещать процесс. Ему сказали, что в зале нет мест. Он предложил постоять.

- Одну минутку.

Дежурный ушел внутрь здания. Все с интересом ждали, чем это кончится.

Через некоторое время дежурный вернулся и сказал, что не разрешают... по причине пожарной безопасности.

Минут через пять из дверей почти выбежала молодая, но уже поседевшая женщина:

– Бандиты! Что они с Аликом сделали! Я его сначала не узнала!

Ее окружили друзья, те, что ждали в сторонке, и она говорила, говорила. Человек в сером костюме, сидевший под деревом встал и направился к группе.

– Андрей Дмитриевич, они бандиты! – женщина бросилась к нему, – но Алик молодец, держится хорошо, хотя очень бледный, узнал меня, кивнул.

Андрей Дмитриевич? Сахаров!!!

Это было время, когда в советских газетах всячески поносили академика Сахарова, публиковали письма «трудящихся» с его осуждением за его правозащитную деятельность. Еще в 1968 году на западе была опубликована его работа «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (в СССР появившаяся в самиздате), которая наметила всю дальнейшую деятельность Андрея Дмитриевича, как защитника прав человека. Основные темы – о войне и мире, о диктатуре, сталинском терроре, свободе мысли, демографические проблемы, загрязнение среды обитания и той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. Те же темы прозвучали и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», которую зачитала на церемонии присуждения академику Андрею Сахарову Нобелевской премии Мира за 1975 год его жена Елена Боннэр. Сам Сахаров не присутствовал на вручении премии, боясь, что советские власти не впустят его обратно на родину.

– Я хочу сделать заявление для прессы, – Андрей Дмитриевич произнес это спокойно, но прозвучало это очень весомо. К нему подошли корреспонденты из Франс пресс и тот, с фотоаппаратом, оказавшимся корреспондентом какой-то английской газеты. Они отошли в сторону и стали записывать заявление Андрея Дмитриевича.

Оказалось, что был объявлен перерыв в заседании суда, хотя из зала никто не вышел, кроме жены подсудимого Александра Гинзбурга Арины Жолковской и его адвоката, и друзья достали термос, бутерброды, чтобы накормить их. Публику, присутствующую на суде, кормили в буфете внутри здания. Неожиданно термос выпал из чьих-то рук и разбился. Наступила неловкая пауза.

– Это – к счастью, – сказал я.

– Да, да, к счастью, – подхватил кто-то: очень хотелось в это верить.

К группе подошел Андрей Дмитриевич:

– Я пойду на почтаamt, позвоню в Москву.

В Москве в это же время шел громкий процесс над Анатолием Щаранским, «подкупленным международным сионизмом и империализмом», как писали советские газеты, обвиненным в шпионаже и измене Родине. Там «дежурила» Елена Боннэр (Надо сказать, что на время всего процесса международная телефонная связь с Калугой была прервана, а из гостиницы, в которой разрешено было поселиться только жене Гинзбурга Арине, и междугородняя).

После перерыва Арина вернулась в зал заседаний (из всех друзей Гинзбурга, туда допустили только ее), а группа вместе с корреспондентами перешла на солнечную сторону улицы, и завязался разговор. Как я понял из разговора, среди присутствующих оказался известный советский физик-ядерщик Сергей Поликанов, который, узнав, что корреспондент из Парижа, рассказал анекдот:

Один говорит другому:

- Что-то опять в Париж захотелось!
- Часто там бывал?
- Нет, часто хотелось.

Вернулся Андрей Дмитриевич, и они с Поликановым стали прогуливаться по дороге рядом с судом. Непонятно откуда навстречу им появились двое «прохожих», появились именно с той стороны, откуда прохода нет. Поравнявшись с ними, один, зло глядя на Сахарова:

- Сахаров... Небось, Цукерман какой-нибудь.

Поликанов вздрогнул от неожиданности, затем с усмешкой:

- Глас народа!?

Андрей Дмитриевич примирительно:

- Ну, ладно, люди на работе.

Действительно, «на работе», иначе и не могло быть: откуда советский человек мог знать Сахарова в лицо? По телевидению не показывали, в газетах портрета не печатали, всю жизнь был засекречен. А вообще, интересно задуматься над тем, что в СССР (да и сейчас в России) слово еврей или еврейская фамилия употребляются как обвинение человека в чем-то.

Вечером у гостиницы, куда проводили Арину, можно было наблюдать любопытную картину: в крохотный «Запорожец», еще первого выпуска, за рулем которого сидел Поликанов, втиснулся, сложившись чуть ли не вдвое Андрей Дмитриевич, и они поехали в Москву, так как ночевать в Калуге им было негде. И на следующий день обратно.

На следующий день перед тем, как идти на процесс, я зашел на рынок и купил пять роскошных алых роз. Мизансцена у суда была прежней. Интересно, что кроме меня и все тех же друзей Гинзбурга, ночевавших неизвестно где, никого посторонних не

было. Власти зря опасались проявлений какого-либо интереса, уже не говоря о протесте советских людей против происходящего. Уже заканчивался перерыв в заседании, и я, подойдя к Арине, протянул цветы:

– Держитесь!

Она улыбнулась, хотела что-то сказать, но ее окликнули – начиналось заседание. Помахав цветами, она скрылась за дверью. Я представил ее в зале суда, среди нагнанных туда каких-нибудь номенклатурных идеологических работников райкомов, горкомов и т.п. с букетом алых роз! Должно быть, впечатляющая картина! Но это продолжалось недолго. Минут через десять Арину вывели из зала суда якобы за реплику, брошенную ею в ходе показаний одного из «свидетелей» по поводу «аморального образа жизни» Александра Гинзбурга. Ее окружили друзья, подошел Андрей Дмитриевич. Корреспондент попросил разрешения сфотографировать ее с букетом роз на фоне здания суда. Охрана подошла и вежливо попросила отойти подальше и снимать так, чтобы здание не было в кадре. Вся группа переместилась на другую сторону улицы. Андрей Дмитриевич остался один. Я подошел и сказал:

– Андрей Дмитриевич, Вы – великий человек. Вам поставят памятник в России. Не думайте, что все в нашей стране подонки.

Он удивился, улыбнулся своей какой-то светлой детской улыбкой, но ничего не ответил. К нему подошел Поликанов и отвел для какого-то разговора.

Я, поставив на землю портфель, стал ждать дальнейших событий.

– Это Ваш портфель? – вдруг вывел меня из раздумий негромкий твердый голос.

От неожиданности я даже вздрогнул – прямо передо мной стоял человек в штатском. Я обернулся – сзади с каким-то извиняющимся выражением лица стоял немолодой милиционер.

– Возьмите портфель и следуйте за мной, – все так же негромко приказал молодой человек.

Мы двинулись в сторону перегороженных двумя грузовиками ворот во двор суда. Протиснувшись между ними, оказались внутри уютного двора. Из боковой двери здания вышел еще один молодой человек, который потребовал у меня паспорт. Меня обыскали, попросили вынуть все из портфеля. Там оказались ноты – я шел с репетиции. Спросили, что я делаю в Калуге.

– Это кто? – оживился штатский, доставая фотографию, которую я всегда ношу с собой.

– Папа.

Интерес сразу пропал и, забрав паспорт, молодые люди скрылись за боковой дверью в здании суда.

– Не связывайтесь с ними, – неожиданно произнес милиционер, – ничего хорошего от них ждать нельзя.

Я поблагодарил его. Один из молодых людей вернулся, отдал мне паспорт и предупредил, что, если я еще раз появлюсь здесь, у меня будут большие неприятности. Затем показал на незаметную калитку в глубине двора и попросил уйти через нее.

– А как же я найду дорогу?

– Вам покажут.

Я не понял, но пошел к калитке, через которую попал на задворки городского парка. Пройдя несколько шагов по тропинке, увидел двоих молодых людей, сидящих на какой-то садовой скамейке и играющих в шахматы. С такой выправкой только в шахматы и играть!

– Вы откуда?

– Оттуда, – я указал назад, – как мне пройти к выходу из парка?

Они понимающе кивнули и показали путь. Через поворот тропинки опять сидели «шахматисты».

Выйдя из парка, я пошел в гостиницу. Стал накрапывать дождь. На душе было гадко. По щекам потекли слезы – слезы бессилия.

Январь 2003

P.S. Вернувшись с гастролей, я ожидал, что мной займется КГБ, но никакой реакции не последовало. Лишь много-много позже случайно в разговоре возникла тема гастролей в Калуге, и артистка балета N рассказала, что тогда она вместе с подругами пошла после спектакля поужинать в ресторан гостиницы, где мы жили, и там они познакомились с молодыми людьми, оказавшимися гэбэшниками из Москвы. Один из них спросил, работает ли в театре пианист Дмитрий Цвибель. Девушки очень удивились, что я такой знаменитый, и с гордостью наговорили про меня много хорошего. Те попросили передать, чтобы я больше не приходил на процесс, а то у меня будут неприятности. Девушки набросились на опешивших ребят, пообещав, что если те донесут на меня, то неприятности будут у них, что они больше не сядут с ними за один стол и пр., и пр. Но после шампанского с одной стороны и приглашения на спектакль с другой конфликт был исчерпан.

Я до сих пор не могу объяснить себе почему сказал Андрею Дмитриевичу про памятник в России, а не в Советском Союзе, или в СССР, как тогда было принято, но решил, что обязательно приеду на открытие, где бы его ни возвели, и где бы я ни находился. Не получилось: я узнал о памятнике только на следующий день после открытия. Его открыли 5 июля 2003 года в Санкт-Петербурге (автор Левон Лазарев). В это время я был на учебе в Иерусалиме, где уже через год после смерти Андрея Дмитриевича прямо на въезде в город в 1990 году по инициативе Натана Щаранского и легендарного мэра столицы Тэдди Коллека был разбит миниатюрный парк, и всех, въезжающих в город, встречает надпись на иврите, арабском, английском и

русском языках «Сады Сахарова». Возвращаясь домой, я посетил памятник, установленный на площади Академика Сахарова на Васильевском острове, около Санкт-Петербургского университета (здания Двенадцати коллегий) и Библиотеки Российской академии наук, оставив на гранитной глыбе-постаменте камешек, привезенный из Израиля. Несколько позже узнал почти детективную историю, связанную с этим памятником, и даже встретился в Израильском культурном центре Петербурга с членами инициативной группы, благодаря которым и стало возможным его открытие: Исааком Кушником, Андреем Степаненко, Валерием Гаврилюком, Виктор Елисеевым. Больше всего они гордились тем, что памятник создан исключительно на частные пожертвования.

К годовщине смерти Андрея Дмитриевича Сахарова хор Петрозаводской консерватории под руководством У Ген-Ира подготовил программу концерта, посвященную светлой памяти этого великого человека, прошедшего в помещении Финского театра. Балерина Наталья Гальцина, балетмейстер Вячеслав Шепелев и я, как пианист, создали концертный номер «Буревестник» на музыку этюда № 12 Александра Скрябина, который был исполнен в качестве эпитафии к концерту. Проезжая на гастроли Москву, узнав адрес, где жил Андрей Дмитриевич, – пр. Чкалова (ул. Земляной вал), д. 48, кв. 68 – я понес афишу этого концерта. Дверь открыла женщина, в глубине длинной прихожей был виден большой портрет Андрея Дмитриевича. Я спросил Елену Боннэр. Женщина ответила, что Елена Георгиевна никого не принимает, много работает, что мне нужно? Я извинился, объяснил, что пришел только с целью выразить свое глубокое уважение и передал афишу.

С Анатолием (Натаном) Щаранским я познакомился в сентябре 2001 года, когда в составе небольшой делегации РЕКа (Российского еврейского конгресса) приехал в Иерусалим на акцию против палестинского терроризма. Он был тогда министром строительства, и принял нас на своем рабочем месте. Идя по улице Бен-Иегуда к пиццерии «Sbarro» – месту очередного совершенного теракта, в телевизоре, выставленном в окне одного

из кафе, увидели горящий небоскреб и самолет, врезающийся в соседний небоскреб. Подумали, что это очередной боевик, но все оказалось гораздо страшнее – это был чудовищный теракт! Вечером в гостинице, где остановилась делегация из США, мы зажгли свечи памяти по погибшим и выразили соболезнование американской делегации. На следующий день во время встречи в министерстве обороны в Тель-Авиве в зал вошли двое военных и врач, которые попросили одну из американок выйти, чтобы сообщить ей, что в этом теракте погиб ее родственник.

Второй раз я встретился со Щаранским (он уже был главой СОХНУТа), когда он приехал в Петербург на встречу с руководителями еврейских общин Северо-Запада, и он оставил автограф на своей широко известной книге «Не убоюсь зла», переведенной на несколько языков, которая сейчас хранится в библиотеке нашей общины.

В 2012 году в Интернете появилось интервью того самого корреспондента агентства Франс Пресс, Николя Милетича, которого я видел у здания суда, данное Елене Поляковской, под названием «Серб и молод». На вопрос Поляковской: «Что же вас так привлекало в этой стране?» ответил:

– Люди. Удивительные люди, которых я здесь встретил (...) Недели через две после приезда в Москву меня отправили в Калугу, где был суд над Александром Гинзбургом. Одновременно с этим в Москве шел суд над Щаранским, но дело в том, что у нас в АФР был специалист по еврейским делам – Пьер Лэгал, и никто не мог претендовать на эту тему, кроме него. Поэтому я отправился на суд Алика Гинзбурга. Там я познакомился практически со всеми, кто занимался правозащитной деятельностью, – с Сахаровым, Боннэр, Мальвой Ланда, Ходорович, Ариной Гинзбург, естественно (...) Мне и до этого хотелось как-то помочь, но я не очень понимал как. Но когда ты слышишь рассказ Арины о том, что происходит в зале суда, когда ты видишь людей, которые мирно стоят, никого не трогают, а их грубо отгоняют или говорят, что в здании суда нет мест – абсолютная ложь, когда ты видишь морды людей в штатском, то ты понимаешь: все,

что я могу сделать против этих мерзавцев, буду делать. В этом заключалась простота той эпохи – было видно, где добро, а где зло (...) То есть, если у тебя еще оставались какие-то сомнения по поводу происходящего вокруг полного маразма, после этого они благополучно исчезали. Я говорил своим друзьям в Париже, что для того, чтобы понять, что такое советская пресса, нужно купить газету «Правда» и прочитать ее от начала до конца...

А сейчас?

А сейчас я уже пятый (!) год хожу на процесс над Юрием Дмитриевым, который нашел схороненные в страшных ямах останки и вернул из забвения тысячи имен, убитых советской властью людей на территории Карелии – то, что должна была сделать сама страна, породившая столь чудовищный режим. Вместо этого на Дмитриева завели сфабрикованное уголовное дело по гнусной статье, чтобы можно было вести дело в закрытом режиме. Дважды Юрий Дмитриев был судом оправдан, но это не устроило заказчиков, и вот идет третий суд! Список людей и организаций, как российских, так и зарубежных, вставших на его защиту, занял бы несколько десятков страниц, но судилище продолжается. Люди приезжают из других городов, чтобы, пока Юрия Дмитриева охранники (от четыре до шести) проводят по лестницам и коридору, аплодисментами выразить ему свою поддержку. Случай беспрецедентный! Там я и познакомился с Ниной Литвиновой – внучкой Максима Литвинова, Народного комиссара по иностранным делам СССР (1930 – 1939), дочкой Флоры Литвиновой (Ясиновской), скончавшейся 29 декабря 2020 года на 103-м году жизни, оставившей мемуары «Очерки прошедших лет», где более 50-ти страниц посвящены пронзительным воспоминаниям о Шостаковиче – документальное свидетельство об искореженной несправедливой властью душе великого композитора. Нина Литвинова, как оказалось, тоже была на процессе над Александром Гинзбургом в Калуге в 1978 году – 43 года назад!

Сколько же еще надо прожить, чтобы увидеть Россию светлой и свободной?!

Апрель 2021г.

Услышать Шостаковича

(Эскиз к статье)

*Наталии Деминой
с благодарностью*

25 сентября исполняется 115 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, великого русского композитора, единственного такого масштаба русского композитора XX века, вся жизнь которого прошла в России. Годы его жизни совпали с переломным моментом в истории России, когда страна искала новые пути своего развития, когда рушилось старое, а на смену пришло нечто, гораздо страшнее прежнего. Большевики, захватившие власть, установили режим, при котором все стороны жизни граждан, в том числе самые интимные, были подчинены государству. Государство создало тотальную систему слежки, доносов, воспитания и перевоспитания, ужасающую карательную систему. Все это губительным образом сказалось на всей жизни страны, но прежде всего, подорвало ее интеллектуальный потенциал. Государство диктовало что и как надо изучать, исследовать, сочинять и т.п. Целые направления науки объявлялись «антисоветскими», «буржуазными», не отвечающими интересам советских людей, что влекло за собой запрет на исследования в данной области, карательные меры по отношению к тем, кто думал иначе. В области художественного творчества существовали еще более жесткие ограничения. Действовала система тотального контроля за людьми творческого труда, за тем, что они создавали и даже о чем думали. При полной монополии государства над всеми видами издательской, исполнительской, любой созидательной деятельности достигался эффект усредненного стандарта, безликости творчества, творчества, направленного, в основном, на утверждение существующего порядка, на оправдание всего происходившего, на восхваление правящей верхушки и тех идей, которые она проповедовала. Лишь немногим удавалось противостоять этому, не поплатившись жизнью. Каждый устанавливал для себя границы компромисса со своей совестью и «красную черту», за которую

уже не перейдет. Все это необходимо учитывать, давая оценки жизненного и творческого пути тех, кому пришлось жить в это время, и кто попадал в жернова, перемалывающие все живое.

Личность и творчество Шостаковича уже без малого сто лет привлекают к себе внимание во всем мире, причем как тех, кто принимает его творчество, так и тех, кто, порой весьма агрессивно, не приемлет не только творчество, но и его личность. Первая симфония, написанная в 1925 году и исполненная годом позже (дирижер Николай Малько), сразу же заявила о рождении яркого композитора. Симфония вошла в репертуар таких выдающихся дирижеров, как Бруно Вальтер, Отто Клемперер, Леопольд Стоковский, Артуро Тосканини. Опера «Леди Макбет Мценского уезда» (премьера в 1934 г.), шла одновременно в трех лучших театрах Советского Союза – ленинградском МАЛЕГОТе, в Большом театре и Музыкальном театре Немировича-Данченко в Москве и за рубежом – в нью-йоркской Метрополитен-опере, в Буэнос-Айресе, Цюрихе, Кливленде, Филадельфии, Любляне, Братиславе, Стокгольме, Копенгагене – случай совершенно беспрецедентный в истории мировой современной оперы. И вдруг – статья в газете «Правда» от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки», разделившая жизнь и творчество Шостаковича на периоды до статьи и после.

В официальном некрологе, опубликованном только через четыре дня после смерти – очевидно власти не знали, что написать – говорилось: «Советская художественная культура, прогрессивное искусство мира понесли тяжелую, невозполнимую утрату (...) Верный сын Коммунистической партии, видный общественный и государственный деятель, художник-гражданин Д. Д. Шостакович всю свою жизнь посвятил развитию советской музыки, утверждению идеалов социалистического гуманизма и интернационализма, борьбе за мир и дружбу народов». Обычный шаблон тех лет. Когда в 1979 году в США на английском языке была опубликована книга Соломона Волкова «Свидетельство» (Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich as Related to and Edited by Solomon Volkov), она вызвала шок в Советском Союзе и поток писем, подписанных известными деятелями культуры и даже родственниками Шостаковича, в

которых поносили автора, обвиняя его в фальсификации, лжи, клевете и других смертных грехах – уж слишком непривычным было то, что со страниц этой книги рассказывал Дмитрий Дмитриевич о своем времени, жизни, творчестве, своем отношении к советской действительности. Это никак не соотносилось с образом «верного сына партии», певца «социалистического реализма». Но вот поменялось время, появились другие свидетели и стало понятно, что это и есть настоящее свидетельство, живой голос Шостаковича. И очень многое в его творчестве приобрело совсем другой смысл, поменялись акценты, иначе зазвучала его музыка, и фигура Дмитрия Дмитриевича Шостаковича предстала во всем своем трагизме и величии.

Шостакович скончался 9 августа 1975 года в 18 часов 30 минут в день и даже час, когда в осажденном Ленинграде в 1942 году исполнялась его великая Седьмая симфония – симфония победы духа над тьмой. Причем, вопреки распространенному устоявшемуся представлению, этой симфонией Шостакович протестует против насилия как такового, а не только против фашизма. Вот свидетельство Флоры Литвиновой (Ясиновской), опубликованное в 2008 году в книге «Очерки прошедших лет»: «...Естественно, опять заговорили о симфонии. И тогда Дмитрий Дмитриевич раздумчиво сказал: «Конечно, фашизм. Но музыка, настоящая музыка, никогда не бывает буквально привязана к теме. Фашизм – это не просто национал-социализм. Эта музыка о терроре, рабстве, несвободе духа». Позднее, когда Дмитрий Дмитриевич привык ко мне и стал доверять, он говорил прямо, что Седьмая, да и Пятая тоже – не только о фашизме, но и о нашем строе, вообще о любом тоталитаризме» (Флора Павловна Литвинова – жена Михаила Максимовича Литвинова, сына Максима Максимовича Литвинова, наркома по иностранным делам СССР с 1930 по май 1939 года. Он был снят со своего поста, как еврей, поскольку готовилось подписание договора, вошедшего в историю как Пакт Молотова-Риббентропа, положившего начало Второй мировой войне. Флора Литвинова познакомилась с семьей Шостаковичей в эвакуации в Куйбышеве, и дружба эта продолжалась до кончины Дмитрия Дмитриевича). Галина Уствольская, ученица Шостаковича по

консерватории, с которой у него одно время были близкие отношения, написала: «Как-то в 1939-40 году Шостакович, приехав ко мне, рассказал, что почти закончил Седьмую симфонию. Осталось дописать коду и кое-что поправить...». Подтверждает это и включение Седьмой симфонии в план концертного сезона Ленинградской филармонии на 1941-42 годы, обнародованный еще в весной 1941 года. Так же музыковед Людмила Михеева (жена сына ближайшего друга Шостаковича, Ивана Соллертинского) сообщила, что «тем у нашествия» композитор играл своим ученикам по Ленинградской консерватории еще до начала войны с Германией.

Соломон Волков в своей книге приводит такие слова Шостаковича: «...А потом все страдания были списаны на войну, как будто только во время войны людей мучили и убивали. Так что в определенном смысле Седьмая и Восьмая – действительно «военные» симфонии. Это – хорошо укоренившаяся традиция. Когда я написал свой Восьмой квартет, его также вписали в графу «Обличение фашизма». Для этого надо быть слепым и глухим, ведь в квартете все ясно, как дважды два. Я цитирую «Леди Макбет», Первую и Пятую симфонии. Какое отношение к ним имеет фашизм? Восьмой квартет – автобиографический, он цитирует песню, известную каждому русскому, – «Замучен тяжелой неволей».

Восьмой квартет был написан в период с 12 по 14 июля 1960 года в Дрездене (единственное произведение Шостаковича, написанное за рубежом). Лейт-мотив всего квартета – D-S-C-H – музыкальная монограмма имени композитора. С самого начала, как зачин, зерно, из которого прорастает все сочинение, этот мотив, тема-автограф проходит через все произведение, принимая различные формы, меняя характер, но оставаясь узнаваемой, оставаясь собой! Это потрясающий по своей силе рассказ о себе, своем месте в прожитой жизни, своих исканиях истины, разочарованиях и – все же – победах, победах духа, победах, может быть, за других, за тех, кому не дано было выстоять, но перед кем Шостакович считал себя обязанным победить. Это определенный этап, итог, реквием по себе. Как выразился сам

Шостакович в письме другу Исааку Гликману: «Можно было бы на обложке так и написать: «Посвящается памяти автора этого квартета». Хотя официальное посвящение квартета – «Памяти жертв фашизма и войны». Этим посвящением Шостакович исключил для цензоров возможность запретить исполнение квартета по идеологическим соображениям. Там есть цитаты из его произведений, означивших этапы его творческого пути: Первой, Восьмой и Десятой симфоний, Фортепианного трио, Виолончельного концерта, оперы «Леди Макбет Мценского уезда» и тема песни «Замучен тяжелой неволей», которой предшествует музыка, написанная для кинофильма «Молодая гвардия», – сцены казни молодогвардейцев. Такие автоцитаты показывают, что этим квартетом Шостакович подводит своеобразный итог своему творчеству, а поскольку он не мыслит себя вне творчества, значит это – итог жизни. Сам Шостакович высоко ценил это произведение. (Чуть позже Рудольф Баршай, по согласованию с автором, переложил квартет для камерного оркестра. Исполняется как Камерная симфония, соч. 110а). Абель Старцев в «Независимой газете» (11 июня 1999 г.) приводит следующие слова Шостаковича: «Где вы поставите могильные памятники Мейерхольду и Тухачевскому? (...) Только музыке это по силам (...) Большинство из моих симфоний – это надгробные плиты». Может быть, это был и ответ затравленного человека властям на навязчивое «предложение» о вступлении в партию? Сын Шостаковича Максим свидетельствует, что видел отца плачущим только два раза: когда хоронили маму и когда его «приняли» в партию (фактически, заставили вступить). Недаром осенью этого же года Шостакович скажет своему другу, пришедшему навестить его в больницу, где он лечил сломанную ногу: «Меня, наверное, Бог наказал за мои прегрешения, например, за вступление в партию».

В. Зак в своей книге «Шостакович и евреи?» приводит интересный разговор с Вячеславом Молотовым, бывшим министром иностранных дел СССР, подписавшим договор с фашистской Германией, вошедшим в историю как «Пакт Молотова – Риббентропа», и уже удалившимся от дел, однажды, когда в неформальной обстановке зашел разговор о творчестве Шостаковича, спросил:

– А как обстоит дело с народными песнями у Шостаковича?

– Вся симфония «1905 год» на цитатах русских революционных песен!..

– Это специальная задача, – возразил Молотов, – 1905 год – одно, а наше время – совсем другое...

– Восьмой квартет Шостаковича, – сказал я как можно сдержаннее, – не «1905 год», но там тоже есть народная песня «Замучен тяжелой неволей».

– Вот именно! -- воскликнул Молотов, и его статичная фигура вдруг оживилась – замучен тяжелой неволей – это содержание всех симфоний Шостаковича, всей его музыки! Непонятно только, *кто* замучен и *кем* замучен? (Молотов акцентировал «кто» и «кем».)

Ему не откажешь в пронизательности!

Еще интересный момент: в кульминации второй части буквально врывается тема, сообщая какую-то очень важную для автора информацию. Это – еврейская надрывная тема, уже использованная в Фортепианном трио. Здесь, в этом контексте, она обозначена еще ярче, чем в Трио, эмоционально сильнее. Вырастая из мотива D-S-C-H, она несет в себе ее зерно, дополняет ее, ведет с ней диалог и возвращается обратно, тем самым как бы замыкая круг. Эта цитата в таком знаковом для Шостаковича произведении доказывает неслучайность еврейской темы, как таковой, не только в его творчестве, но и в жизни. Это одно из самых сокровенных творений Художника, его кредо, завещание, послание потомкам. (см. Д. Цвибель «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича», Петрозаводск, изд. ПИН, 2004)

В Израиле в г. Бней-Аиш в 2009 году открыт монумент с именами выдающихся гуманистов неевреев – борцов против антисемитизма:

Виктор Некрасов 1911–1987
Андрей Сахаров 1921–1989
Владимир Короленко 1853–1921
Борис Чичибабин 1923–1994
Анатолий Кузнецов 1929–1979

Рауль Валленберг 1912–1947(?)
Дмитрий Шостакович 1906–1975
Оскар Шиндлер 1908–1974
Эмиль Золя 1840–1902)

В оценке личности Шостаковича важно понимать, что в большинстве случаев нельзя ссылаться на то, что публично сказал или написал сам Шостакович – в стране «победившего социализма», как тогда выражались, все знали, что можно говорить, а чего нельзя – тогда жили, как определил это время Евгений Евтушенко, «при дворе торжествующей лжи».

Еще одна цитата из книги Соломона Волкова: «...Чаще всего глупые вопросы задают мне, когда я выезжаю за границу. Это одна из главных причин, по которой я не люблю ездить. Может быть, главная. Любой наглый приставаला может сказать тебе все, что взбредет в голову. И спросить обо всем <...> Каждый из таких наглецов хочет, чтоб я «смело» ответил на его дурацкие вопросы <...> А почему я должен им отвечать? Кто они такие? Почему я должен ставить под удар свою жизнь? И это – для удовлетворения праздного любопытства человека, которому на меня наплевать? Он вчера обо мне ничего не слышал, а завтра забудет мое имя. Какое право он имеет на мою откровенность? На мое доверие? Я ничего о нем не знаю. И я ведь не пристаю к нему с вопросами, правда? Хотя он-то мог бы ответить на любой мой вопрос без всякого риска для своей персоны. Все это возмутительно и оскорбительно. Самое главное – такие оскорбления стали делом обыденным. И никто не задумывается, как все это нелепо. Обо мне судят на основе того, что я сказал или не сказал мистеру Смиту или Джонсу. Разве это не нелепость? Газетные статьи должны служить оценке их авторов. Пускай по ним судят о мистере Смите и Джонсе. А у меня есть музыка. И довольно много музыки. Обо мне пусть судят по моей музыке. Я не намерен ее комментировать».

Сказано достаточно жестко, но очень точно отражает положение вещей.

В этом свете можно совершенно иначе воспринимать и «Праздничную увертюру», написанную Шостаковичем в 1947 году к 30-той годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции (так тогда называли октябрьский переворот 1917 года, сокращенно – ВОСР), но исполненную лишь в 1954 году, и ставшую официальным гимном всех советских праздников. Вначале звучат торжественные фанфары. Но они заимствованы из «несерьезной» детской пьески для фортепиано «День рождения», написанной для дочери! После вступительных фанфар звучит наигрыш кларнета в быстром, торопливом темпе-скороговорке. Много позже Шостакович создает на текст Евгения Евтушенко симфоническую поэму «Казнь Степана Разина». И в ней есть эпизод, когда народу приказывают веселиться: «Что, народ, стоишь, не празднуя? Шапки в небо – и пляши!» В оркестре звучит сольный одинокий, словно сорвавшийся с места, наигрыш кларнета-рожка (Cl-riccolo, ob., cl.) в сопровождении тамбурина. Этот наигрыш «натужно-веселый», суетливый, зазывающий «плясать», не найдя никакой поддержки, так и повисает в воздухе, затихает, «захлебывается» и исчезает так же неожиданно, как и появился. Эти два наигрыша очень похожи – интересная многозначительная параллель, – и ретроспективно можно сказать, что идея одна и та же – искусственное натужное веселье.

Есть еще одно произведение Дмитрия Шостаковича, которое может поставить точку в вопросе об отношении композитора к советскому строю – это «Антиформалистический раёк» – одноактная сатирическая кантата или мини-опера, посвященная собранию музыкальных деятелей, направленному на осуждение буржуазного формализма в музыке для четырёх басов, чтеца, хора и фортепиано. И музыка, и текст написаны Шостаковичем. Создавалась с 1948 по 1968 год, причем Шостакович записывал ее небольшими отрывками и не полностью, чтобы в случае обнаружения, не было понятно, что это такое. Он понимал, что ему грозит. Впервые на сцене «Раёк» был исполнен в Вашингтоне в 1989 году.

Дело в том, что в 1948 году Шостакович подвергся шельмованию за «формализм» в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10

февраля 1948 года «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». В январе было организовано трехдневное совещание московских композиторов, где «выявляли композиторов-формалистов», среди которых оказались Шостакович, Прокофьев, Мясковский, Хачатурян, Попов, Кабалевский, Шебалин, причем композиторов заставляли публично каяться в своих «заблуждениях». Самым агрессивным «разоблачителем» оказался композитор В. Захаров: «...Я считаю, что, с точки зрения народа, Восьмая симфония Шостаковича – это вообще не музыкальное произведение, это «произведение», которое к музыкальному искусству не имеет никакого отношения»; «...в Ленинграде, когда люди умирали на заводах, около станков, эти люди просили завести им пластинки с народными песнями, а не с Седьмой симфонией Шостаковича». По всей стране организовывались собрания и конференции на заводах, фабриках и т.п., и их участники с большим возмущением клеймили позором Шостаковича, Прокофьева и других «формалистов». Этот период получил негласное название «ждановщина». Много лет спустя сын Шостаковича Максим вспоминал: «...мне было тогда 10 лет. В 1948 году, когда после речи Жданова травили отца, в музыкальной школе на экзамене меня заставляли его ругать».

Осенью 1948 года Шостаковича лишили звания профессора Московской и Ленинградской консерваторий, причем узнал он об этом придя в Ленинградскую консерваторию и прочитав на доске объявлений, что он уволен за «низкий профессиональный уровень»! А в Московской консерватории ему просто не выдали на проходной ключи от аудитории! По свидетельству Матвея Блантера (портрет которого, кстати, висел в рабочем кабинете Шостаковича рядом с портретом Бетховена), были моменты, когда Шостаковичу не на что было кормить детей, и тот давал ему взаймы. Много позже стало известно, что именно в это время он начал писать «Антиформалистический раёк» – уничижительную пародию на своих палачей.

На титульном листе этого удивительного произведения значится:

БОРЬБА РЕАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В МУЗЫКЕ С ФОРМАЛИСТИЧЕСКИМ НАПРАВЛЕНИЕМ В МУЗЫКЕ

Слова и музыка неизвестных авторов*

Далее следует большое предисловие о находке этой рукописи в ящике с нечистотами кандидатом изящных наук П.И. Опостыловым. Среди прочего он сообщает:

«...Особенно убедительно композитор излагает наиболее значительные мысли текста. Где идет речь о мелодичности, музыка мелодична (см. 19). Где речь идет об изящности – музыка изящна (см.17). Именно *так* и только *так* должны сливаться музыка и текст. А если это не *так*, а это именно *так*, то следует указать, что композитору удалось это сделать *так*. Все это обрамлено музыкой, в которой чувствуется русское начало (см. начало и 33). Это свидетельствует о том, что автор признает ведущее значение русской музыки (выделено везде Опостыловым...)». В конце «исследования» следует «От издательства»:

«Здесь рукопись П.И. Опостылова прерывается. Некоторое время тому назад тов. Опостылов, борясь, согласно вдохновляющим указаниям, направо и налево, утратил равновесие и упал в ящик с нечистотами...

Врач-ассенизатор Убийцев сказал, что подобные случаи бывают. Он сказал: «Если человек вроде Опостылова попадает в ящик с нечистотами, то он как бы растворяется в нечистотах и определить, что является калом, а что Опостыловым, в настоящее время не представляется возможным», что и было зафиксировано в акте милиции и ассенизационного обоза...»

В лице П.И. Опостылова выведен П.И. Апостолов, работник аппарата ЦК КПСС с 1949 года, долгие годы «управлявший» искусством. Апостолов умер в 1969 году, на генеральной репетиции Четырнадцатой симфонии Шостаковича, симфонии о «всевластной смерти»!

*Как сообщает Отдел Музыкальной Безопасности, авторы разыскиваются.

О.М.Б. заверяет, что они будут разысканы.

(Издательство)

В музыкальной части произведения действуют И.С. Единицын (Сталин), А.А. Двойкин (Жданов), Д.Т. Тройкин (Шепилов). Текст представляет собой либо прямые цитаты из их выступлений, либо аллюзии на них. В музыке так же присутствуют «Лезгинка», «Калинка», «Сулико», «Камаринская». Заканчивается все это действие словами:

*Ну, а если буржуазные идеи кто-нибудь воспримет,
Надолго тех будем мы сажать
И в лагеря усиленного режима помещать.*

– Сажать и в лагеря всех* направлять, – подтверждает хор.

В сноске примечание редакции: имеется в виду «всех», подавших влиянию буржуазной идеологии. Всех высылать в лагерь было бы ошибкой: надо, ведь, чтобы остался кто-то для беспощадной борьбы с любыми попытками проникновенья буржуазной идеологии.

*Великий вождь нас всех учил
И постоянно говорил:
«Смотрите здесь, смотрите там,
Пусть будет страшно всем врагам».
Смотри туда, смотри сюда
И выкорчевывай врага!*

И апофеозом – безудержный канкан из «Корневильских колоколов» Р. Планкета.

Все выше сказанное может говорить о том, что в некоторых случаях при прослушивании музыки Дмитрия Дмитриевича Шостаковича необходимо не только слушать, но и услышать ее, сопоставив даты ее написания с тем, что происходило вокруг, и на этом пути, как мне представляется, возможны интересные открытия.

ВОТ СЛОВА

Дмитрий Цвибель: «Иудаизм — это не религия...»

Обо всём расспросил и записал Максим Ефимов

В 1968 году по инициативе педагогического факультета Еврейского Университета (Иерусалим) и Института по изучению современного еврейства был основан Центр Еврейского Просвещения в Diasпоре, который с 1976 года носит имя Самуэля Мелтона, известного ученого и филантропа, пожертвовавшего крупную сумму на деятельность Центра. Главная задача центра – поиск решения проблем, стоящих перед современным еврейским образованием. Здесь самый большой штат преподавателей и наибольшее в мире число студентов, специализирующихся в области еврейского просвещения в диаспоре. Программы Центра предоставляют возможность специально отобранным руководящим деятелям еврейского просвещения со всего мира повысить свою квалификацию, призваны сыграть решающую роль при создании новых систем еврейского образования и укрепления уже существующих. Высочайший уровень преподавательского состава, творческая атмосфера, информационная база Иерусалимского Еврейского Университета, индивидуальный подход к студентам, хорошо продуманные программы – все это создает идеальные условия для учебы. В настоящее время одну из таких программ успешно окончил Дмитрий Цвибель, председатель Петрозаводской еврейской религиозной общины и директор воскресной школы «ЙОМ РИШОН». Помимо изучения иврита и различных дисциплин каждый студент должен защитить свой проект, который может быть использован для практического применения в области просвещения и образования.

– Каково возвращаться из лета в зиму?

– Из лета в зиму возвращаться не так сложно. Речь идёт о двух совершенно разных мирах, культурах. Конечно, когда окунаешь-

ся в ту культуру, в ту среду и занимаешься определённым делом, достаточно узким, возвращаться к нормальной жизни, к тому, что надо жить, работать, налаживать то, что было прервано в этот период – вот это очень сложно. Я до сих пор, по-настоящему, не вернулся. Очень много проблем, которые надо решить, опять войти в этот ритм. А ещё процесс обдумывания того, что произошло за это время, место этого периода в моей жизни, как жить дальше, что делать дальше – это самое главное. Должен пройти естественный процесс адаптации, а затем смогу нормально функционировать и жить как жил, с учётом тех поправок, того, что я приобрёл за это время. Надеюсь, мне удастся поделиться с людьми тем, что я узнал. Это основное для меня сейчас.

– Что же главное? О чём сейчас вы бы уже сказали, что это оставило неизгладимый след, увеличило число окаянных вопросов?

– Я объясню. Знания, которые там даются – знания очень высокого духовного уровня. Еврейского образования мы здесь не получали никогда, поэтому отрывочные знания: немножко того, другого, третьего были, но не складывались в единую систему. Программа «Мелтон» дала возможность какой-то систематизации этого в сознании. Образовалась более или менее единая историческая картина, и истоки тех многих, неразрешенных вопросов, которые стоят до сих пор, становятся немножко понятней. И это, наверное, самое главное. Для того, чтобы лечить болезнь, надо знать откуда она появилась, тогда, может быть, удастся что-либо сделать.

– Это не схоластическое знание, оно применимо на практике?

– Надо поставить точки над «i»: это не религиозное образование, а сугубо академическое. Проходит на базе Еврейского университета в Иерусалиме с совершенно уникальными возможностями. Отмечу высочайший уровень преподавателей. Есть все условия, чтобы учиться. Дело в том, что те люди, которые у нас преподавали, а это – рав Зеев Дашевский, рав Пин-

хас Полонский, д-р Зоя Коппельман, д-р Ури Таир, д-р Михаил Шнейдер, д-р Шауль Штампфер, д-р Илья Лурье (это далеко не все преподаватели) – очень известные люди в своих областях знаний. С их работами многие знакомы, и я в том числе, и даже печатал их материалы в нашей газете достаточно часто. Но когда этот же материал излагает сам автор, это живое обучение не заменишь никаким Интернетом или книгами. Та аура, которую излучают эти люди, когда они говорят, плюс общение, вопросы, уточнения. Потом известно, что лектор не может всегда читать одно и то же – мэто творчество, появляется новый угол зрения. Уникальная возможность окунуться в эту атмосферу.

– Согласен, культура передаётся из уст в уста, при непосредственном общении, контакте, есть много внеязыковых моментов.

– Не только культура. Речь идёт и о еврейской традиции, ведь по еврейскому закону нельзя изучать Тору, любые еврейские источники, одному. Надо, чтобы, как минимум, был собеседник, оппонент. Он нужен для того, что можно было задавать друг другу вопросы. В еврейской традиции самое главное сформулировать вопрос, именно вопрос стимулирует работу мысли, творчество. Самым большим достижением является способность задать вопрос, на который очень трудно ответить. Талмуд – ведь это дискуссия.

– Сократовский способ обучения.

– Эта традиция существовала задолго до Сократа, но, тем не менее, в европейскую культуру это вошло именно так. Там педагог не вещает, этого нет в принципе, там принято, что педагог как бы на равных со студентом. Конечно, он больше знает, но, тем не менее, нет такой субординации: вот стоит за кафедрой педагог, и всё, что он говорит – это истина в последней инстанции. Более того, считается, что те Священные книги, которые евреи всю жизнь изучают, подлежат самому тщательному анализу и критике. Именно поэтому жива традиция, тренируется мозг, потому что каждый человек в тексте видит иногда совершенно разные вещи. Евреи на протяжении 3 тысяч лет изучают

Тору, Танах. В каждом поколении появляются свои гении-толкователи, которые добавляют новый нюанс к пониманию текста, поэтому Тора современна всегда. Именно по этой причине так и ведётся преподавание.

– Вы учились искусству интерпретации текста?

– Не совсем. У нас были совершенно разные предметы от традиционных текстов до курса «Современная медицина и галаха». А вот курс раввина Зеева Дашевского – «Галахический мидраш». (Мидраш – устная традиция, которая дополняет писание. Галаха – еврейский закон о нормах поведения, выведена из Торы, регламентирует все стороны жизни человека). Просто удивительно как то, что написано в Торе и Танахе обрастает целыми историями.

– Несмотря на то, что это светское образование, религиозная компонента весьма значительна, как это сочетается?

– Хороший вопрос. С одной стороны, сложный, с другой – простой. Иудаизм – это не религия в нашем, традиционном, понимании слова. Трудно отделить – вот тут кончается религия, тут начинается жизнь. В иудаизме – главное то, как ты живёшь, как ты поступаешь в определённых ситуациях, твоя жизнь. Иудаизм – это и национальное и этическое мировоззрение. Сколько угодно евреев, которые не считают себя верующими, но исполняют заповеди в силу воспитания.

– Нравственный закон внутри нас...

– Да, все эти нормы берут начало в Торе. Это стало составляющей частью человеческой культуры, закона, и мы просто живём, не зная, откуда это появилось, это стало общечеловеческими ценностями.

– Не стало ли наоборот: Талмуд вырос из общечеловеческих ценностей?

– Нет. Поскольку западная цивилизация, я не беру восточ-

ные, которые появились раньше, возникла позже всех, а Талмуд, извините, закончили писать где-то в 5 веке нашей эры, а то, что есть в Талмуде уже было в устной традиции задолго до этого. Просто эту традицию, не разрешали записывать, потому что то, что появляется на бумаге, не всегда точно выражает смысл - поэтому столько интерпретаций. Не разрешалось записывать, чтобы можно было правильно передать традицию от учителя к ученику. Талмуд был записан только потому, что евреи оказались в изгнании, чтоб зафиксировать дискуссии с целью их развития.

– Тора открыта для трактовки. Значит ли это, что каждый в меру своего понимания и соблюдает написанное?

– Как бы да. Для этого и существуют учителя, дискуссии, чтобы можно было уточнить что, действительно написано, а что – заблуждение или отсебятина. Время от времени появляются учителя, становящиеся главами поколения. Вот вам пример – любавичский ребе. Кто знал, где это местечко – Любавичи? Просто появился гениальный человек. Чтобы тебя узнали, не обязательно жить в Нью-Йорке. Совсем не обязательно, что раввин Нью - Йорка авторитет для какого-нибудь местечкового еврея, нет. Важна сама личность, а не то, где ты живёшь. И если ты раввин Лондона – это не значит, что ты умнее того еврея, который приходит к тебе на молитву. Только твои знания, голова, идеи имеют значение. Докажешь, что ты умнее, и ты становишься главой поколения. Поучительно для всех.

– Какое значение для еврея имеет Тора?

– Еврей обязан с утра до вечера изучать Тору, всю свою жизнь соотносить с тем, что там написано. Люди, которые занимаются только Торой, редки в современном мире, да и раньше также. Мудрецы никогда не получали деньги за свою мудрость. Мудрость –мудростью. Они должны были зарабатывать деньги чем-то другим для того, чтобы кормить семью, себя. Специальные преподаватели появились намного позже.

– Не воспринимается ли текст как высокая интеллектуальная игра, оторванная от жизни и это такой умышленный уход от жизни, имея в виду трагическую историю народа?

– Не совсем так. Даже совсем не так. Сам текст Торы предназначен для того, чтобы человек жил. Уход от жизни в еврейской традиции невозможен. Все эти, на первый взгляд, кажущиеся нежизненные ситуации, которые моделируются в Талмуде, всё равно имеют прямое отношение к жизни. Все эти дискуссии направлены на то, чтобы помочь понять человеку своё место в жизни, как поступать в той или иной ситуации, обсуждают глубинные процессы человеческого бытия.

– Существует штамп: евреи – народ Книги. А может быть смысл в том, чтобы каждый еврей написал свою книгу, свою Тору?

– Тору написать человек не может – это Богом данный документ. Но, тем не менее, да, пути открыты, каждый человек может писать всё, что считает нужным.

– Тора – это как пример. Вас учили интерпретировать текст, но не учили, как писать текст. Это было бы, наверное, интереснее?

– Не знаю. Нет. В еврейской традиции важна живая дискуссия, а не тот мёртвый текст, который записан. Любой текст жёстко закрепляет понятия, но все равно, для того чтобы понять этот текст, нужна его интерпретация.

– Если вернуться к началу беседы и спросить, а удалось ли вам задать вопрос на засыпку слушателям и преподавателям? Если «да», то какой это был вопрос?

– Для себя я так и не уточнил, в чём же был грех людей строивших вавилонскую башню? Этот вопрос давно меня интересует, и всё-таки убедительного для себя ответа я не получил, хотя и задал вопрос удивительному преподавателю, глубоко знающему Закон д-ру Ионе Шнайдеру.

– От вас требовалось внести свою лепту в обучение, предоставить собственную исследовательскую работу, и вы написали работу, которую назвали «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича».

– Условием программы было написание работы, проекта, который потом защищается, причём, чтобы он имел практическое значение, т.е. мог быть использован в преподавании, лекционных занятиях. Темы свободные. Подбирается руководитель, который помогает. Поскольку я музыкант, и всю жизнь интересовался творчеством Шостаковича, для меня не было трудностей в выборе темы. В последнее время, особенно за рубежом, появилось много статей, книг, воспоминаний о Дмитрии Шостаковиче, и я попытался из разных источников собрать материалы для себя и, как мне кажется, что-то удалось сделать. Надеюсь, что моя работа – это вклад в исследование творчества Дмитрия Дмитриевича, тем более что через два года мир будет отмечать столетие со дня рождения Шостаковича. Думаю, это будет заметным явлением в культурной жизни человеческого сообщества (юбилей Шостаковича, а не моя работа!).

– Какова цель работы?

– Цель – осветить, почему в творчестве великого русского композитора такое большое место уделяется еврейской теме.

– Интересно, почему же?

– Это был его ответ на тот официальный антисемитизм, который существовал в СССР. Он как гениальный, тонкий человек искусства вставал на сторону гонимых, униженных и оскорблённых. Это был его ответ на преследования, ответ художника властям, ответ гражданина, нормального человека на несправедливость.

– Сам Шостакович евреем не был?

– К сожалению, не был.

– Что значит еврейская музыка?

– Хороший вопрос. Конечно, есть особенности еврейской ладо-тональной системы. Хава Нагила – это тоже еврейская му-

зыка. Но не надо путать серьезную классическую музыку, еврейскую музыку и расхожие интонации. Истоки еврейской музыки – в традиции службы, восходящей к эпохе Первого Храма (1000 лет до н.э.). Все тексты пропеваются на определенный мотив. Эта традиция передавалась из поколения в поколение и дошла до наших дней, как предполагают, без значительных изменений. Хотя и существуют разные традиции исполнения. Существует система записи значками интонаций пения но, и это главное, существует живая традиция. В творчестве Шостаковича есть интонационные обороты, типичные для еврейской музыки, хотя он, практически, ее не цитирует. Он написал свою 13 симфонию «Бабий Яр» на стихи Евтушенко, там нет еврейских интонаций, но поднята еврейская тема – тема уничтожения евреев. Поднята в 1962 г., когда Хрущев сказал, что «Шостакович написал какую-то ненужную симфонию «Бабий Яр», поднимая никому не нужный «еврейский вопрос». Хотя фашисты убивали не только евреев». Он, правда, наверное, забыл, что фашисты убивали евреев только за то, что они – евреи.

– Стихи Пушкина гармонично ложатся на эти интонационные обороты?

– Не совсем так. Шостакович не делает этого. Шостакович написал вокальный цикл на стихи Пушкина в 1952 г. Достаточно напомнить, что 1952 - год расстрела деятелей еврейской культуры, год расстрела еврейского антифашистского комитета. 12 августа 1952 г. 15 человек – виднейшие деятели еврейской культуры были расстреляны. Казалось бы, какое отношение имеет Пушкин к еврейскому вопросу в СССР? Да, конечно, Пушкина в то время в сионизме не обвиняли. Но речь идёт о подборке стихотворений. Цикл состоит из 4-х стихотворений Пушкина. Первое – монолог, отрывок «В еврейской хижине лампада...» и так далее. Еврейская тема. Шостакович этим откликнулся на то злодеяние, которое творилось по отношению к евреям в Советском Союзе. Исполнен цикл был уже после смерти «великого диктатора».

– На руках диплом, а за плечами полгода учёбы в Еврейском университете. Какова сфера применения этого образования здесь?

– Я думаю, что прочитаю курс лекций по этой работе у нас в общине, если кто-то заинтересуется. Я с удовольствием поделюсь знаниями со всеми желающими. Хотел бы увидеть эту работу опубликованной. Есть уже предложения.

– Вы будете продолжать свои изыскания?

– Конечно.

– Знают ли в консерватории о ваших интересах?

– Это академическое заведение, у которого нет прямых контактов с общиной. Но я с удовольствием об этом расскажу. Если кто-то будет в консерватории писать работу по Шостаковичу, то, я думаю, что я нашёл, можно было бы использовать.

– Вы много лет занимаетесь иудаизмом. Университет обращался к вам с предложением принять участие в семинарах по религиоведению, прочитать спецкурс?

– Нет. Я бы не взялся за такую тему, но, если бы наш университет проявил интерес, у меня есть возможность договориться с выдающимися преподавателями, знатоками, которые могли бы прочитать такой курс. На протяжении многих лет, да и сейчас тоже, когда читаются лекции по истории культуры, почему-то слово еврей никогда не появляется. Сейчас-то все признают вклад Торы вообще во всю историю человечества. Как будто это помимо евреев появилось. Раньше доходило до анекдота. Известно, что у Чуковского есть пересказ Библии, но во всём переводе Библии не названы евреи. Рассказана история исхода. Говорится: народ пошёл, обратился к народу... Какой народ?

– Советский.

– Да, советский народ, наверное, вышел из Египта. Это колоссальный пробел в сознании. Кривое зеркало.

«Карелия не знала рабства и антисемитизма»

Глеб Яровой

О существовании еврейской общины Петрозаводска, или общества еврейской культуры, или еврейской национально-культурной автономии, знают многие. В 1990-е и 2000-е годы еврейская община активно рекламировала свои мероприятия, но в последние годы от рекламы отказалась. На входных дверях, за которыми расположен офис организации, тоже никаких опознавательных знаков.

«Очень много сейчас грамотных людей, которые любят что-нибудь написать или приписать к нашей табличке, и не всегда в стихах», – отшучивается руководитель общины Дмитрий Цвибель. – Не подумайте, что мы какой-то явный негатив в отношении евреев сейчас ощущаем, просто стараемся лишний раз не провоцировать особо чувствительных людей».

Разговор с Дмитрием Цвибелем об истории его семьи, его «еврейства», о прошлом и настоящем еврейской общины Петрозаводска.

Офис в парилке и школа в предбаннике

Офис общины, или официально – РЕНКА, Региональной еврейской национально-культурной автономии, занимает несколько соединенных извилистым коридором небольших комнат в цокольном этаже «Дворянского гнезда» – известного в Петрозаводске дома, построенного в 1980-е годы для партийной номенклатуры. По проекту это помещение было сауной, доступ в которую имели все жильцы дома, причем попасть в нее можно было прямо из подъезда, на лифте, существование которого в 4-этажном доме вызывало удивление обычных петрозаводчан. Когда люди узнали, что в каждом подъезде дома спроектирована сауна, разразился скандал. В итоге помещения, которые сауной так и не стали, начали сдавать в аренду.

Теперь в несостоявшемся «предбаннике» расположилась еврейская воскресная школа, в комнате отдыха – синагога, в парилке – офис руководителя, в душевой – рабочее место менеджера благотворительного фонда общины. Неоднозначное прошлое офиса Цвибеля не смущает. Главное, что здесь хватает места и для книжных полок, и для нескороаемого шкафа, в котором хранится Свиток Торы, и для проведения собраний, и для общей молитвы.

Корни

– Давайте сначала о вас поговорим, о корнях вашей семьи. Как давно они связаны с Петрозаводском?

– Я себя считаю патриотом города. Хотя слово «патриот» звучит сейчас... А вообще, папа у меня из Бобруйска, Белоруссия, из большой еврейской семьи, 1907 года рождения. У него две старшие сестры уехали в Америку еще до Первой мировой войны. Уехали они в Нью-Йорк, женились, жили там, у них много детей было. Когда началась Первая мировая война, мой папа с семьей, с мамой и папой, решили перебираться в Киев. Местечки тогда переходили из рук в руки, и они добирались до Киева два года.

– Почему именно в Киев?

– Точно не знаю. Там были какие-то дальние родственники, дядя двоюродный, что ли. Но случилось так, что, добравшись до Киева, папины родители попали в больницу и быстро умерли. Сначала умер мой дедушка, потом бабушка. И перед смертью она почему-то сказала папе: «Не ходи к родственникам, а иди в детский дом».

– Он послушался?

– Да, папа попал в детский дом, воспитывался в детском доме. Тогда очень хорошо относились к брошенным детям.

Была Гражданская война, и идея заключалась в том, чтобы из этих детей вырастить «нормального», нового советского человека. Я дам вам книжечку, которую написал про папу. Почитаете? Много любопытных вещей.

– А по маминой линии тоже еврейские корни?

– Мама у меня из Архангельска. Вполне русская, очень милая женщина. Извините... Она умерла два месяца назад. Ей было 96 лет. Умерла она в Иерусалиме. Похоронена там, потому что мой младший брат уехал туда с детьми. У него двое детей. Им было 14 и 16 лет, когда все рухнуло [распался СССР]. А он работал пианистом в школе искусств. Сколько зарабатывал он – не буду говорить, чтобы вы спали спокойно. Просто прокормить он их не мог. А они росли, надо было обувь покупать и все такое. Я сказал ему: «Уезжай, хуже тебе не будет». Я каждый день звонил ему, потому что у него было такое состояние, что он просто собирался повеситься. Вот. И уехал, благополучно. Потом к нему переехала мама.

– Она сама так захотела?

– Сама захотела, ей было уже 89 лет. Говорю: «Мама, куда ты поедешь? Не доедешь просто!». «Нет, говорит, я соскучилась по Валерочке». Они очень близки были. И уехала. Там солнышко. Все свежее. Говорит мне: «Поскольку это бесплатно, я съезжу. Потом вернусь». Потом недели через две звонит: «Нет, Димочка, я не вернусь, здесь же рай». Ну, конечно! И сказала фразу, которая как приговор всей этой нашей системе советской: «Тут я впервые в жизни могу купить себе все, что захочу, покушать, не боясь, что мне не хватит денег до пенсии». Это человек, который ничего для той страны не сделал, просто приехал. Ну, вот так, жила хорошо. Я приезжал несколько раз к ней.

– Вы не ездили на похороны?

– Нет. Я просто не смог, физически не смог. 5 января она умерла. Умерла тихо, в больнице. Похороны были бесплатно.

Все никак не могу у брата выяснить: почему похороны были бесплатными. Памятник уже сделали. Вообще, кладбище там – не скажешь, что это кладбище: так сделано, не в земле, а такая стена, а там ниши, и заделывают плитой. Очень хорошо.

Война и театр

– Давайте, чуть назад вернемся. Как тогда отец в Петрозаводск попал?

– А! После детского дома – там для меня есть «дырки» – в Киеве он закончил музыкальный техникум. Потом поступал в какой-то институт литературный в Москве, но после первого курса он оттуда ушел. Потому что, во-первых, учили там марксизму-ленинизму и литературе только советской. А потом объявили, что все едут в колхоз на картошку, дескать, надо помочь, и всех за это переведут на следующий курс. Он понял, что это не для него, и бросил.

– И поехал доучиваться в Петрозаводск?

– Нет. Перед войной – то ли 1939-й, то ли 1940 год – он почему-то попал в Архангельск и работал там в филармонии. Там был симфонический оркестр, и было очень много сосланных и бежавших из Москвы, чтобы отсидеться. Очень много было царской аристократии. Папа там работал и там познакомился с мамой. Случайно. В библиотеке. Любовь с первого взгляда. И тут началась война.

– Воевать он не пошел?

– Солдатом – нет. В Архангельске сформировались бригады концертные для обслуживания фронтов. И они ездили на «полуторке» [грузовик], опускали борта и выступали для солдат. А потом образовался музыкальный театр, который был предшественником музыкального театра [в Петрозаводске]. Они работали в этом театре. Обслуживали фронт. Давали спектакли. Ездили по Карельскому фронту, в тыл ездили. Рассказывал

[отец], как на передовой давали [спектакли]: речка, они на одном берегу, а финны – на другом берегу. И финны заказывали «Катюшу», а наши много раз пели ту «Катюшу». И никто во время спектакля не стрелял.

– *Удивительно!*

– Там много было удивительного. Например, в их фронтовом ансамбле артистка была такая, по фамилии Мальми. Не та, которая известна в Карелии [Виола Мальми, народная артистка Карелии], а ее мама. Она после войны работала в «Кантеле» [государственный ансамбль песни и танца Республики Карелия]. Когда «занавес открылся», она поехала в Финляндию. Ну, там встречалась с родственниками, и однажды на встречу пришел какой-то человек и сказал: «Вы знаете, вы были у меня на мушке во время вашего выступления... Я „кукушка“, снайпер. Вы танцевали... Так хорошо, что я не стал стрелять». Представляете?

– *Фантастика.*

– А после войны война застала театр в Петрозаводске. Петрозаводск был разбит, причем разбит не финнами, а нашими же. Просто, когда отступали, взорвали все. И гостиницу [«Северную»] взорвали, и помещения для театра не было. Театр оказался в Сортавала [город в Ладужской Карелии]. А там все осталось, там был Дом офицеров, если вы были там...

– *Да, я знаю «Сеурахуоне» [здание Дома офицеров], так называется по-фински. Сортавала я хорошо знаю.*

– Да! Я там родился. В Доме офицеров у нас было три комнаты. Туда поселили. И там театр был расформирован. Часть [артистов] переехала в Петрозаводск. Папа работал здесь в Финском театре, он был завлитчастью [литературный отдел театра], в Филармонии тоже работал, в 1948 году открылось еще музыкальное училище, а когда [Музыкально-драматический] театр открылся – еще и в театре тоже. Работал на шести работах. Он работал один, мама не работала. Поскольку трое детей было.

– То есть вы – потомственный музыкант.

– Да. Мама, кстати, тоже скрипачка. Она не закончила, правда, музыкальное училище, потому что началась война. Пела в хоре в театре. А потом папа умер, в 65 лет, очень неожиданно, потому что никогда не болел, он понимал, что не мог болеть.

– В каком году это было?

– В 1972-м.

Еврейское

– В одном из интервью вы говорили, что отец вас специально ничему не учил, в смысле, еврейскому. Никак не подтачивал, не подначивал, и еще там была фраза: «Преодолеть страх открыто называться евреем». Понятно, что это относилось к советским временам. Я не знаю, сколько вам было лет в 1972 году...

– Я 1945-го года.

– ... Достаточно было, значит. Вот, расскажите про это преодоление страха.

– Вы знаете, никогда эта тема у нас не поднималась. Папа просто знал много языков и много читал. В библиотеку я с ним всегда ходил, когда он что-то там себе брал, и мне тоже книги давал. Обычные книги: Жюль Верн, Майн Рид, много чего. Давал и Шолом-Алейхем, Менделе Мойхер-Сфорим, то есть еврейские. И как-то, то ли гены, то ли я не знаю, нравится мне Шолом-Алейхем. И до, наверное, 1991 года я знал, что я еврей. И в анкете было, когда я пришел в театр в 1963 году, указано так. Хотя в паспорте у меня «русский» было написано.

– Сами так решили?

Интересная история была. В 16 лет надо получать паспорт. Все [как положено]: «Русский? – Русский». А через пять лет

надо было менять паспорт, в 21 год. Я пошел в министерство внутренних дел и сказал, что хочу поменять национальность. Меня записали к какому-то начальнику. Сажу, жду. Зашел он: «В чем дело?». Говорю: «Меняю паспорт, хочу национальность поменять». Он тут же открыл картотеку, осмотрел паспорт, взял карточку, почитал, причем очень внимательно. Один раз прочитал, второй раз прочитал. «Подождите, – говорит, – у вас здесь все в порядке». Я говорю: «Хочу, чтобы было написано „еврей“». Он, я до сих пор вижу, побагровел, встал и, значит, на меня «попер»: «Уходи и приходи с родителями. Все!». Причем он кричал. Я не знаю, чем это его задело, это слово, что ли.

– Сходили за родителями?

– Я пошел к юристу и объяснил ситуацию. Она, еврейка, говорит мне: «Молодой человек, вам 21 год, вам жить в этой стране, зачем вам это надо? Что у вас там, в бумажке этой [имеется в виду паспорт], написано? Хотите быть китайцем – будьте китайцем, хотите быть евреем – будьте евреем. А изменить национальность – это сложно сейчас. Потому что нужно подавать объявление в газету».

– В общем, так Дмитрий Цвибель и не стал евреем?

– Так и не стал, по паспорту не стал. Хотя в театре у меня в деле написано: еврей. И никаких проблем, я жил как жил.

– Скажите, в эти советские времена национальность, кроме того, что она понятным образом мешала, но, может, и помогала в чем-то?

– Нет. А в чем помогать? Тогда не было ни общества, ничего. Просто для самоощущения. Каждый человек должен знать свои корни. Я, конечно, русский по культуре, – никуда не денешься – но когда я стал заниматься еврейством очень основательно, и читал много, и немножко выучился в университете в Иерусалиме. Там была такая программа, которая позволяла повысить квалификацию, послушать лекции по еврейской истории, традиции, по литературе.

Карелия не знала рабства и антисемитизма

– Расскажите, еврей еврея видит издали? Может быть, не национальность, но фамилия как-то помогала, может быть, с интересными людьми сводила особым образом?

– Вы знаете, нет. Существует, конечно, такое, что еврей тащит к себе еврея. Нет. Дело в том, что ни один еврей не возьмет себе помощником еврея. Не потому, что он против, а потому, что сразу сосед скажет: «А, своего тянешь!». Только потому. Я должен сказать, что именно в Петрозаводске антисемитизма, такого вот, не было. Антисемиты были, куда денешься? Но Петрозаводску повезло. Сюда же очень много приехало евреев из Москвы и из Питера в 1948–1953 годы, в то время, когда были антисемитские кампании. Профессуру выгоняли из вузов, и очень многие сюда приехали в университет. Врачей очень много сюда приехало. А здесь принимали. Может, это оттого, что здесь все-таки была республика и не было традиции антисемитизма. Север. Причем север здесь тоже не совсем обычный. Сюда традиционно еще бежали люди, потому что Карелия не знала рабства, тут не было крепостного права. И сюда бежали за волей, за вольницей. Возможно, это традиция. Потому что, смотрите, когда образовалась община первая, – здесь строили синагогу, в 1904 году ее открыли, – поздравили и написали, что деньги на синагогу собирали не только евреи, но и люди православные, известные люди в Петрозаводске давали деньги. Вот насколько у нас терпимое отношение.

Кантонисты в Петрозаводске

– Прошу прощения за свою историческую неграмотность, но в Российской империи с антисемитизмом тоже были проблемы?

– Очень большие. Дело в том, что евреям нельзя было жить за «чертой оседлости», кроме купцов первой гильдии, но это была их проблема. Евреям не разрешалось учиться в высших учебных заведениях, кроме консерватории. И даже Левитан,

знаменитый художник, не имел права жить в Москве. Он умер под Москвой, и я думаю, что во время войны, когда стали вспоминать все связанное с русской культурой, перенесли его могилу на Новодевичье кладбище. Это единственная еврейская могила на Новодевичьем кладбище: не просто еврей похоронен, там могила и постамент, где написано на идише.

Потом были кантонисты, это когда еврейских детей забирали в армию на 25 лет, причем срок шел с 18. Это особая тема, жуткая, может быть. И пока они служили, вышел закон, что те, кто служил, то могли оставаться там, где они закончили службу. А здесь стоял еврейский полк из кантонистов, и как раз подоспел этот указ. К ним и так-то хорошо относились и даже выделили комнату для молитвы, в казарме этой еврейской.

– XIX век?

– XIX век, да. Где-то 1870 год. И тогда, когда они вышли на волю, многие остались. Не потому, что здесь очень хорошо, а потому, что через 25 лет куда возвращаться? Потом построили синагогу на Малой Слободской, [это место теперь] рядом с гостиницей «Онега Палас». Она была деревянная. Я даже нашел одного человека, который помнил ее. Он умер лет пять назад. Ему было 98 лет.

«И вот началось то, что мы называем еврейской жизнью»

– Вернемся в наше время. Несколько вопросов про возрождение общины в начале 1990-х и о том, чем она живет сейчас. Вы же стояли у истоков возрождения общины.

– В 1991 году преподаватель консерватории Леонид Бутир решил создавать общество национальной культуры, так и образовалась еврейская община. Я на самом первом собрании не был, просто не знал: мы были на гастролях. И когда мы приехали, директор-распорядитель театра Григорий Пукач, беженец из Польши, говорит: «Дима, а ты не хочешь принять участие?

Мы, вот, образовали общество». Я говорю: «Конечно». Так и попал в правление.

– С чего начинали?

– Стали собирать книжки, все, что осталось, собирать людей, организовывать общество. Устроили первый концерт. [Тогда] впервые люди пришли на этот концерт как евреи, потому что было объявлено, что это еврейский Новый год. Это было очень важное событие: люди сидели, стояли в проходах. Впервые люди вдруг поняли, что действительно что-то случилось в стране: евреям можно собраться после того, как была всякая эта «бяка».

– Сразу получили это странное помещение?

– Нет, когда начало действовать общество, мы были в другом месте. Председателем был Александр Модылевский, он тогда только вышел на пенсию, а до этого работал в мэрии. Поэтому очень удобно было с ним. Быстро получили помещение первое, обустроили его. Появились люди, которые по еврейской традиции стали давать пожертвования в помощь бедным. Все делали своими руками, появилась библиотека. Появилась воскресная школа через год, до сих пор функционирует. И вот началось то, что мы называем еврейской жизнью.

– Необычные были ощущения?

– Просто интересно было наблюдать, как люди, которые всю жизнь проработали вместе, даже не знали, что их сосоварищ – еврей. Интересное было ощущение свободы, свежего воздуха. И в это же время [образовался] отток, люди стали уезжать в Израиль. Это было очень заметно. И тогда же на одном из первых мероприятий мэра Петрозаводска Сергей Катанандов вышел на сцену и сказал вдруг: «Евреи, не уезжайте, пожалуйста, вы нам нужны!». Представляете? Люди просто заплакали. Ведь в зале сидели люди, которые пострадали от этого [режима], которых не брали на работу, которые прятали, что они евреи, меняли фамилии, «теряли» паспорта. Вот это, конечно, был прорыв.

«Причастны» к евреям

– Сколько сейчас членов общины, вы как-то считаете? Тех, кто принимает участие в деятельности общества.

– Активных, кто ходит в [воскресную] школу, в синагогу, получают какую-то помощь, – примерно человек двести. А вообще, которые «причастны» каким-то образом к евреям – у кого мамы, у кого папы, у кого дедушка, ну, тысячи полторы, наверное, в Петрозаводске есть. Есть люди, которые не могут доказать, что они евреи, но верят, что они евреи.

– Вы свою деятельность рекламируете? Мне не попадались на глаза объявления или афиши. Вы сами идете к евреям?

– Вы знаете, сейчас нет. Первое время, да – и афиши вывешивали активно. А теперь мы просто обзваниваем людей, когда приглашаем на какое-то собрание или концерт.

– Как-то вы так, в подполье, в прямом и переносном смысле?

– Ну, можно и так сказать. Не очень афишируем свою деятельность. Не потому, что чего-то боимся. Хотя был один период, когда было РНЕ [запрещенная в России неонацистская полувоенная организация «Русское национальное единство»] зарегистрировано. Они не скрывали [намерений]. У них был лагерь под Кондопогой, они там с саперными лопатками тренировались. Надписи тут писали всякие. Мы тогда восстанавливали еврейское кладбище. И вот мы кладбище огородили, поставили арку, поставили памятный знак. И перед ним мы каждый год делаем церемонию памяти жертв Холокоста. И на арке писали [националисты из РНЕ] – «мало вас Гитлер...». Всякое бывало.

– В последние годы на мемориальном кладбище спокойно?

– Совершенно спокойно.

– А сюда люди самостоятельно приходят, интересуются? Не евреи, например.

– Не евреи? Да. В школу ходят. Не большинство, конечно, но много не евреев ходит.

– То есть вам хватает людей?

– Хотелось бы побольше, конечно, в синагогу. Тут для проведения обряда надо, чтобы было не меньше десяти мужчин.

«Уехать должны те, кто мешает жить нормальным людям»

– Последний вопрос, наверное. Вы говорили, что стараетесь не вмешиваться в политику.

– Да.

– Это был январь 2014 года. И вы говорили, что тогда уже было заметно возвращение к этой идее, что, мол, кругом враги. Вы не изменили своего мнения?

– Нет.

– Мне интересно, может что-то случиться, чтобы Цвибель сказал: пора заниматься политикой?

– Давайте разделим. По уставу еврейское общество не имеет права вмешиваться в политику. Но каждый член [общества] и вот я, как Дима Цвибель, имею право. Но я не могу сказать, что моя организация против Путина или за Путина. Потому что евреи разные – есть коммунисты, партийные, беспартийные. Тут я не уполномочен. Вот если против антисемитизма – это да! Я обязан. И каждый обязан.

– Я, конечно, не про общину спрашиваю. Я, скорее, про Дмитрия Цвибеля как человека и, может быть, даже как еврея.

Потому что мне кажется, что те, кто изучает историю еврейского народа – в своей стране, в чужой стране, – понимает, что политика-то в дела евреев все время вмешивается.

– Да, конечно! И за политикой я слежу. Внимательно слежу. И прогноз очень плохой.

– Но вы не уехали и не собираетесь ехать в страну, где политический прогноз, скажем, получше?

– Нет. Нет. И нет. У меня дочь уехала, сын уехал. Брат уехал. Мама уехала. Все уехали. Я очень люблю Карелию. Я очень люблю Петрозаводск. Папа тут похоронен у меня. И когда говорят о коренных жителях и народах, я тоже говорю, что коренной житель. Я здесь родился, здесь могила моего папы. Будьте любезны считать меня тоже коренным. Я отсюда никуда не собираюсь уезжать. Я считаю, что должны уехать те, кто мешает здесь жить нормальным людям.

КГБ СССР: для чего вы читаете Ленина?

Признательные показания Дмитрия Цвибеля спустя 49 лет

Глеб Яровой

Перед вами – кусок интервью, которое я записал с руководителем еврейской общины Петрозаводска Дмитрием Цвибелем примерно неделю назад. Этот кусок не вошел в основную часть, но он, как мне – показалось, весьма интересен не только для тех, кто интересуется еврейским вопросом, но и вообще – советской историей. Кроме того, эта история отчасти комична, отчасти – трагична, поэтому ее просто интересно почитать. Весь текст – это прямая речь Дмитрия Цвибеля, поэтому повествование ведется от первого лица.

«Такие, как Цвибель, не имеют права учиться в советском ВУЗе»

– 1970 год, тогда было 50 лет Карелии. После окончания музыкального училища я поступал в Ленинградскую консерваторию. Сдал специальность очень хорошо, и профессор сказал, что остальные оценки уже не так важны, и он берет меня в свой класс. Ну вот, сидим у него в кабинете, я доволен: поступил! Вдруг в кабинет забегают секретарь приемной комиссии, который документы принимает: кто, говорит, здесь из Петрозаводска?

А нас было двое, я и еще один, из известной семьи Хумевых, отец работал в театре, дирижером был. А с сыном его мы вместе учились и теперь поступали в консерваторию. И держит секретарь бумагу из Карельского обкома комсомола, где написано, что такие, как Цвибель и Хумек, не имеют право учиться в советских высших учебных заведениях. Комсомольцем я, действительно, не был, причем не был идейным: когда всех готовили к комсомолу, я вставал и выходил. Все мне завидовали.

Но с поступлением – это был, в общем-то, большой удар. Бумага эта была за подписью некоего Шарапова (Шарапов Виктор Петрович, в 1970-х – первый секретарь Областного комитета Коммунистического Союза молодежи Карельской АССР, в 1980-х – начальник Управления по охране тайн в печати, председатель Комитета по печати, министр культуры Карельской АССР, – Г.Я.). Шарапова я, конечно, не знал и впервые увидел его, наверное, лет через десять: тогда я работал в театре, а его одно время сделали министром культуры, и он пришел в театр, чтобы познакомиться с труппой.

«Мне показалось, я понял, что такое советская власть»

– Потом, когда открыли консерваторию в Петрозаводске, я собирался поступать сюда. С Лапчинским, первым директором, я жил на одной лестничной клетке; он и папа были знакомы. Он мне: «Дима, ты что! Ты не пройдешь идеологическую комиссию, все же знают твоё отношение, и ты и не скрываешь, что ты не комсомолец. И тебя просто не допустят к экзамену. Давай я оформлю тебя как вольнослушателя». А «идеологическую комиссию» сделали после того, как кто-то [из консерватории] уехал и попался на границе [имеется в виду отъезд евреев из СССР, – Г.Я.]. И я занялся тогда образованием [как вольнослушатель].

Но кроме музыкальной части, я много читал и ходил в публичную библиотеку. Там был такой общий зал, где стояли 55 томов Ленина, 13 томов Сталина, и там заказывают книги. У меня мозги были уже несколько «повернуты»: мне покоя не давала советская власть. Я хотел разобраться, что это! Я читал Ленина. По письмам его многое можно было понять. Заказывал такой журнал «Коммунист», тогда назывался «Большевик». Я думаю, что я единственный в городе, кто прочитывал этот журнал.

Газету «Правда» можно было читать «до войны» и «после», а номера «во время войны» не выдавали, это был «спецхран».

И там было много интересного. Я был настырный, упорный. И мне показалось, я понял, что такое советская власть, чем они занимались, и все эти антисемитские кампании.

«В театре работает, пианист, чего ему Ленин сдался?»

Ходил я [в библиотеку] достаточно долго, пока меня не за-приметили. Лет пять я точно туда ходил. И обратили внимание, что ходит такой, в театре работает, пианист, чего ему Ленин сдался? И меня вызвали [в КГБ], да!

Но интересно, что перед тем, как меня вызвали, вызывали моих друзей, их предупредили: если проговоритесь, плохо будет. Тут друзья «проверились». Большинство мне сразу же сказали, но часть промолчала, естественно. Последней вызвали жену. Она притворилась дуручкой: «Да, вы ему – как следует!.. Чем он там занимается? Пусть занимается лучше делом!». Юра Нивин, был такой врач, художник, кстати, он автор герба [Карелии]. Он был уже врачом, к нему пришли, на месте, там [опрашивали]. А моя подруга по театру Ирина N подошла ко мне, в сторонку отвела: «Дима, ты знаешь, что? Тобой интересуются КГБ, вот, меня вчера вызывали». Но! Ее вызвали в гостиницу «Северная». КГБ там бронировал номер, триста какой-то на третьем этаже. То есть, когда в КГБ вызывают – это видно, а так – гостиница.

Номер в гостинице «Северной» и четверо на одного

– И тоже, вот, опять судьба! Это было еще до того [как случилась история с КГБ]. Жена еще училась. Мы поженились с ней. С ней училась одна женщина, у которой муж работал в КГБ. И поскольку мы жили в общежитии, ну, хотелось как-то вместе побыть, и, значит, мы хотели снять номер в гостинице «Северная». А тогда это была единственная гостиница, и снять номер было невозможно. И как-то разговаривали, женщина та и говорит: «Так, у меня муж в КГБ, а у них там...», – и через КГБ нам устроили вот этот номер! Нарочно не придумаешь! Мы в этом номере неделю жили...

И вот – меня вызвали в КГБ. А тогда по радио «Свобода» – я слушал все эти «голоса», радио «Свобода», я вообще был радиолюбителем, собирал приемники. «Голос Америки» я слушал на своем приемнике. И там читали те, кто прошел тот путь: как надо отвечать на вопросы, которые задают в КГБ. Ну, чтобы не попасться, и чтобы не придрататься было. Я прослушал курс этот, но, конечно, я не ожидал того вопроса, который мне задали.

Там было четыре человека, у каждого была своя роль. Один был интеллигентный. Он меня впервые назвал Дмитрием Григорьевичем [смеется]. А так [обычно]: Димочка-Димочка, Дима-Дима. Ладно. Другой меня все время пугал. И говорил: «Мы тебя для чего вызвали? Мы не воспитывать тебя пригласили. Ты видишь только четыре этажа, ты не знаешь, сколько их там [в подвалах]». Тут я узнал, что «там» тоже есть. Основное, очевидно, там. Другой, такой, прислушивался, вопросы задавал. Но был один, который сидел в углу и ни слова не сказал. Пострижен коротко. Он только смотрел. Но взгляд, такой, страшный. У каждого своя роль.

И вот один, стриженный, спросил: «Скажите, пожалуйста, для чего вы читаете Ленина?». Я начал «плести»: «Вот, так получилось, что я не получил высшего образования, а там основной предмет какой? – марксизм-ленинизм! Вот, я...» Но там [в КГБ] тоже не дураки работают. Говорит: «Наши враги тоже изучают Ленина, и, вообще, мы вам советуем, не надо вам Ленина читать, вы можете там не так что-то понять». А тогда был Дом политпросвещения. «Туда ходите. Там у нас есть люди, которые на все вопросы правильно ответят...».

«Малая земля» и кто еврей в Карелии

– Когда был Брежнев, он написал три книжки: «Малая земля», «Целина» и «Возрождение». Не он писал, но неважно. У нас же как история пишется? Под очередного начальника! Вот и оказалось, что основные бои-то [Великой Отечественной

войны] были где? На Малой Земле [плацдарм под г. Новороссийском]. Почему мы выиграли войну? Не Курская дуга, не Сталинград, а Малая земля. А почему? А потому что там был Брежнев. Он там был политруком в какой-то команде.

Но так случилось, что у меня было два [знакомых] человека, которые там воевали. Так их вызывали в обком партии [Областной комитет Коммунистической партии] и им рассказывали, как все было «на самом деле». Я спрашиваю: «Семен Матвеевич, как вам?». Он, – [у него] глаза такие! – «Дима, ну как же так? Я же там воевал, мы про Брежнева не слышали и не видели».

Ну, вот [вернемся в КГБ]. Меня долго там, часа три [занимали допросом]. Он [сотрудник КГБ], тоже психолог, говорит: «Дмитрий Григорьевич, чем вы занимаетесь, зачем вам это надо? Вы работаете в театре, в балете, там много красивых молоденьких девушек». Вот. Что ему ответишь?

И тогда он сказал, что еще мне «вменили»: «Вот вы ходите и говорите, что антисемитизм в Советском Союзе был, да и сейчас, вот. А как же антисемитизм, если...» – и начиналось. Вот там я и узнал, кто еврей в Карелии. Оказывается, министр (речь, очевидно, идет о Моносове, известном журналисте и деятеле культуры Карелии, заместителе министра) был евреем. А мне и в голову не приходило, что он еврей. Генделев был редактором издательства «Карелия». И он стал мне называть евреев...

Я ему благодарен, хоть узнал, кто есть кто. Ну, врачи, – тут вообще! Улица, которая ведет к больнице республиканской от вокзала, ее так и называли: «еврейская горка». Там есть дома для работников Республиканской больницы.

«А сионисты – это кто?»

– «Так что вот [говорит]: не надо, нехорошо!». Я говорю: «А как нехорошо?». Я тоже подготовился, достаю газету «Комсомольская правда», а там статья, название под сих пор помню,

«Фашизм под голубой звездой». Мы, дескать, думали, что Израиль будет нашей республикой, но не получилось. Там война как раз прошла в 1967 году. Тогда [уже] не писали «евреи», а появилось новое – «сионисты». То есть не евреев ругают, а «сионистов»! Евреи – хорошие, сионисты – плохие. Сионисты захватили весь мир, в Америке, вообще, в прессе там только сионисты, 97% прессы в руках сионистов. Я им: «Можно вопрос?» – «Да». – «А сионисты – это кто?» – «Вот, [говорит], еврейской национальности, но нехорошие». – [Спрашиваю:] «А остальные 3% – это хорошие евреи?». Он так зло посмотрел на меня.

2018 г.

ПРОСТО ДИМА

Опросник Марселя Пруста и другие вопросы

Интервью, сделанное Наталией Деминой накануне 75-летия Дмитрия Цвибеля (август 2020 г.)

– Что вы считаете самым большим несчастьем, случившимся в вашей жизни?

– Ну, мой день рождения.

– Какая ваша самая характерная черта?

– Чувство юмора?!

– Качество, которое больше всего цените в мужчине?

– Порядочность.

– А в женщине?

– Трудно сказать... Наверное, нежность.

– А что вы больше всего цените в ваших друзьях?

– Тоже порядочность, наверное. Не знаю. Сложный вопрос.

– У вас много друзей?

– Нет. К большому сожалению. Это мое упущение в жизни. Так сложилось.

– А что, по-вашему, является самым главным вашим недостатком?

– Моим личным? Ума не хватает! (смеется).

– А главным достоинством?

– Главным достоинством. Слишком красиво звучит, но... Я стараюсь жить не для себя, а для других.

– *Какое ваше любимое занятие?*

– Чтение.

– *А какова ваша мечта о счастье?*

– Быть понятым другими.

– *Каким вы хотели быть?*

– Никаким. Точнее, таким, как есть.

– *В какой стране вам хотелось бы жить?*

– В Петрозаводске!

– *Не в городе, а в какой стране?*

– В стране – Петрозаводске! (смеется).

– *Какой ваш любимый цвет?*

– Голубой, наверное. Или серый.

– *Ваша любимая птица?*

– Воробей.

– *Почему?*

– Он такой маленький, хорошенький (глаза на мокром месте от умиления).

– *Какие у вас любимые писатели?*

– Очень трудно сказать, ведь пристрастия меняются. Сейчас, пожалуй, Марсель Пруст, Борис Пастернак, Джеймс Джойс.

У Пруста – «В поисках утраченного времени». В своё время эта книга оказала на меня очень сильное эмоциональное воздействие. Сначала я смог прочитать только 4 тома, потому что в СССР больше не было издано. В Публичной библиотеке я нашёл издание ещё 1922 года с предисловием А.В. Луначарского.

Джойса же я прочитал совсем недавно. Причем интересно, когда я прочитал первый раз, конечно, было сильное впечатление. Потом через полгода я стал читать второй раз, и было такое ощущение, что я вообще его читаю первый раз, потому что очень многие вещи первый раз прошли мимо. Это очень сложное произведение, тем не менее очень интересное. Это активное чтение.

Его нельзя читать как обычную книгу: идут облачка, кто-то кого-то любит. Там ты соучаствуешь в тексте автора, особенно там, где есть глава без знаков препинания; как ты их сам расставишь, так меняются и смыслы. Это феноменально!

Я вообще не понимаю, как это можно было перевести на русский язык, потому что надо быть виртуозом, чтобы найти адекватные выражения тому, что задумал автор. Это потрясающее владение своей профессией!

Джеймс Джойс ошарашивает своей виртуозностью. «Уллис» написан виртуозно, а этой виртуозностью проявляется глубокий-глубокий смысл. А когда начинаешь читать комментарии к Джойсу, то интересно, как другой человек на это смотрит, и это не всегда совпадает с собственным ощущением. Комментарии – это же тоже авторское видение того, кто комментирует. Чтение «Уллиса» – это такая интересная, творческая работа. Читатель – творческий человек, соавтор Джойса. Жаль, что я не могу его прочитать в оригинале.

– А Борис Пастернак?

– У Пастернака «Доктор Живаго»... Интересно, что, когда читаешь этот роман, ты чувствуешь, что его писал поэт. Такой возвышенный слог, ситуативно там очень интересные вещи,

хотя его многие ругают. И хотя произведение сложное, от него остается очень светлое чувство. Плюс стихотворения Юрия Живаго. Очень трудно выразить всё словами, но остается что-то недосказанное, когда не все точки поставлены, остаётся какое-то пространство для фантазии и для того, чтобы самому додумать, что же еще хотел сказать автор. И хочется что-то исправить, и вот эта недосказанность составляет изюминку произведения.

– Кто еще из поэтов вам близок?

– Осип Мандельштам. Мне нравится идея, что он не сочинял стихи, а записывал их. Такое ощущение, что ему кто-то диктовал, а он сидел в уголке на корточках и записывал то, что он слышал.

– Ваш любимый композитор?

– На протяжении всей жизни – это Стравинский, Рахманинов, потом я уже пришёл к Шостаковичу. Дмитрий Дмитриевич – очень глубокий, трагичный композитор. И вообще по его произведениям можно изучать историю России его времени.

– Удалось ли увидеть его в жизни?

– К сожалению, нет. Один раз была возможность, я был тогда в Ленинграде, мы были с театром на гастролях. Я знал, что у него там состоится премьера Тринадцатого квартета. Я в этот день был занят в спектакле – играл в оркестре. У меня была мысль просто не прийти, сказать больным, но чувство долга перед коллегами и зрителями пересилило.

– А почему вы занялись музыкой?

– Не знаю. Я с раннего детства знал, что должен быть музыкантом, папа у меня пианист. У меня не стоял вопрос выбора профессии. Хотя я занимался всякими техническими вещами: собирал радиоприемники, делал радиопередатчики, сам паял,

сам всё делал, но это было хобби. Другой профессии я себе не представлял.

– Если бы сейчас была возможность выбора, то что бы выбрали?

– Думаю, что музыку.

– А инструмент тот же?

– Наверное, да. Хотя я одно время очень хотел быть виолончелистом. Мне очень нравится этот звук: такой бархатный, мягкий. Я не люблю скрипку, она немножко высокая, а вот виолончель... У меня был талантливый друг-виолончелист, мне очень нравилось слушать, как он играет.

– Любимый художник?

– ...Хочется сказать что-то умное, но не получается. Честно говоря, не то, что я не люблю изобразительное искусство, но для меня по большей части это всё-таки картинки. Не знаю почему. Поскольку я сам много чего не умею, в том числе не умею рисовать. Я с большим удовольствием смотрю на современное искусство, которое, как и Джойс оставляет зрителю поле для фантазии. Больше всего мне нравится то, что остаётся за рамой картины, а не в раме.

– Есть ли у вас любимый герой в реальной жизни? Кем вы восхищаетесь?

– Конечно, есть. Я восхищаюсь Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Ведь объективно, этот человек достиг высот в своей профессии физика-теоретика, и вдруг начал заниматься правозащитной деятельностью. Начал защищать людей, которых он никогда не знал. Это святой человек.

Я считаю, что Юрий Алексеевич Дмитриев – тоже святой человек. Без всяких скидок. Он занимается делом, которое его лично не касается. Он удивительный человек. Необычный.

Среди нормальных людей вроде как бы появляется вот такой как Юра Дмитриев. Всем мешает, он как заноза. И тем не менее потом, когда отойдешь в сторону, понимаешь, что он настоящий человек, он не замыкается на себе, на своем «я». Мол, я центр мира, давай руби дверь по мне. Это человек, который делает великое дело. Даже если бы он нашел место расстрела лишь одного человека и рассказал бы о нем его родственникам, этого было бы уже достаточно, но он нашел места захоронений и имена тысяч таких людей, и тысячи людей ему благодарны.

– Как вы с ним познакомились? Когда это было?

– Это было в 2005 году. Он позвонил и сказал: «Я бы хотел с Вами встретиться. Есть разговор». Ну, есть разговор, я пошел к нему. У него был небольшой офис. Мы познакомились, я тот-то, я тот-то. Он сказал, чем он занимается. Я не знал его до этого, даже не слышал его имени. И он рассказал про Сандармох, про захоронения. Появилась идея, чтобы каждое национальное общество, которых в Карелии достаточно много, 60 с лишним, поставило в Сандармохе памятник на месте гибели своих соплеменников, памяти людей, которые там убиты.

Я сразу встал на дыбы, поскольку я человек импульсивный, я понял, что это стоит очень много денег. Денег у нашей общины, естественно, не было. Я ему об этом сказал. А Юра знал, он всегда знает, что ответить. Ответил резко и по существу, и как-то сразу мне с ним стало очень просто общаться. Стало понятно, что у него нет второго плана, он не хочет ни себе славу заработать, ни денег, ничего. С тех пор мы стали друзьями. И деньги на памятник нашлись как-то сами по себе. Когда делаешь хорошее дело, не для себя, для других, всё как-то само собой получается. Поэтому это хорошая проверка для тех людей, которые хотят что-то делать. Если не получается, значит, ты делаешь что-то не то, не совсем искренне. А тут как-то всё сложилось, и так мы с ним подружились. И с тех пор много общались, и общаемся много, и я надеюсь, будем еще очень долго общаться.

– Ваше первое впечатление от Сандармоха, когда вы его в первый раз посетили?

– Впервые я там побывал, когда мы стали ставить памятник. Вернее, мы сначала туда поехали, посмотрели место. И там я замолчал. Там невозможно говорить ни о чем. Можно, конечно, говорить, что это ужасно, что здесь расстреливали невинных беззащитных людей – это все понимают, а говорить о чем-то другом там нельзя, там надо просто походить, почувствовать ту ауру, ту атмосферу и подумать о смысле жизни и о том, как такое мы все могли допустить.

Я говорю «мы все» совершенно сознательно, потому что не надо говорить, что я в этом не виноват, хотя я родился намного позже. Потому что если до сих пор есть такие места, которые не найдены, то мы тоже виноваты в том, что мы не говорим об этом, или слишком тихо говорим, говорим для себя. Это очень плохо. Если мы не сможем после себя оставить детям более-менее подготовленную для жизни страну, очищенную от того зла, которое накопилось за достаточно большой промежуток времени, значит, мы зря прожили жизнь, не до конца выполнили свою миссию. Этим занимается Юрий Дмитриев. Ему за это большое спасибо. Он нам всем подает пример достойной жизни.

– А в вашей семье говорили о репрессиях, когда вы были мальчиком?

– Нет.

– Семья пострадала?

– У мамы дядя. Ему не повезло, он был почему-то похож на Троцкого. Этого было достаточно для репрессий. Его не убили, его арестовали, искалечили ему жизнь. Остаток времени он просто пил. А папа воспитывался в детском доме, так что можно сказать, «повезло», хотя у него тоже жизнь была не очень простая, тоже чуть-чуть он под это колесо не попал.

– А кто у вас любимая героиня, если есть, из реально существующих? Героиня-женщина, человек, которым вы восхищаетесь?

– Голда Меир.

– Почему?

– Человек, который тоже для себя ничего не делала и который никогда не вставал в позу, который никогда не говорил неправды. Очень прямая и очень сильная женщина. Женщина, которая в свое время спасла свою страну, Израиль. Женщина, которая в очень трудное время была премьер-министром. Я не помню, кто, по-моему, президент Израиля, хорошо сказал про нее: «В моем правительстве только один мужчина, и та женщина».

– Есть ли герои, реальные исторические персонажи, которых вы презираете?

– Ну, как... К сожалению, их достаточно.

– Что вы больше всего ненавидите?

– Ложь. Ложь – это ужасно. Кто-то хорошо сказал, что «Народ не простит мелкой лжи, поэтому надо врать по-крупному». Я думаю, что все-таки лучше врать по-крупному, чем такая скользкая ложь, полуправда. Ведь когда врут по-большому, это можно понять и раскусить, а такая полуправда, когда юлят – здесь сложнее разобраться. Это демонстрирует весь ужас чужой души, это нехорошо.

– А количество лжи, которое вас окружало, с годами становится больше, меньше?

– Конечно, когда я был еще помоложе, ложь была просто чудовищная, потому что ни одного слова не было правды, даже в сообщениях о полете космонавтов. Это же классика: советские космонавты перешли из отсека в отсек. А американские космо-

навты, цитирую: «сквозь узкий лаз протиснулись, перелезли куда-то». Одно время я хотел написать работу на эту тему, как в СССР словами дезинформировали людей и на примерах из жизни показать, насколько виртуозно пропагандисты отработывали заказ.

Одно время в России появилась надежда, что наша страна будет нормальным государством, сможет нормально развиваться, сейчас опять вся эта ложь возвращается и очень быстро. Опять же мы виноваты в этом сами. И я в том числе. Я не снимаю с себя эту ответственность. Где-то промолчал, где-то занялся другим делом, не захотел в это ввязываться. Получил то, что получил.

– Вы верите в Россию прекрасного будущего?

– Да.

– Какой способностью вам бы хотелось обладать, если бы вам сказали: возьми любой талант, которого у тебя нет, мы подарим. Что бы вам хотелось себе подарить?

– Ничего. Я не хочу, чтобы мне что-то дарили. Я хочу добиться этого сам.

– Просто врожденные какие-то качества, которых нет, но хотелось бы иметь.

– Умным хочу быть, а не получается (смеется).

– Боитесь ли вы смерти?

– Вы знаете, не очень. Но, когда задумываешься, то жалко тех людей – родных и друзей, которых оставляешь. Думаешь: как они будут без тебя?

– А какое кино вам нравится?

– Дело в том, что у меня сложные отношения с кино. Я слиш-

ком впечатлительный. Если что-то не так и не дай бог кто-то кого-то ударит, будет сцена насилия, мне просто становится плохо. И потом кино, практически любой фильм строится однотипно: вот герой, у него (нее) начинаются какие-то сложности, трагедии. И ты сидишь и ждешь, что ему(ей) будет плохо, я не могу это смотреть.

Хотя есть фильмы, которые, конечно, на меня произвели сильное впечатление. Американский фильм «Скованные одной цепью». Был такой фильм в свое время про афроамериканца и белого, которые сидят в тюрьме и над которыми надзиратели издеваются. Их сковали одной цепью. И они ненавидят друг друга, и потом совершают побег. И вот вся эта ситуация, когда они вдвоем переплывают реку, т.к. не могут расцепиться. И белый человек спасает чернокожего, а тот его благодарит. А белый отвечает: «Не надо. Я спас тебя не потому, что хотел спасти. Я потом, может, тебя прибью. Я тебя спас, потому что ты меня тянешь на дно». Фильм заканчивается очень трогательно. Потрясающее зрелище!

– Похожий сюжет я читала в книжечке вашей общины. Помните, про немца и еврея?

– А, да. Это рассказ Залмана Кауфмана, члена нашей общины. Он был талантливейшим человеком. Как любой талантливый человек в Советском Союзе он испытал на себе тяготы тюрьмы. И изложил на бумаге, то, что пережил.

С ним в одном бараке жил немец. Честно говоря, я уже не помню, как немец туда попал. То ли он был в плену, то ли он был советским немцем – не знаю. Во всяком случае, была такая ситуация, что они были на лесоповале, работали на одной пиле с этим немцем. Между охранником и евреем возник какой-то конфликт. И этот охранник поднял топор и хотел убить Залмана. Убил бы и Кауфмана закопали бы, никто бы даже не обратил внимания. Тут немец бросился и спас Залмана, рискуя своей жизнью, понимая, что охранник потом может с ними сделать всё, что угодно. Прошло время, они в бараке разговаривают. И

Залман говорит: «Придет время, когда-то выйдешь отсюда. Ты уедешь в Берлин, я буду здесь, и потом мы когда-нибудь встретимся. Как ты будешь ко мне относиться?» И немец ответил: «Видишь ту сосну? Вот на этой сосне я тебя повешу. Евреи не должны жить». Вот такая вот ситуация.

И тут понимаешь, что в человеке от рождения заложены добрые начала, потому что в тот момент, когда случился конфликт, немец поступил так, как было заложено в нем природой, он рванулся спасти человеческую жизнь. Человеческая жизнь как таковая, она ценна сама по себе. И он бросился, не было времени думать. Бросился и спас. А вот то, что он сказал, что он повесит еврея на сосне – это уже результат его жизни, результат его развития, того окружения, того времени, той идеологии, под влияние которой он попал. И стоит крепко задуматься над тем, где мы живём, где те рамки, которые мы можем простить нашим правителям и то, чего мы простить не можем, что мы можем допустить и чего мы все-таки допускать не имеем права.

– Были ли какие-то фильмы, которые вам запомнились, которые вы сейчас могли вспомнить?

– Конечно, «Римские каникулы»! Одри Хепберн! Женская красота – это то высшее, что есть в жизни, что есть вообще на Земле. В Библии же сказано, как Бог творил: свет, Землю, букашку, таракашку, постепенно. Потом он сотворил мужчину и, как венец творения, как самое лучшее, что он сделал (до этого только репетировал) – он создал женщину. Это же не я придумал.

– Какова роль любви в вашей жизни?

– Без любви нельзя. Так или иначе, зачем без нее жить?

– А было ли так, что вы страдали от любви?

– Да. Всю жизнь страдаю (улыбается).

– Вы поняли, в чем смысл жизни?

– В любви, конечно.

– Она разная ведь...

– Конечно-конечно. Животное может умереть, если потеряет хозяина. Кем тогда должен быть человек, если ему всё равно с кем, всё равно зачем?! Конечно же любовь двигает всем, ради этого человеку хочется стать немножко лучше в меру своих возможностей, и страдает от того, что любовь не всегда разделенная. А может, это и хорошо, что не разделенная. Она очищает человека.

– Как вы объясняете существование зла?

– Это очень сложный вопрос. Человечество бьется над этим. Один раввин нам читал лекцию. И сказал: «Зла не существует. Это просто добро не на своем месте». И тут кто-то, конечно, ему в ответ: а как же Гитлер? Раввин ему в ответ: «Ну, что Гитлер? Да, он зло, большое зло. Но его бы надо было сделать завскалдом, тогда бы он там травил тараканов, а не убивал бы людей». Это, конечно, спорное утверждение, тем не менее в этом есть какое-то такое мудрое зерно.

У моей знакомой был в жизни такой случай. Она взяла отпуск, чтобы поехать на юг, позагорать. Ей хотелось тепла, просто полежать на пляже под солнцем, погреться. И вот всё готово, билеты куплены, чемодан собран, завтра она должна была уезжать на юг и пошла погулять с кошкой. Кошка на привязи дернулась, дама упала, сломала руку. Перелом в тот момент, конечно, воспринимался как трагедия: во-первых, руку сломала, во-вторых, все планы с поездкой рухнули. Она переживала: какая несправедливость, за что мне такое наказание? Она вылечилась, прошел год, у нее обнаружили рак. Обнаружили вовремя, сделали операции, живет до сих пор. Всё нормально. И потом она задумалась, что вроде перелом был несчастьем, а если бы она поехала на юг? И пожарилась бы на этом солнышке, то как бы развивалась ее болезнь? А может быть, это как раз не зло, а то, что ее спасло, что она не поехала туда? И такие ситуации бывают не раз.

Порой думаю, что вообще всё, что с человеком происходит, происходит ему же во благо, просто человек не всегда может просчитать отдаленные последствия того, что с ним происходит и не всегда способен проанализировать задним числом все происшествия, которые с ним происходят.

У меня тоже ведь так случилось, что я не поступил в консерваторию. Не по своей вине, но это оставим за кадром. Вместо этого я в 18 лет поступил работать в Музыкальный театр. И я просто счастлив, что пошел по этой стезе, и жизнь у меня сложилась так интересно, насыщенно, я видел столько выдающихся и интересных людей. А так непонятно, что было бы. Другая была бы жизнь. Может быть, и лучше, может быть, и хуже, но совсем другая, в принципе другая. И жизнь очень многих людей была бы другой, потому что я не был бы в этой среде, я был бы в другой.

– Какую роль в вашей жизни роль играет театр? В чем, на ваш взгляд, самое главное достоинство театра?

– Шекспир же сказал, что весь мир – театр. Во-первых, в театре служат профессионалы во всех областях культуры и искусства. Это и драматурги, и композиторы, и художники-оформители, и костюмеры, и музыканты, и режиссеры, и балетмейстеры, и солисты, и балет, и хормейстеры, и дирижеры, и оркестр, и концертмейстеры (одним из них был я). Каждый оркестр состоит из людей, в нем каждый со своим инструментом, со своей психологией. Театр – это такой конгломерат искусств. Тем более наш театр был универсальным. Под одной крышей было два театра: драматический театр – драма, трагедии и комедии; музыкальный театр с балетом, с оперой, с опереттой. Это совершенно необозримый мир. Ну, и поскольку я долгие годы жил в советской стране, то это был еще и своего рода уход от этой советской жизни, от всей этой губительной идеологии. И мы жили в своем мире, в своём каком-то пузыре...

А потом, театр – это не работа. Там не заработать. Там надо либо служить этому делу, либо просто не стоит туда приходить.

Театр – это большая-большая семья со своими положительными и отрицательными качествами, со своими трагедиями, со своим счастьем, со своими гастрольными поездками.

Я счастлив, что попал в театр. И до сих пор мои друзья – это друзья из театра. И мы дружим, мы совершенно разные люди, и тем не менее нас связывает эта жизнь. До сих пор, сколько уже? Больше 50 лет! Это здорово.

– Чему самому главному вам удалось научить ваших детей?

– Трудно сказать. Я пытался их учить музыке, но хорошо, что они не стали музыкантами. Я рад, что они познакомились с музыкой, что у них жизнь пошла по своей стезе, каждый сам выбрал свой путь. Дай бог им найти себя в этой жизни. Это очень трудно.

– А чему вам хотелось бы научить ваших детей, но не хватило времени, денег, сил?

– Да не знаю. Не могу ответить на этот вопрос.

– А вы много путешествовали?

– Да! Собственно путешествиями я никогда не занимался, но поскольку театр каждый год летом уезжал на гастроли по Советскому Союзу, месяц мы находились в одном городе, месяц в другом, месяц в третьем. И можно было досконально изучить город, историю этого города, походить в музеи. Это просто счастье. Мы объездили практически всю европейскую территорию страны, не раз были в Поволжье.

Если что и коллекционировать, если что и копить, то впечатления! Смотреть-ездить, всё разглядывать, потому что это очень развивает. И нужно изучать страну не по книгам, хотя это тоже хорошо, а в живом контакте с архитектурой, с укладом каждого места, где удалось побывать, ведь каждый город имеет свое лицо. И люди совсем другие. Разные. Вроде как средняя

полоса, река Волга, Рязань, Смоленск, всё это вроде, казалось бы, одно и то же, но нет совершенно разное. Разные люди, разная публика, разные истории городов. Есть общие какие-то моменты, но много и отличий. Так здорово, что мне удалось всё это увидеть, пощупать руками.

– А когда вы стали выездным, то когда первый раз поехали за границу?

– Сначала я стал невыездным, а потом поехал. Первый раз за границу я даже не помню когда.

– До перестройки или после?

– До. Перестройка – это какой период?

– 1985-1989...

– Вот тогда и поехал.

– Какая страна произвела на вас самое большое впечатление? Что больше всего понравилось?

– Конечно, Израиль. И конкретно Иерусалим. Это, конечно, незабываемо. Мне удалось пожить там достаточно долго. В общей сложности я там пробыл год, поучился немного в университете в Иерусалиме, и там удалось написать две книги: про Д.Д. Шостаковича и про Е.А. Евтушенко, и издать их. И конечно, ходить-ходить-ходить. Там же нет места, которое не было бы с чем-то связано. Вся Библия там, а Библия – это вся европейская культура человечества. Нашей группе повезло, у нас руководителем была профессиональный экскурсовод из России – там она была экскурсоводом в Петербурге, и очень глубоко всё знала, не поверхностно. И она водила нас по тем местам, которые не всегда показывают обычным туристам. Это было подарком на всю жизнь, и дало огромный материал для размышлений о смысле жизни, обо всем. Это была уникальная возможность. Я часто мысленно возвращаюсь в Иерусалим.

– *Есть ли у вас в жизни девиз?*

– Есть. Но он не очень вежливый... «Через тернии... в жопу!» (хохочет)

– *Новая грань Дмитрия Цвибеля, которая нам открылась, уважаемые зрители и читатели!*

– Я очень люблю, очень ценю в человеке чувство юмора. Когда он обладает чувством юмора и хочет этим поделиться с другим, он в это время точно не сделает гадости другому человеку.

– *Есть ли у вас любимый анекдот?*

– Ну, я очень люблю анекдоты. Но я не умею их рассказывать. Какой же анекдот я слушал буквально вчера?

Черчилль звонит Сталину, тот в трубку говорит: «Нет. Нет. Нет. Да». Сталина спрашивают: «Иосиф Виссарионович, а что же всё нет, а одно да? На что Вы ответили "Да"?» Сталин отвечает: «Черчилль спросил: "Хорошо ли я его понимаю?"»

Это анекдот от Юрия Никулина. У него, кстати, потрясающий памятник. Вы были на Новодевичьем? Ой, такой трогательный. Он сидит, согнувшись. Тут собачка лежит с ним. И нет ощущения, что это могила.

– *А вы видели его выступление в цирке?*

– Да. Один раз. Опять же, возвращаясь к теме гастролей. Мы обычно гастролировали в крупных городах и параллельно с нами кто-то тоже выступал. В Казани в цирке выступал Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. Они всю жизнь работали в паре. У меня даже программка сохранилась. Сильное впечатление, Юрий Владимирович – настоящий большой артист, но было такое ощущение, что ему грустно, что глаза такие... Что-то щемящее было в этом выступлении. Это было что-то уникальное....

Я должен сказать, что России и Советскому Союзу повезло с артистами. Это страна великих артистов. Может, от того, что в другой области было трудно реализоваться, у людей не было полной свободы, все были крепостными? Но и артисты тоже были во многом крепостными. И где человек мог реализоваться? В творчестве!

Поэтому Д.Д. Шостакович писал симфонии, совершенно непонятные многим современникам. Вернее, понятые теми современниками, ради которых стоило писать эти симфонии. И артисты могли выразить через своих персонажей то, что они не могли выразить в жизни другим каким-то способом. Это, конечно, давало большой толчок театральному искусству, искусству театра и кино.

– А как вы думаете, в чем цель всего человечества? К чему мы движемся? Циолковский, например, говорил, что наша задача – перелететь на другие планеты и распространить разум на всю вселенную. А вы что думаете?

– Я считаю, что нам лучше не распространять наш разум по всей Вселенной, а поучиться уму у других. Я хочу надеяться, что разума где-то немножко больше, чем у нас. Цель человечества? Трудно сказать... Человечество должно научиться жить, не мешая друг другу.

Человечество – ведь так мало. Надо научиться сочетать свободу своей личности со свободой других. Если я свободен, то свободен тот, кто находится рядом со мной. И надо жить так, чтобы не мешать этому человеку, и от этого выиграют все. И я тоже выиграю, если я не буду мешать кому-то, если он тоже будет так жить, чтобы не мешать мне. Вместе мы можем сделать очень многое.

И ВОСПЕЛ

Калевальская свадебная

Д. Цвибель

Спокойно ♩ = 58

Soprano I & II

Alto

Tenor I & II

Bass

(закр. ртом)

5

5

S. *mp*

A. *mp*

T.

B.

Как из Верх-не-го Куй - то да В Ниж-не-е Куй - то хо-дит бе-ла-я

8

S. то не бе-ла-я ра - ба, то

A. ры- ба...

T.

B. хо-дит бе-ла-я ры - ба (закр. ртом)

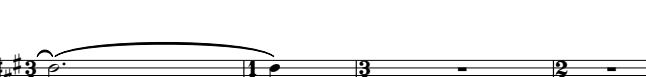
2

11

S. *Сай-ди-не-воста* *сча-стли-ва-я* *Сай - ди.* (закр. ртом)

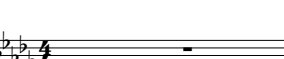
A.

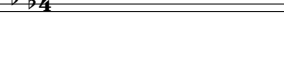
T.

B.

15

S.

A.

T.

B.

mf

3

3

3

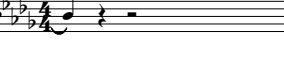
3

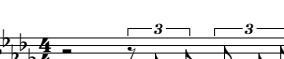
3

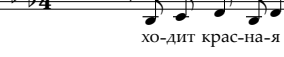
3

Ка к из Ниж не-то Куй то да в Вер хне-е Куй-то хо-дит крас на-я

18

S.

A.
хо-дит крас-на-я ры- ба... (закр. ртом)

T.
То не крас-на-я ры-ба, то

B.
ры- ба...

21

S.

A.

T.

B.

Ар-во кра-са - вец, же - них на-шей Сэй - ди.

Poco piu mosso $\text{♩} = 66$

25

S.

A.

T.

B.

f В Сред-нем Куй-то ка-ча-ет-ся лег ка-я лод - ка. Бе-лый па-рус на

sub. p **meno mosso**

28

S.

A.

T.

B.

мач- те... То не па-рус на мач-те, то ме-сяц ме-до-вый для Ар-во и

4 32 $\text{♩} = 60-63$

S. Сэй-ди, для Ар-во и Сэй-ди.

A. Не над о-зе-ром Куй-то ку-

T. Сэй-ди, для Ар-во и Сэй-ди.

B. Не над о-зе-ром Куй-то ку-

36

S. Не в бо-ру Ка-ле-

A. ку-ет ку-куш - ка, не в бо-ру Ка-ле - валь-ском...

T. Не в бо-ру Ка-ле-

B. ку-ет ку-куш - ка, не в бо-ру Ка-ле - валь-ском...

39 *rit. e dim.*

S. валь-ском... Сколь-ко раз про-ку-ку-ет счаст - ли-вы-е зна-ют, а я не ска

A. (закр. ртом)

T. валь-ском... Сколь-ко раз-про-ку-ку-ет счаст - ли-вы-е зна-ют, а я не ска

B. (закр. ртом)

43 *dim.* **Tempo I** *pp*

S. жу вам. (закр. ртом) *pp*

A. *pp*

T. *dim.* *pp*

B. *pp*

46 *dim.* *pp*

S. *pp*

A. *pp*

T. *pp*

B. *pp*

Николай Гребенищikov

Калевальская свадебная

Как из Верхнего Куйто
да в Нижнее Куйто
ходит белая рыба...
То не белая рыба,
то Сэйд-невета,
счастливая Сэйд.

Как из Нижнего Куйто
да в Верхнее Куйто
ходит красная рыба...
То не красная рыба,
то Арво-красавец,
жених нашей Сэйд.

В Среднем Куйто качается легкая лодка.
Белый парус на мачте...
То не парус на мачте,
то месяц медовый
для Авро и Сэйд,
для Арво и Сэйд.

Не над озером Куйто кукует кукушка,
Не в бору Калевальском...
Сколько раз прокукует –
счастливые знают.
А я не скажу вам.

Д. Цвибель

Протыковенно 1-12

p В ми-ну - ты

p 5

3 3 3 3

5

3

му - зы - ки пе - чаль - ной я пред став - ля - ю жел - тый
но под не - бом низ - ким я ви - жу яв - стве - нно, до -

6

плёс, и го - лосжен-щи-ны про - шаль-ный и шум по
слез, и жел-тыйплес и го - лос близ-кий и шум по

* при повторе на 1/2 тона выше

2

9 *f*

ры-вис-тых бе - рез, и пер - вый снег под не - бом
 ры-вис-тых бе - рез. Как буд - то ве - чен час про

12

се-рым сре-ди по - гас - нув-ших по - лей
 щаль ный, как буд - то вре - мя ни при чем...

14

и путь без солн - ца, путь без ве-ры го - ни-мых
 В ми-ну - ты му - зы - ки пе-чаль ной не го - во

17

сне - гом жу - рав лей...
 ри - те ни о чём...

20 3

Дав - но ду - ша блуж - дать ус -

22

та - ла в бы - лои люб - ви, в бы - лом хме - лю, дав - но по -

25

нять по - ра нас - та - ла, что слиш - ком приз - ра - ки люб

28 *f*

лю. Но все рав - но в жи - ли - щах зыб - ких по - ро - буй

f

8va 5

4

31 *p*

их ос-та-но-ви! Пе-рек-ли-ка - ясь, пла - чут

34

скрип-ки о жел - том плё - се, о люб

36

ви.

cresc. 5 *ff*

38

И всё рав - //

41

чём.

p

43

p

не го - во - ри - те ни о чём.

rit.

p

5

Николай Рубцов

В минуты музыки

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В НАЧАЛЕ3

Мой папа5

ИМЕНА.....41

Про шайку и дядю на танке43

Наташа50

Анечка.....59

Из Америки с любовью.....64

И ВОЗЗВАЛ.....75

Взывающий.....77

Юрий Дмитриев.....79

Андрей Дмитриевич.....82

Услышать Шостаковича.....83

ВОТ СЛОВА 105

Дмитрий Цвибель:

«Иудаизм – это не религия...».....107

«Карелия не знала рабства и антисемитизма»...116

КГБ СССР: для чего вы читаете Ленина?129

Просто Дима.....135

И ВОСПЕЛ 153

Калевальская свадебная155

В минуты музыки.....161

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Дмитрий ЦВИБЕЛЬ

Моё Пятикнижие

Компьютерный набор нот – Екатерина Руденко
Верстка и дизайн – Александр Победин

Бумага офсетная. Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Тираж 100 экз.

Отпечатано в «Издательский дом ПИН», ИП Марков Н.А.
г. Петрозаводск, ул. Балтийская 56, тел. (814 2) 56-26-73
www.pinptz.ru

